

В. П. Москвин

МЕТОДЫ И ПРИЕМЫ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА

Монография

2-е издание, стереотипное

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2015

УДК 81-13(042.4)
ББК 81-5-923
М82

Монография печатается при финансовой поддержке
гранта РГНФ (проект 13-04-00381 «Интертекстуальность
и фигуры интертекста в дискурсах разных типов»).

Москвин В. П.

М82 Методы и приемы лингвистического анализа [Электронный ресурс]:
монография / В.П. Москвин. — 2-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА, 2015.
— 224 с.
ISBN 978-5-9765-2133-9

Рассмотрены методы и приемы лингвистического анализа, основные цели и механизмы их применения, приведены примеры их использования с необходимыми пошаговыми пояснениями. Уточнено соотношение понятий ‘метод’, ‘методика’, ‘прием’, ‘аспект исследования’ и др.; разработана общая классификация методов и приемов, используемых в науке о языке. Освещена историческая ретроспектива вопроса, даны критические комментарии ряда спорных моментов.

Для преподавателей вузов, студентов, аспирантов, учителей-словесников, а также всех, кто интересуется проблемами теоретической лингвистики.

УДК 81-13(042.4)
ББК 81-5-923

ISBN 978-5-9765-2133-9

© Москвин В. П., 2015
© Издательство «ФЛИНТА», 2015

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Метод, методика, приём, способ, анализ, аспект исследования: соотношение понятий	7
Глава 2. Описательный метод	13
2.1. Сопоставительный анализ	17
2.1.1. Диахронное сопоставление. Сравнительно-исторический метод	17
2.1.2. Синхронное сопоставление. Оппозитивный и компонентный анализ.....	21
2.2. Анализ и синтез в лингвистике	29
2.3. Системно-структурный подход к языку.....	31
Глава 3. Аспектные методы	33
3.1. Функциональный анализ.....	33
3.2. Позиционный анализ.....	45
3.3. Уровневый анализ	50
3.4. Тематический анализ.....	53
3.5. Мотивационный анализ	71
3.6. Количественный анализ.....	82
3.7. Контекстуальный анализ	110
Глава 4. Экспериментальные методы.....	124
4.1. Трансформационный анализ	127
4.1.1. Редукция	129
4.1.2. Распространение	131
4.1.3. Лексико-синтаксическая трансформация	133
4.1.4. Синонимическое перифразирование предложения	138
4.1.5. Синонимическое перифразирование слова	139

4.1.6. Ротация.....	143
4.1.7. Субституция	146
4.2. Дистрибутивный анализ	160
4.2.1. Сочетаемостный анализ	164
Глава 5. Некоторые методики лингвистического анализа	172
5.1. Нормативный анализ.....	173
5.2. Лингвистический анализ текста.....	181
5.3. Стилистический анализ.....	197
5.4. Коннотемный анализ.....	205
5.5. Полевая методика	208
5.6. Интертекстуальный анализ.....	212
Заключение	218

Введение

В далеком 1971 году Б. Н. Головин констатировал, что в научной литературе того времени сведения о методах и методиках лингвистического анализа «или крайне скупы, или вообще отсутствуют»¹. Современная отечественная и зарубежная специальная литература по данному вопросу уже давно приняла практически необозримый характер; вместе с тем нельзя не отметить целый ряд присущих ей «слабых мест».

1. В силу того, что описания методов и приемов лингвистического анализа востребованы прежде всего среди начинающих исследователей², стиль таких трудов, их логика и система пресуппозиций должны быть доступны для студента-дипломника, магистранта, аспиранта, докторанта. Между тем в соответствующей литературе:

- a) Презентация материала нередко производится по формуле «*ignotum per ignotum*», т. е. «неизвестное через неизвестное». Так, в учебном пособии, цель которого — «ознакомить студентов с основами и процедурами современных лингвистических исследований, развить у них навыки самостоятельной творческой работы», читаем:

«Шайкевич доказывает, что основные перспективы лингвостатистики, если она хочет исследовать особенности структуры текста или структуры языка, связаны с поисками расхождений между теоретическими данными (чаще всего они сравниваются с нормальным распределением, или распределением Пуассона) и эмпирическими данными. *Объяснять здесь сущность этих понятий мы не сможем за недостатком места* [курсив наш. — В. М.]»³.

¹ Головин Б. Н. Язык и статистика. М., 1971. С. 3.

² Именно поэтому методы и приемы лингвистического анализа являются типовым предметом общего языкознания (например: Общее языкознание. Методы лингвистических исследований / ред. Б. А. Серебренников. М., 1973 и др.).

³ Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике. М., 1991. С. 42.

- б) При характеристике метода или приема далеко не всегда исчисляются конкретные цели и объекты его применения, в результате остается неясным, зачем существует тот или иной прием, тот или иной метод, каковы их конкретные функции, а значит, ослабляется или вовсе теряется мотивация к усвоению соответствующих сведений.
- в) Крайне редко приводятся наглядные примеры и образцы разбора, освещающие механизмы применения того или иного метода либо приема, отсутствие же иллюстративных примеров [ср. лат. *illustris* 'ясный'] не способствует ясности изложения. Американский антрополог Клиффорд Гирц (1926—2006) дает мудрый совет:

«Если вы хотите понять, что представляет собою наука, вы должны в первую очередь обратить внимание не на ее теории и открытия и, конечно же, не на то, что говорят о ней ее апологеты [в частности, науковеды. — *В. М.*], вы должны посмотреть на то, что делают практики от науки»¹.

Методы и приемы усваиваются только путем разбора конкретных примеров удачного либо неудачного (что тоже полезно) их применения, т. е. на практике.

2. Отсутствует общая классификация методов и приемов лингвистического анализа, что противоречит принципу системности в осмыслении и запоминании фактов.

Предпринятое исследование служит восполнению указанных лакун. Поставленной задачей определяются: 1) рубрикация монографии, отражающая общую схему разработанной нами классификации методов и приемов лингвоанализа; 2) построение разделов книги, в каждом из которых даются: а) краткое определение метода или приема; б) основные цели его применения; в) образцы аналитического разбора с его применением, с необходимыми пояснениями и комментариями; г) краткая история вопроса.

¹ Geertz C. *The Interpretation of Cultures*. New York, 1973. P. 5.

Глава 1

МЕТОД, МЕТОДИКА, ПРИЁМ, СПОСОБ, АНАЛИЗ, АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

В связи с крайне неясным, если не запутанным характером соотношения перечисленных шести понятий А. Т. Хроленко вполне справедливо сетует:

«Термин *метод* [здесь и далее курсив наш. — В. М.] является многозначным: им обозначаются *аспект* исследования, *методика*, *прием*, *способ* описания и т. д. Естественно, что при таком недифференцированном подходе к определению метода трудно создать сколько-нибудь научную классификацию лингвистических методов. Именно поэтому даже лучшие работы по методологии языкознания ограничиваются описанием более или менее бесспорных методов и располагают их в одном ряду *без указания на классификационную иерархию*»¹.

Рассмотрим термины данного понятийного ряда. Зачастую они используются как дублетные: а) *прием субституции* (Л. М. Васильев, Г. Е. Крейдлин, И. П. Распопов, Б. А. Серебренников, Э. М. Солодухо, Н. И. Формановская, Л. Д. Чеснокова, С. К. Шаумян); б) *метод субституции* (Р. И. Аванесов, Л. Витгенштейн, М. М. Гухман, Э. М. Медникова, С. Е. Никитина, Н. В. Перцов, Б. Б. Пиотровский, Ю. С. Степанов, А. В. Суперанская, А. Д. Швейцер, В. Н. Ярцева); в) *методика субституции* (Вестник Моск. ун-та, 1968; Термин и слово, 1979 / ред. Б. Н. Головин) и др. Поскольку для научного исследования решения на основе аргументации *ad auctoritatem* неприемлемы, необходим анализ фактов. Дефиниционный и сочетаемостный анализ показывают следующее:

1. Под МЕТОДОМ [греч. *μέθοδος* ‘метод, система <приемов>’, букв. ‘хитроумный способ, мастерство’, ср. *μεθοδεύω* ‘обманываю, исполь-

¹ Хроленко А. Т. Общее языкознание. Курск, 1999. С. 205.

зую против кого-л. хитроумный план⁷] принято понимать «совокупность приемов или операций практического или теоретического освоения действительности, подчиненных решению конкретной задачи»¹, под методикой — «фиксированную совокупность приемов практической деятельности, приводящей к заранее определенному результату»². Метод представляет собой «систему приемов, используемых в научном описании»³, методика же «является последовательностью приемов»⁴, совокупностью приемов «в их последовательности и взаимосвязи»⁵; алгоритмом, схемой исследования, планом, порядком действий, ср.: а) *методический* — «точно следующий установленному плану; строго последовательный» (Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998. С. 538); б) *методика проведения урока и порядок проведения урока*. Иными словами, если метод системен, то методика как план действий линейна. Поскольку метод нелинеен, «истолкование его как фиксированной последовательности шагов [т. е. алгоритма. — В. М.] ошибочно»⁶.

2. Метод нацелен на открытие, на творчество, методика — на деятельность по определенной алгоритмической схеме, ср.: «Определяющую роль в научном открытии играют методы и приемы, которые в противоположность алгоритмическим методам [т. е. методикам. — В. М.] называются эвристическими, так как они помогают открывать новое в науке»⁷. Именно поэтому можно сказать *методы открытия* или *познания истины*, но не **методика открытия* или *познания истины*; *творческий метод*, но не **творческая методика*; *методы*

¹ Спиркин А. Г. Метод // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1974. Т. 16. С. 472.

² Мирский Э. М. Методика // Новая философская энциклопедия: в 4 т. 2-е изд. М., 2010. Т. 2. С. 552.

³ Горбачевский А. А. Теория языка. М., 2011. С. 185.

⁴ Щепилова А. В. Теория и методика обучения французскому языку. М., 2013. С. 171.

⁵ Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Методы прикладных социальных исследований. М., 2008. С. 34.

⁶ Designs for Science Literacy / Ed. F. J. Rutherford. Oxford Univ. Press, 2001. P. 18.

⁷ Овчаров А. О. Актуальные проблемы современных научных исследований: методология, экономика, статистика. М., 2014. С. 75.

духовного воспитания, но не *методика духовного воспитания; методика изучения темы «Закон сохранения механической энергии», но не *метод изучения такой-то темы; метод мышления, но не *методика мышления. В отличие от методики (например, синтаксического или морфологического разбора), нередко напоминающей инструкцию или рецепт, метод предполагает критическое мышление, ср.: «Научный метод нацелен на открытие того, каковы на самом деле факты», при этом «природу фактов нельзя открыть без критического размышления»¹.

3. Метод и методика противопоставлены приему по количественному параметру. Если метод есть система приемов, а методика — последовательность в применении ряда приемов, то прием представляет собой отдельное действие, отдельный акт, в силу чего можно говорить о приеме префиксации, но едва ли о *методе или методике префиксации. С этой точки зрения более приемлем термин прием субституции.

4. Родовыми для понятий метода и методики являются понятия: а) способ, ср. способ анализа и, с некоторым варьированием смысла, метод [= система приемов] анализа, методика [= алгоритм, последовательность приемов] анализа; б) анализ, ср. трансформационный анализ и метод трансформационного анализа, стилистический анализ и методика стилистического анализа.

5. Языковая единица может быть рассмотрена в различных своих аспектах, например в функциональном, позиционном и т. д., отсюда разработка различных аспектных методов (= систем приемов) анализа: функционального, позиционного и др.

Понятие 'метод' регулярно отождествляется с понятиями 'теория' и 'научное направление', что представляется необоснованным. В пособии В. П. Даниленко читаем:

«Частнолингвистические методы делятся на две группы — дихотомические и недихотомические. К первой из них относятся следующие диады методов: 1) унификационный — сравнительный; 2) синхронический — диахронический; 3) семасиологический — ономасиологический; 4) структурный — функциональный. К основным

¹ Cohen R. M., Nagel E. An introduction to logic and scientific method. London, 1934. P. 391.

недихотомическим методам лингвистического анализа относятся следующие: 1) <метод> дисциплинарного анализа; 2) <метод> языкового поля и компонентного анализа; 3) <метод> когнитивного анализа; 4) <метод> дискурсивного анализа»¹.

К сожалению, тезис о необходимости такого подразделения методов никак не аргументирован. Судя по материалу, представленному в пособии, автор сближает понятие метода с целым рядом других, в частности с понятием научного направления. Так, в главе «Структурный и функциональный методы в лингвистике» (с. 110—125) находим характеристику ономазиологического направления в двух его тенденциях: структурной и функциональной, в главе «Метод языкового поля и компонентного анализа» (с. 178—185) — характеристику теории поля (ее истории, категориального аппарата) и т. д.

Еще Ю. С. Степанов указал на нецелесообразность подразделения лингвистических методов «по сфере языка, на “методы фонологии”, “методы морфологии”, “методы синтаксиса” и т. д.», поскольку «одни и те же методы переносятся из одной сферы языка в другую, на другой материал»². Кроме того, если систематизировать методы «по направленности на разные стороны языка», то можно прийти к идее существования «фонологического, морфологического, синтаксического и т. п. метода»³. При таком (методологически сомнительном) подходе возникает и опасность подмены предмета. Так, в пособии З. И. Комаровой в разделе «Метод и методики лингвостилистики» находим определение лингвостилистики, характеристику ее предмета, историю возникновения и развития, перечисление этапов развития и направлений этой науки, после чего *ex machina* следует вывод, никак не связанный с предтекстом:

«Итак, лингвостилистический метод — это междисциплинарная и межпарадигмальная интеграция методов, методик, приемов и процедур исследования, направленных на изучение использования языка в речевой деятельности, на установление закономерностей употребления языковых единиц в разных сферах и ситуациях обще-

¹ Даниленко В. П. Методы лингвистического анализа. М., 2011. С. 4–5.

² Степанов Ю. С. Принципы и методы современной лингвистики. М., 1975. С. 12.

³ Кодухов В. И. Общее языкознание. М., 1974. С. 218.

ния, обусловленных экстралингвистическими факторами, а также на изучение закономерностей формирования стилистической системы того или иного языка».

Далее находим перечисление «базовых концептов метода» («стиль», «функциональный стиль», «речевой жанр» и «речевая системность») с их определениями, хотя первые три понятия относятся к базовым концептам стилистики, а как может быть системна речь, автор не поясняет (как известно, *речь* линейна, системна же *язык*). После этого приводится объемный перечень «объектно-предметных областей метода»:

«Вся вертикальная парадигма базовых концептов лингвостилистики: стиль (языковой и речевой) ↔ функциональный стиль (макро-стиль) ↔ жанр (первичный, речевой и вторичный, риторический) ↔ субжанр ↔ экземпляр текста (идиостиль) ↔ стиль высказывания (речевого акта); речевая системность функционального стиля; стилеобразующие факторы; стилевые доминанты (М. К. Кожина); конструктивно-стилевые векторы (В. Г. Костомаров); традиционная модель стиля; стилистико-речевые функции (информационная, воздействия, констатации, предписания, социальной оценки, ценностной ориентации, выразительности, изобразительности и др.); стилевые черты; стилистико-текстовые категории (диалогичности, акцентности, гипотетичности, оценки; образа автора, темпоральности, тональности, локальности и др.); функционально-смысловые типы речи (повествование, описание, рассуждение, а также разновидности — объяснение, доказательство, констатация, предписание); стилистическая парадигматика; стилистическая синтагматика; лексическая стилистика; грамматическая стилистика; синтаксическая стилистика; экспрессивная стилистика; стилистическое значение, окраска (мелиоративные и пейоративные)» и т. д.¹

Данное перечисление «объектно-предметных областей *метода*» в той же мере может быть охарактеризовано и как перечисление объектно-предметных областей *стилистики*. Как видим, содержание раздела никак не соответствует его названию. Здесь, как и в пособии В. П. Даниленко, наблюдаем характерное для науки о языке «нечет-

¹ Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. М., 2014. С. 609–613.

кое употребление общенаучных понятий, таких, как принцип, теория, метод»¹. Смешение понятий 'метод' и 'теория' — одна из причин ситуации, когда «гуманитарные науки вместо того, чтобы предлагать курсы по изучению методов и методик, обычно предлагают курсы, соревнующиеся в освещении теоретических подходов и концепций»².

¹ Сыроваткин С. Н. Принципы и методы лингвистич. исследований в свете семиотики. Калининград: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1979. С. 6.

² Steen G. et al. A method for linguistic metaphor identification. Amsterdam & Philadelphia, 2010. P. 3.

Глава 2

ОПИСАТЕЛЬНЫЙ МЕТОД

ОПИСАТЕЛЬНЫЙ МЕТОД [англ. *descriptive method*] является наиболее простой и древней из всех известных исследовательских процедур; его «главной задачей является описание того состояния дел, которое существует в настоящий момент»¹, т. е. преимущественная сфера действия данного метода — синхронное состояние объектов.

В основе описательного метода лежат два аналитических приема: 1) НАБЛЮДЕНИЕ — «чувственное отражение объектов и явлений» в ракурсе «некой проблемной ситуации»²; 2) СОПОСТАВЛЕНИЕ — установление сходств и различий между объектами путем их соотнесения по определенному параметру. Целями данных приемов являются:

1. Отбор тех фактов, свойства которых отвечают решаемой проблеме. В процессе этой процедуры формируется выборка фактов, в частности иллюстративных примеров.

2. Выявление и фиксация свойств изучаемых объектов, что позволяет совершать две мыслительные операции: а) объединять, обобщать объекты по тем или иным параметрам (прием индукции); б) подразделять их по определенным параметрам (прием дедукции). В результате применения этих двух приемов появляется классификация.

3. Выявление и фиксация отношений между объектами, что позволяет вскрыть причинно-следственные связи. В результате этой процедуры формулируется определенная закономерность.

4. Заключительный этап исследования — проверка выводов (результатов) путем поиска ОПОТВЕРГАЮЩИХ ФАКТОВ И ПРИМЕРОВ (того, что в средневековой логике именовали *exempla in contrarium*), т. е. отрицательного материала, не укладывающегося в построенную систему или выявленную закономерность. Л. В. Щерба предупреждает: построив на основе

¹ Kothari C. R. Research methodology: Methods & techniques. New Age International, 2004. P. 3.

² Михайлов Л. А. Концепции современного естествознания. СПб., 2003. С. 30–31.

определенных фактов «некую отвлеченную систему, необходимо проверять ее на новых фактах»¹. В старинном наставлении по научной работе читаем: «Не следует ни утверждать, ни выводов делать до тех пор, пока не убедишься в отсутствии опровергающих примеров»². Если исследователь по тем или иным причинам пропустит этот важный этап, то за него это может сделать кто-либо другой:

Так, знаменитый греческий философ Платон однажды составил следующее определение, имевшее большой успех: «Человек есть животное о двух ногах, лишённое перьев». Диоген же ощипал петуха, принес к нему в школу и объявил во всеуслышанье: «Вот платоновский человек!»

Б. Н. Головин, изучив варианты несовершенного вида глаголов типа *оспóривать* (устар.) — *оспáривать*, пришел к выводу: «Нет никаких данных, которые позволили бы думать, что глаголы с *a* не вытеснят своих “конкурентов”» (Головин Б. Н. Как говорить правильно. М., 1988. С. 60). Образовав «варианты с *a*» от глаголов *обусловить*, *подытожить*, *отсрочить* (опровергающие примеры), мы приходим к заключениям: 1) вывод Б. Н. Головина неточен; 2) выборка сопоставляемых фактов должна быть: а) для небольшого, обозримого числа изучаемых единиц — сплошной, т. е. охватывающей все изучаемые единицы; б) для значительного либо необозримого числа изучаемых единиц — достаточно репрезентативной. Выборку можно считать достаточной в том случае, если выявлены все типы опровергающих примеров и установлена сфера действия основного правила, а новые примеры лишь пополняют выборки уже выявленных типов.

Американский историк Томас Кун (1922—1996) пишет: «Открытие начинается с осознания аномалии»³. Ценность опровергающих фактов состоит в том, что они корректируют наши выводы, заставляют «ввести в правило <то или иное> ограничение»⁴. Так, вывод о замене

¹ Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 31.

² Wolf Ch. *Philosophia rationalis sive logica: methodo scientifica pertractata et ad usum scientiarum atque vitae aptata*. Lipsiae, 1740. P. 2.

³ Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 80.

⁴ Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. С. 38.

ударного гласного *о* ударным *а* в позиции перед суффиксом *-ива-* в целом верен, но данная закономерность, как и многие другие законы, имеет определенную сферу действия, т. е. не распространяется на случаи, когда такая замена ведет к паразитарной двусмыслице: *обуслáвливать* ~ *слава*, *подытáживать* ~ *этаж* и др.

Неспособность охватить проблему во всех ее аспектах, значимых для поиска адекватного решения, невнимание к фактам и тонким различиям между предметами приводит к ПАРАЛОГИЗМУ РЕДУКЦИИ [англ. *reductive fallacy*] — неоправданно упрощенному взгляду на проблему¹. Пример редукции в средневековой науке — разработка знаменитого четырехэлементного алхимического анализа (воздух, земля, вода, огонь как генетическая основа всех остальных веществ). Примерами редукционизма в лингвистике могут послужить концепция советского академика Н. Я. Марра (корни *сал*, *бер*, *йон*, *рош* как генетическая основа всех остальных слов), концепция австралийской исследовательницы Анны Вежбицкой (десяток «семантических примитивов» как генетическая основа значений всех слов), концепция российской исследовательницы Т. В. Шмелевой (семикомпонентная «анкета» любого из речевых жанров) и др. Упрощение сложной проблемы может быть и манипулятивно-нарочитым; в этом случае перед нами уже не ошибка, а хитроумная уловка — софизм изъятия [англ. *fallacy of exclusion, reductive fallacy*], состоящий в тенденциозном устранении тех фактов, которые противоречат доказываемому тезису². Изъятие факта сопровождается избирательным вниманием [англ. *selective attention*]. В западной логико-философской традиции неполная подборка примеров и фактов [англ. *partial selection of the evidence*] считается ошибкой³, заведомо же тенденциозная — софизм селекции [англ. *fallacy of selection*] — нечестной уловкой⁴.

Подведем итоги рассмотрения описательного метода. Алгоритм проведения научных исследований с его использованием включает

¹ Такое упрощение именуется чрезмерным [англ. *oversimplification*] (Gula R. J. Nonsense: A handbook of logical fallacies. Axios Press, 2002. P. 89).

² Davis J. W. Philosophical logic. Dordrecht, 1969. P. 115.

³ Patten B. M. Truth, knowledge, or just plain bull: how to tell the difference. A Handbook of practical logic and clear thinking. Prometheus Books, 2004. P. 120.

⁴ Например: Thouless R. H. Straight and crooked thinking. Cambridge, 1930. P. 32–37; Gula R. J. Nonsense. P. 115.

следующие этапы: 1) формулировку проблемы, а значит и цели исследования; 2) поиск фактов, свойства которых отвечают поставленной цели, формирование выборки; 3) наблюдение и сопоставление фактов с фиксацией существенных, таксономически значимых свойств и отношений; 4) интерпретацию фактов, формулировку выводов; 5) проверку выводов, т. е. построенной классификации или выявленной закономерности путем поиска опровергающих фактов.

Перед исследованием либо на первых его этапах может возникнуть гипотеза — «теоретическое утверждение, которое содержит предположение о характере отношения ряда конструктов друг к другу»¹. Для филологического исследования она факультативна по той причине, что понятийная система речевого мышления, а значит и язык в отличие от понятийных систем точных и естественных наук не представляет собой жестко структурированный объект: так, «идея о том, что закон может иметь исключения, для ученого-естественника смешна либо неприемлема, однако для филологической теории и практики вполне обычна»². Поэтому классификация в лингвистике «осуществляется, как правило, по многим параметрам»³, а значит результат здесь малопредсказуем, в силу чего гипотеза «более характерна для естественных, чем для социальных наук» и «для количественного, чем для качественного исследования»⁴.

Для наглядности результаты исследования могут быть отображены в виде определенной модели⁵ — схемы, формулы (например, изображающей значение в виде суммы его компонентов), таблицы, графика, диаграммы, рисунка и т. д.

¹ Perry F. L. Research in applied linguistics. Taylor & Francis, 2011. P. 253.

² Delbrück B. Introduction to the Study of Language: A Critical Survey of the History and Methods of Comparative Philology of Indo-European Languages. Amsterdam, 1974 [1882]. P. 25.

³ Вершинин М. И., Вершинина Л. П. Применение нечеткой логики в гуманитарных исследованиях // Библиосфера. 2007. № 4. С. 45.

⁴ Sunderland J. Research questions in linguistics // Research methods in linguistics. London & New York, 2010. P. 10.

⁵ Ср.: «То, с чем более удобно работать, т. е. то, что легче увидеть, услышать, запомнить, записать, обработать... есть модель» (Чжао Юань-жень. Модели в лингвистике и модели вообще // Математическая логика и ее применения. М., 1965. С. 291.).

2.1. Сопоставительный анализ

Сопоставительный анализ, представляющий собой сравнение объектов по определенному параметру, производится в двух аспектах: диахронном и синхронном. Если диахронное сопоставление выявляет историю развития и генетические связи объектов, то синхронное используется с целью разработки родовидовых иерархий, или типологий объектов независимо от их генетических связей. И в том и в другом случае используются основополагающие процедуры описательного метода (т. е. наблюдение и сопоставление); с этой точки зрения можно утверждать, что историческая лингвистика и лингвистическая типология образуют два различных аспекта («исторический и логический») одной науки, поскольку имеют «один объект и один метод — сравнение»¹.

2.1.1. *Диахронное сопоставление. Сравнительно-исторический метод*

Таксономический статус сравнительно-исторического метода характеризуется специалистами как неопределенный: «Даже сегодня среди лингвистов есть значительные расхождения в понимании того, что представляет собой данный метод, как он применяется и что он может устанавливать»². Если принять мысль о том, что «описательный метод может быть связан с теми предшествующими событиями, действием которых обусловлено нынешнее состояние объекта»³, то сравнительно-исторический метод следует определить как вариант описательного метода, приспособленный к диахроническим исследованиям. В этом случае объектами сравнения являются различные исторические состояния, или стадии развития одного и того же явления либо предмета. Данный метод традиционно используется в таких науках, как история, биология, социология и др. В языковедении его

¹ Róna-Tas A. Historical linguistics, linguistic typology, linguistic relationship // Theoretical problems of typology and the northern Eurasian languages. Budapest, 1970. P. 146 & 149.

² Trask R. L. The dictionary of historical and comparative linguistics. Edinburg Univ. Press, 2000. P. 65.

³ Tavakoli H. A Dictionary of research methodology and statistics in applied linguistics. Rahnama Press, 2012. P. 160.

перенес немецкий лингвист Франц Бопп (1791—1867), систематически и последовательно применив в своей «Сравнительной грамматике» к семи индоевропейским языкам¹, что «позволило обнаружить доселе скрытые моменты сходства»². Основными целями этого метода применительно к лингвистике являются:

1. Установление закономерностей, тенденций развития языков. Сопоставим, к примеру, ряд слов латинского и восходящего к нему французского языков:

Язык	Сопоставляемые слова и их значения				
латинский	<i>dēbitum</i> 'долг'	<i>tābula</i> 'доска'	<i>cīrculus</i> 'круг'	<i>aurīcula</i> 'ухо'	<i>scribere</i> 'писать'
французский	<i>dette</i> 'долг'	<i>table</i> 'доска'	<i>cercle</i> 'круг'	<i>oreille</i> 'ухо'	<i>écrire</i> 'писать'

Как показывает сравнение, французский язык на одном из этапов своего развития был подчинен закону сокращения заударных гласных, что отвечает стремлению говорящего к экономии речевых усилий. В результате разноместное ударение, характерное для латыни, сменилось фиксированным: во французском языке оно приходится во всех без исключения словах на последний слог.

2. Выявление генетически близких языков. Сопоставим, к примеру, следующий ряд слов в нескольких древних и новых языках:

Русский язык	Санскрит	Греческий язык	Латинский язык	Французский язык	Английский язык	Немецкий язык	Турецкий язык
<i>матерь</i> (устар.)	<i>mātār</i>	<i>μήτηρ</i>	<i>mater</i>	<i>mère</i>	<i>mother</i>	<i>Mutter</i>	<i>ana</i>
<i>волк</i>	<i>vṛkaḥ</i>	<i>λύκος</i>	<i>lupus</i>	<i>loup</i>	<i>wolf</i>	<i>Wolf</i>	<i>kurt</i>
<i>ты</i>	<i>tvam</i>	<i>τε</i>	<i>tu</i>	<i>tu</i>	<i>thou</i> (устар.)	<i>du</i>	<i>sen</i>
<i>два</i>	<i>duva</i>	<i>δύο</i>	<i>duo</i>	<i>deux</i>	<i>two</i>	<i>zwei</i>	<i>iki</i>

¹ Bopp F. Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Litthauischen, Gothischen und Deutschen. Berlin, 1833.

² Delbrück B. Introduction to the Study of Language. P. 23.

Анализ показывает, что русский, санскрит, греческий, латинский, французский и немецкий языки являются родственными, турецкий же принадлежит иной группе.

Заслугой Ф. Боппа является разработка методик системного сопоставления, в результате которого были созданы таблицы системных межъязыковых фонетических, лексических и грамматических соответствий. Именно системные соответствия могут доказать родство языков. Сопоставление элементов (например, скр. *vrkaḥ* и турецк. *kurt* 'волк') на основании некоторого сходства (в данном случае — звукового) без опоры на систему является ложной аналогией. Ф. Бопп предпринял попытку доказать родство полинезийских языков с индоевропейскими: так, по его мнению, полинез. *po* 'ночь' через афerezис, т. е. «подобно эху воспроизводит лишь последний слог санскритского *kśapas, kśapó*»; подобным же образом связаны полинез. *vāka* 'корабль' и скр. *plāvaka*¹. Эта аналогия оказалась ложной ввиду отсутствия опоры на системные соответствия².

3. Реконструкция утраченных в процессе развития языковых единиц и форм («праединиц и праформ»). Реконструкция может производиться двумя способами:

- а) Внутри одного языка, с опорой на зафиксированные в его текстах формы (такая реконструкция именуется внутренней³). Так, если мы сопоставим формы *мох* — *мха*, *пень* — *пня*, *топот* — *тонпать* и др., то мы, вслед за А. Х. Востоковым, который в 1820 г. открыл этот закон, придем к выводу о том, что в древнерусском языке переход гласных [ъ] в [о] и [ь] в [е] происходил только в сильной позиции, т. е. «под ударением или перед слогом с редуцированным <гласным>»⁴.
- б) С опорой на данные других языков той же генетической группы (реконструкция этого типа называется внешней). Так, на основании сопоставления: а) рус. *брат*, укр. и блр. *брат*; б) ц.-слав.

¹ Bopp F. Über die Verwandtschaft der malayisch-polynesischen Sprachen mit den indisch-europäischen. Berlin, 1841. S. 4–5.

² См. критический разбор этой теории: Delbrück В. Introduction to the Study of Language. P. 23–25.

³ См.: Курилович Е. О методах внутренней реконструкции // Новое в лингвистике. Вып. IV. М., 1965. С. 400–434.

⁴ Дуличенко А. А. Введение в славянскую филологию. М., 2014. С. 249.

брагрь, словен. устар. *bratr*, чеш. *bratr* и др. можно сделать выводы, во-первых, о том, что в общеславянском языке это слово использовалось с суффиксом *-(e)p* (подобно рус. *сестра* и устар. *матерь*), во-вторых, о том, что этот суффикс был в восточнославянских языках утрачен. Как видим, внешняя реконструкция применяется в тех случаях, когда внутренняя реконструкция не может помочь.

С помощью данного метода была доказана общность происхождения ряда языков, создана их генетическая классификация (индоевропейские, тюркские, финно-угорские, семито-хамитские и др.), написаны сравнительно-исторические грамматики родственных языков¹, созданы этимологические словари, реконструированы праязыки².

Основоположником сравнительно-исторического языкознания считается британский филолог-востоковед Уильям Джонс (1746–1794), доказавший родство санскрита с европейскими языками. В лекции, прочитанной 2 февраля 1786 г., он сообщает:

«Санскрит, независимо от того, насколько он древен, обладает удивительной структурой, более совершенной, чем греческий язык, более богатой, чем латынь, и более изысканной, чем каждый из них, и в то же время он носит столь близкое сходство с этими двумя языками как в корнях глаголов, так и в грамматических формах, что оно вряд ли может быть следствием случая; сходство так велико, что ни один филолог, который занялся бы исследованием этих трех языков, не смог бы не поверить тому, что они произошли из общего источника, который уже более не существует; можно предположить также... что и готский, и кельтские языки... восходят вместе с санскритом к общему источнику; древнеперсидский также может быть добавлен к этой семье»³.

¹ Например: Бернштейн С. Б. Сравнительная грамматика славянских языков. М., 2005; Сравнительная грамматика германских языков: В 5 т. / отв. ред. М. М. Гухман. М., 1962–1966 и др.

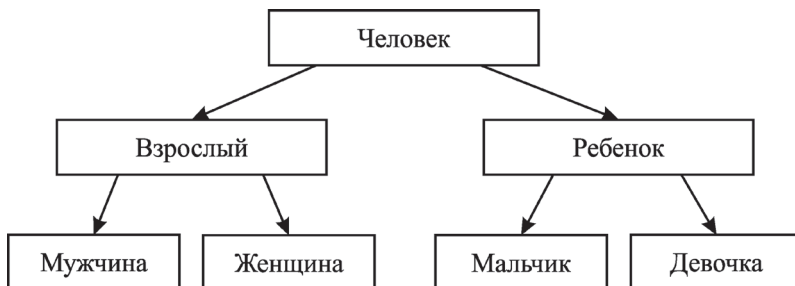
² Например: Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951; Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологич. анализ праязыка и протокультуры: В 2 книгах. Изд-во Тбилис. ун-та, 1984 и др.

³ The works of Sir William Jones. With the life of the author by Lord Teignmouth. In thirteen volumes. Vol. 3. London, 1807. P. 34.

Результатом применения сравнительно-исторического метода в биологии стало учение о родственных связях и эволюции видов (Ч. Дарвин), в языкознании — учение о родственных связях и эволюции языков (Ф. Бопп, Р. Раск, Я. Гримм, А. Х. Востоков).

2.1.2. Синхронное сопоставление. Оппозитивный и компонентный анализ

Для такого сопоставления наиболее значимы две оппозиции, образующие так называемые минимальные пары: 1) «род—вид»; 2) «вид—вид», в частности противоположные виды. Для первой оппозиции следует выявить основание деления, для второй — ПАРАМЕТР ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ (или «базис сравнения»¹). Данная процедура составляет суть оппозитивного анализа, техника которого была детально разработана представителем и одним из создателей Пражской лингвистической школы князем Н. С. Трубецким на материале противопоставлений фонем. Вместе с тем еще в 1936 г. в статье «Очерк теории фонологических оппозиций» ученый отметил: «Фонетическая система предполагает систему оппозиций... Однако оппозиция не является исключительно фонологическим понятием, она принадлежит логике»². Рассмотрим с этой точки зрения логическое членение понятия «Человек»:

Основанием деления родового понятия ‘человек’ является признак ‘возраст’, этот же признак является параметром противопоставления,

¹ Trubetskoj N. S. Principles of phonology / Transl. by Ch. Baltaxe. Univ. of California Press. 1969. P. 68.

² Trubetskoj N. Essai d'une théorie des oppositions phonologiques // Journal de psychologies normale et pathologique. Vol. 33. 1936. P. 6.

или, по Н. С. Трубецкому, базисом сравнения понятий ‘взрослый’ и ‘ребенок’. Понятия ‘взрослый’ и ‘ребенок’ являются видовыми по отношению к понятию ‘человек’ и одновременно родовыми по отношению к понятиям ‘мужчина’ и ‘женщина’, ‘мальчик’ и ‘девочка’, противопоставленным по параметру ‘пол’. Слово *человек* является гиперонимом (суперординатой) по отношению к словам *взрослый* и *ребенок*, слова *взрослый* и *ребенок* являются гипонимами по отношению к слову *человек*. Слова, связанные отношением «вид—вид» (*взрослый* и *ребенок*, *мужчина* и *женщина*, *мальчик* и *девочка*), являются эквонимами.

Отношения «род—вид» образуют таксономическую вертикаль родовидовой иерархии (парадигмы), отношения «вид—вид» составляют ее таксономическую горизонталь. Движение мысли по таксономической вертикали вверх соответствует индукции, т. е. операции обобщения; движение вниз, к частностям и деталям — дедукции; движение мысли по таксономической горизонтали соответствует процедуре сопоставления. Для данной процедуры наиболее значимы следующие выделенные Н. С. Трубецким оппозиции: 1) привативные, в которых один из членов (так называемый маркированный член оппозиции) обладает определенным признаком, а другой (немаркированный член оппозиции) — нет, например: а) согласный [б] обладает признаком звонкости, [п] — нет, причем в определенных случаях происходит нейтрализация данной оппозиции, ср. *губа* — *гу*[п]; б) понятие ‘взрослый’ обладает признаком ‘достигший совершеннолетия’, понятие ‘ребенок’ — нет, причем иногда, например в манипулятивных целях, данная оппозиция нейтрализуется: так, в одних случаях ребенку говорят «Ты еще маленький», в других — «Ты уже взрослый»; 2) эквиполентные, т. е. логически равноправные, например: а) ряды звуков, противопоставленных по месту образования: [п], [б] (губные) и [к], [г] (заднеязычные); б) понятия ‘мужчина’ и ‘женщина’, противопоставленные по гендерному параметру; в) градуальные оппозиции, члены которых различаются по степени интенсивности признака, например: а) гласные переднего [и], среднего [ы] и заднего [у] ряда; б) понятия ‘ребенок’, ‘подросток’ и ‘взрослый’.

Характер родовидовых иерархий имеют различные типологии языков. Так, по характеру ударения языки принято подразделять на два типа: языки с разноместным ударением (древнегреческий, латинский, русский и др.) и языки с фиксированным ударением (французский, венгерский, польский и др.). Фиксированность ударения облегчает

запоминание и использование лексики, однако ограничивает и обедняет выразительные возможности речи: в языках с подвижным ударением возможны все пять метрических типов (хорей, ямб, дактиль, амфибрахий и анапест), в языках же с фиксированным ударением допустимы лишь два из этих пяти типов. Так, во французском языке, где ударение приходится на последний слог, невозможны хорей, дактиль и амфибрахий; в венгерском, где ударным может быть лишь первый слог, нет ни ямба, ни анапеста, ни амфибрахия; в польском, в словах которого всегда ударен предпоследний слог, исключены ямб, дактиль и анапест. Обобщим наши наблюдения в таблице:

Языки		Краткие метры		Долгие метры		
		Хорей	Ямб	Дактиль	Амфибрахий	Анапест
С подвижным ударением	Русский	+	+	+	+	+
	Английский	+	+	+	+	+
	Немецкий	+	+	+	+	+
С фиксированным ударением	Французский	–	+	–	–	+
	Венгерский	+	–	+	–	–
	Польский	+	–	–	+	–

В языках с неполной изотонической парадигмой используется силлабическая ритмовка, возникающая в результате подравнивания стихов по количеству слогов: силлабическое стихосложение «выдуманно по нужде для тех языков, коих прозодия ограничена неизменяемостью ударений на одном каком-нибудь слоге; так, например, в польском всегда на предпоследнем, а во французском на последнем слоге ударение. Сия ограниченность не позволяет им размерять стихи свои по стопам»¹. Рассмотрим с этой точки зрения первый катрен сонета Адама Мицкевича «Байдарская долина»:

Wy

puszczam na wiatr *kon*ia i nie szczę*d*zę *raz*ów; [13 слогов, женская рифма]
*L*asy, *dol*iny, *g*łazy, w *kolei*, w *natł*oku [13 слогов, женская рифма]
U *n*óg *m*ych *p*łyną, *g*iną, jak *fale* *pot*oku; [13 слогов, женская рифма]
Chcę *odur*zyć się, *u*pić tym *w*irem *obraz*ów. [13 слогов, женская рифма]

¹ Востоков А. Х. Опыт о русском стихосложении. СПб., 1817. С. 65–67.

В переводе А. Н. Майкова акцентная аритмия силлабики преобразована в ямб, первая и четвертая женские рифмы по правилу рифменного альтернанса (т. е. для преодоления рифменной монотонии) заменены мужскими, ср.:

Скачу, как бешеный, на бешеном коне;
Долины, скалы, лес мелькают предо мною,
Сменяясь, как волна в потоке за волною...
Тем вихрем образов упиться — любо мне!

Русская силлабика, возникшая в XVII в. в результате заимствования правил польского стихосложения, наследует его особенности, включая не только счет слогов и акцентную аритмию, но и обязательную женскую рифму, ибо «польские рифмы не могут иными быть, как только женскими: понеже все польские слова, выключая некоторые односложные, силу [= ударение. — В. М.] на предкончаемом слоге имеют»¹, ср.:

Монаху подобает в келии седе**ти**, [13 слогов, женская рифма]
Во посте молиться, нищету терп**ети**, [13 слогов, женская рифма]
Искушения врагов силно побежда**ти** [13 слогов, женская рифма]
И похоти плотския труды умерщвля**ти**. [13 слогов, женская рифма]

Симеон Полоцкий. Монах

По сравнению с изотонией, предполагающей возможность симметричной расстановки метрических ударений, силлабика звучит как рифмованная проза, т. е. крайне тяжеловесно: так, бельгийский писатель М. Моро говорит о «рахитизме слов французского языка», который «не обладает даром придавать речи магическое звучание» и представляет собой «длинное, непрерывное блеяние»², в этой же связи Ф. Вольтер пишет о «сухости» французского языка, признаваясь: «Из всех цивилизованных наций наша — наименее поэтическая»³. Учитывая данный факт, В. К. Тредиаковский справедливо указывает на то, что «способ сложения стихов весьма есть различен по различию языков», а значит не должен зависеть от произвола чуждой ему системы стихосложения. Для русского языка важна «мера стоп с падением [= ударением. — В. М.], приятным слуху, от чего стих стихом

¹ Ломоносов М. В. Письмо о правилах российского стихотворства // Полн. собр. соч: В 10 т. Т. 7. М. — Л., 1957. С. 16.

² Moreau M. Cahiers caniculaires. Paris, 1982. P. 32–33.

³ Voltaire F. M. La Henriade. P., 1801. P. 328.

называется»¹. Рассмотренная закономерность, ставящая метрическую систему языка в зависимость от типа ударения, имеет характер универсалии — закона, общего для всех языков². Разработка языковых типологий и выявление языковых универсалий является предметом типологического языкознания.

С опорой на родовидовые иерархии составляются логические дефиниции [лат. *definitio* ‘определение’ < греч. *ὀρισμός*] слов, например: «Мальчик — это ребенок мужского пола». Дефиниция состоит из двух частей: 1) слова-идентификатора, обозначающего ближайшее родовое понятие; 2) слов-конкретизаторов, противопоставляющих определяемое понятие ближайшему видовому понятию (так, в концепции Н. С. Трубецкого определяемая фонема должна противопоставляться оппозицией той фонеме, которая с ней «наиболее тесно связана»)³. Дефиниция разлагает значение слова на компоненты (семь⁴): 1) архисему, обозначаемую словом-идентификатором; 2) дифференциальные семы, обозначаемые словами-конкретизаторами. Сумма таких сем (иногда с указанием параметра противопоставления) образует модель значения слова, например: ‘ребенок’ + ‘мужской’ [семь] + ‘пол’ [параметр] = ‘мальчик’, ‘ребенок’ + ‘женский’ [семь] + ‘пол’ [параметр] = ‘девочка’. Дифференциальные семы противопоставляют значения слов (*мальчик* / *девочка*) подобно тому, как фонемы противопоставляют их формы, имея в виду «те акустические критерии, которые различают <слово> *sick* ‘больной’ от <слова> *thick* ‘толстый’, и благодаря которым мы слышим их как разные языковые формы, а не одну»⁵, ср. рус. *ток* и *док*. Как видим, значение членится как минимум на две семы (т. е. архисему и дифференциальную сему), поэтому вряд ли

¹ Третьяков В. К. Новый и краткий способ к сложению российских стихов // Избр. произведения. М.; Л., 1963. С. 366 и 367.

² См.: Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Дж. Меморандум о языковых универсалиях // Зарубежная лингвистика. Т. 2. М., 1999. С. 118–131.

³ Trubetsoj N. S. Principles of phonology. P. 66.

⁴ Термин сема ввел представитель Пражской школы Владимир Скаличка (1909–1991). понимавший ее как «мельчайшую, неделимую единицу грамматического смысла» (Vachek J. Dictionary of the Prague School of Linguistics. Amsterdam & Philadelphia, 2003. P. 143).

⁵ Goodenough W. H. Componential analysis and the study of meaning // Language. Vol. 32. 1956. № 1. P. 195.

целесообразно полагать, что «значение единицы языка может включать *одну* [курсив наш. — В. М.] или несколько сем»¹. Разложение значения слова на составные части (семы) является предметом КОМПОНЕНТНОГО АНАЛИЗА.

При компонентном анализе не всегда четко различают понятия семы и семантического параметра, ср.: «в семе [пол] можно еще выделить сему [живое существо]»². Точнее было бы сказать, что живые существа (родовое понятие) могут быть подразделены по семантическому параметру ‘пол’ на самцов и самок (видовые понятия), или же что слова *самец* и *самка*, объединенные архисемой ‘живое существо’, противопоставлены по семантическому параметру ‘пол’. М. Бирвиш трактует семы как «теоретические величины, введенные для описания семантических отношений между лексическими единицами данного языка»³, на самом же деле для описания отношений между лексическими единицами предназначены не семы, а семантические параметры.

Византийский богослов и философ Иоанн Дамаскѳн (675, Дамаск — 753) учит: «Здравая, или хорошая дефиниция ни лишних слов не включает, ни недостатка в оных не имеет»⁴. Проверим с этой точки зрения следующее определение:

«ЛУНА, месяц, полумесяц. Небесное тело, являющееся естественным ближайшим спутником Земли, светящееся по ночам отраженным светом Солнца, желтым, реже красноватым или белым» (Словарь синонимов русского языка / под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2011, раздел 1.1 «Небесное пространство и небесные тела»).

Данная дефиниция содержит явно избыточные компоненты: 1) конкретизатор *ближайший*, поскольку Луна, что следует из школьного курса астрономии, — единственный естественный спутник Земли; 2) конкретизатор *по ночам*, так как Луна видна не только ночью;

¹ Степанова М. Д. Вопросы компонентного анализа в лексике // Иностр. языки в школе. 1966. № 5. С. 25.

² Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике. М., 1991. С. 50.

³ Бирвиш М. Семантика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1981. С. 180.

⁴ Ioannis Damasceni Dialectica // Patrologia graeca. Vol. XCIV. Lutetiae Parisiorum, 1864. P. 554.

3) подробности окраски *желтым, реже красноватым или белым*, поскольку других естественных светящихся отраженным светом спутников у Земли нет.

При отсутствии или недостатке в дефиниции слов-конкретизаторов возникает ошибка *IGNOTUM PER IGNOTUM* [лат. ‘неизвестное через неизвестное’]: «Глаз — это такой орган» или «Кошка — это животное семейства кошачьих». Вольный подбор идентификаторов и конкретизаторов ведет к неточности определений, которая может быть:

1) случайной, т. е. непреднамеренной, ср.:

Некоторые люди имеют в виду под *христианином* всего лишь *человека, старающегося вести добропорядочный образ жизни*. В таком смысле, на мой взгляд, христиане нашлись бы во всех сектах и религиях [*опровергающий пример*]; но мне кажется, что это неправильный смысл слова, хотя бы потому, что из него вытекает, будто люди, которые не являются христианами — все буддисты, конфуцианцы, мусульмане и так далее, — не стараются вести добропорядочный образ жизни [*reductio ad absurdum*]. (Б. Рассел. Почему я не христианин)

2) нарочито-манипулятивной. Разберем пример манипулятивной переформулировки в споре преподавателя с деканом по поводу неудобного расписания:

Профессор: Получается, что в понедельник я должен два часа ждать совета факультета, а во вторник — четыре часа ждать заседания кафедры. Итого шесть часов. А мне к декабрю нужно монографию в издательство сдать.

Декан: У нас здесь учебное заведение, а не научно-исследовательский институт.

Профессор (снимая с полки и открывая словарь С. И. Ожегова): Читайте.

Декан (читает дефиницию): «Университет — высшее учебное заведение и... [пауза] одновременно *научное учреждение*».

Профессор: Именно поэтому мы и пишем проректору по *научной работе* отчет *по науке*.

Часть дефиниции термина *университет* подверглась изъятию. Далее на урезанной, искаженной дефиниции был построен софизм ложного основания.

Цель научного анализа любого типа — классификация фактов либо осмысление отдельного факта, которое возможно лишь путем определения его места в таксономической системе. Между тем и логические отношения единиц родовидовой иерархии, и параметры ее членения, и дифференциальные семы имеют виртуальный (скрытый, неявный) характер, что делает любую классификацию чрезвычайно сложной задачей.

Еще Аристотель (384—322 до н. э.) высказал мысль о том, что «дефиниция состоит из рода и различий (ὁ ὀρισμός ἐστὶν ἐκ γένους καὶ διαφορῶν)»¹. Эта мысль была возведена британским философом Дж. Локком (1632—1704) в ранг предписания: «Дефиниция *должна* [курсив наш. — В. М.] состоять из рода (Genus) и различий (Differentia)»². Для того, чтобы составить точную, а значит верную дефиницию понятия, необходимо определить его место в системе, а значит найти: 1) ближайшее родовое понятие (genus proximum); 2) ближайшее видовое понятие; 3) параметр, по которому анализируемое понятие противопоставлено ближайшему видовому. Первое дает возможность выявить в структуре анализируемого понятия смысловое ядро (архисему), второе и третье — дифференциальную часть («Differentia»), эксплицирующую: а) дифференциальные семы; б) параметры их выделения. Н. С. Трубецкой предупреждает: «Два предмета (things), которые не имеют основания для сравнения и которые не связаны общим свойством, например *чернильница* и *свободная воля*, не образуют оппозицию»³.

Семную структуру лексических единиц можно выявлять и с опорой на словарные дефиниции, т. е. пользуясь результатами труда лексикографов, которые перед составлением дефиниций произвели компонентный анализ соответствующих слов. Данная процедура именуется дефиниционным анализом. Применяя этот прием, следует помнить о том, что словарные дефиниции бывают далеко не всегда совершенны (хотя, конечно, не следует забывать о том, что лексикографами «выполнена большая часть работы по разложению содержания на компоненты»⁴), ср.:

¹ Aristotelis Opera omnia graece. Vol. 3. Topica. Biponti, 1792. P. 350.

² The works of John Locke Esq; In Three Volumes. Vol. 1. London, 1714. P. 187.

³ Trubetskoj N. S. Principles of phonology. P. 68.

⁴ Ахманова О. С., Мельчук И. А., Глушко М. М. и др. Основы компонентного анализа. М., 1969. С. 34.

«Цербер <...>. 1. В древнегреческой мифологии: трехголовый злой пес с **хвостом** и **гривой из змей** [или *змеиным хвостом?* — В. М.], охранявший вход [или *выход?*] в *подземное царство* [или *царство мертвых?*]] (Словарь русского языка: В 4 т. Т. 4 / Ред. А. П. Евгеньева. М., 1988. С. 643).

Подобные факты убеждают в том, что дефиниция нуждается в предварительном тестировании на степень адекватности: правдоподобия, логичности, полноты или, наоборот, наличия излишних компонентов и т. д. Процедура проверки включает сопоставление данных ряда толковых словарей, а также словарей иных типов, например:

«Кербер (Цербер). В греческой мифологии: порождение Тифона и Ехидны (либо Тартара и Геи). Кербер охранял **выход** из *Аида*, не позволяя умершим возвращаться в мир живых [здесь и далее курсив наш. — В. М.]. Имел вид трехглавого пса со **змеиным хвостом** и **гривой из змей**» (*Романчук Л.* Демонизм. Зверь апокалипсиса: Мифы, версии, реалии. М., 2012. С. 224).

Некритическое использование дефиниционного анализа заставляет исследователя делать выводы на неверной фактической базе, а значит приводит к тому, что в логике именуется *ошибкой ложного основания*. И дефиниционный, и рассмотренный ниже сочетаемостный анализ входят в инструментарий компонентного анализа.

2.2. Анализ и синтез в лингвистике

Анализ, в философском понимании данного термина, состоит в разложении объекта на составные элементы, синтез — в объединении таких элементов в единое сложное целое. Объектами анализа и синтеза в лингвистике выступают два плана языка:

1. Парадигматика. Примером применения анализа к языковой парадигматике является рассмотренный выше компонентный анализ, разлагающий значение слова на семы с опорой на две минимальные пары («вид — ближайший вид» и «вид — ближайший род»). Пример применения синтеза к парадигматике — представление значения слова в виде модели, например: ‘ребенок’ + ‘мужского пола’ = ‘мальчик’. Иногда процедуру *сложения* сем условно (и, как отмечает британский

лингвист Дж. Лайонз, не вполне точно) представляют с помощью знака *умножения*: ‘ребенок’ × ‘мужского пола’ = ‘мальчик’¹. Отсюда альтернативное наименование семы: *семантический множитель*.

2. Синтагматика. Примером применения анализа к языковой синтагматике является сегментация потока речи на фразы (1), словоформы (2), морфы (3) и звуки (4): *Иван продал дом Петру* → *Иван | продал | дом | Петру* и т. д., примером синтеза — объединение выделенных и изученных частей этой же фразы в виде модели « $N_1 - V_f - N_4 - N_3$ », где N_1 — имя сущ. в форме им. ед., обозначающее субъект действия, V_f — глагол передачи в форме ед. муж. сов. прош., N_4 — имя сущ. в форме вин. ед., обозначающее объект действия, N_3 — имя сущ. в форме дат. ед., обозначающее адресата передачи. Разложив фразы *Ткач тклет ткань*, *Вот брат взял нож* и *Вам там был сдан дом* на составляющие их звуки, мы, во-первых, пойдем причины неблагозвучия подобных фраз (Квинтилиан предупреждает: «Моносиллабы, если их много, плохо соединяются»²), во-вторых, сможем представить общую формулу рубленой речи — стиля, основанного на этом виде неблагозвучия: «СГС – СГС – СГС – СГС...», где С — согласный, Г — гласный звук. Знаменитая бурлескная «Ода, собранная из односложных слов» Алексея Ржевского (1737–1804) читается с теми же артикуляционными сложностями, что и скороговорка «Ткач тклет ткань»:

Как я стал знать взор твой,
С тех пор мой дух рвет страсть;
С тех пор весь гиб сон мой;
Стал знать с тех пор я власть.
Хоть сплю, твой взор зрю в сне,
И в сне он дух мой рвет;
О коль, ах, мил он мне!
Но что мне в том, мой свет?
Он мил, но я лишь рвусь:
Как рвусь я, ты то знай.
Всяк час я мил быть тщусь;
Ты ж мне хоть вздох в мзду дай.

Артикуляционная сложность возрастает, если на стыках слов появляются взрывные и аффрикаты, и снижается, если здесь «размеща-

¹ Lions J. *Linguistic semantics*. Cambridge Univ. Press, 1995. P. 108.

² M. Fabii Quintiliani *Institutionis oratoriae libri duodecim*. Vol. II. Lipsiae, 1854. P. 132.

ются плавные звуки [сонорные и щелевые], придающие приятность звучания»¹, ср.: *Мир. Труд. Май* (Лозунг).

Синтагматический и парадигматический аспекты анализа тесно взаимосвязаны: так, сегментация *речи* привела: а) к выявлению таких единиц *языка*, как предложение, лексема, морфема и фонема; б) к осознанию *языка* (в нашем случае — флективного) как системы, представленной четырьмя уровнями: синтаксическим, лексическим, морфемным и фонетическим.

2.3. Системно-структурный подход к языку

Каждый языковой элемент, будь это фонема, слово или синтаксическая конструкция, включен в определенное соотношение с рядом близлежащих понятий и через это соотношение приобретает, по терминологии швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра (1857–1913), ценность («valeur»), т. е. соотносительную значимость, определяемую его местом в системе: так, «фонетическая ценность» звука определяется соотношением со звуками той же микросистемы, «морфологическая ценность» суффикса — соотношением с другими этимологически, семантически или в ином отношении близкими суффиксами² и т. д. По выражению французского лингвиста Антуана Мейе (1866–1936), одного из учеников и последователей Ф. де Соссюра, «chaque langue forme un système où tout se tient» ‘каждый язык образует систему, в которой все взаимосвязано’³. Эти слова, характеризующие суть концепции Ф. де Соссюра, которая была впервые изложена в процитированной выше его книге (1-е изд. 1879), стали ныне крылатыми.

Подход к языку как сложной иерархически устроенной системе, каждый элемент которой имеет соотносительную ценность, дает возможность глубже познать внутреннее устройство, т. е. СТРУКТУРУ (лат. *structura* ‘строение’) языка, поэтому методы, связанные с таким

¹ The works of John Dryden: now first collected in eighteen volumes. Vol. XIV. Edinburgh, 1821. P. 214.

² Saussure F. *Memoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes*. Darmstadt, 1968. P. 32.

³ Meillet A. *Introduction à l'étude comparative des langues indoeuropéennes*. Univ. of Alabama Press, 1969. P. 475.

подходом (оппозитивный, компонентный, а также описанные ниже трансформационный и дистрибутивный), именуется структурными, а научное направление, использующее данные методы — структурной лингвистикой¹. Весомый вклад в разработку ее методов внесли Ник. Серг. Трубецкой (Пражская школа), Зеллиг Харрис, Наум Хомский, Юджин Найда, Чарльз Хоккет (представители американской дескриптивной лингвистики), Уард Гудинаф, Моррис Сводеш (американские этнолингвисты) и др.

¹ Термин *структурная лингвистика* введен представителем Копенгагенской («датской») школы структурализма Вигго Брендалем (1887–1942) в статье: Brøndal V. Linguistique structurale // Acta Linguistica. 1939. № 1. P. 2–10.

Глава 3

АСПЕКТНЫЕ МЕТОДЫ

Специалистами давно отмечена органическая связь «метода и аспекта исследования»¹, отсюда термин, предложенный В. И. Кодуховым: *метод-аспект*; в программировании используются аспектно-ориентированные типы анализа, формируемые изучением таких сторон объекта, как функция, структура, развитие («dynamic aspect») и др.² Необходимость данного понятия состоит в том, что любую классификацию ускоряет и упрощает наличие системы типовых аспектов (или, используя термин античной философии, топосов) рассмотрения понятий: их членения, объединения и противопоставления. В лингвистике этим целям служат функциональный, позиционный, уровневый, тематический, мотивационный, количественный и контекстуальный аспекты анализа.

3.1. Функциональный анализ

В современной научной литературе языковая функция определяется как «*предназначение [курсив наш. — В. М.] языкового средства для хранения и выражения им определенного понятия*»³, как «роль (употребление, назначение) языка»⁴. А. В. Бондарко пишет: «В соответствии с широко распространенным толкованием понятия функции как назначения, роли мы трактуем функции языковых (в частности,

¹ Кодухов В. И. Общее языкознание. М., 1974. С. 214; ср.: Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике. С. 9.

² Visser A., van Slooten K. Aspect-oriented analysis and design // Information Systems Development. New York, 2005. P. 229–230.

³ Левицкий А. Э. Функциональные изменения в системе номинативных единиц современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1999. С. 1.

⁴ Слюсарева Н. А. Функции языка // Лингвистич. энциклопедический словарь. М., 1990. С. 564.

грамматических) единиц как их *назначения, предназначения, как цели* [курсив наш. — В. М.] их употребления»¹. Совершенно очевидным представляется тот факт, что авторы приведенных определений отождествляют понятия «функция» и «назначение».

Под функцией предмета будем понимать цель, с которой он используется в данной конкретной ситуации; НАЗНАЧЕНИЕ предмета определим как ту цель, для выполнения которой он создан, т. е. как основную его функцию. Поясним важность различения этих двух понятий на примере. В. И. Ленин в статье «Еще раз о профсоюзах...», показывая преимущества логики диалектической перед логикой формальной, для примера демонстрирует разницу между предназначением и возможными функциями (ролями) стакана:

«Стакан есть, бесспорно, и стеклянный цилиндр, и инструмент для питья. Но стакан имеет не только эти два свойства или качества или стороны, а бесконечное количество других свойств, качеств, сторон, взаимоотношений и “опосредствований” со всем остальным миром. Стакан есть тяжелый предмет, который может быть инструментом для бросания. Стакан может служить как пресс-папье, как помещение для пойманной бабочки... совершенно независимо от того, годен он для питья или нет, сделан ли он из стекла, является ли его форма цилиндрической или не совсем, и т. д. и т. п.»².

Итак, стакан *предназначен* для питья, но может быть использован в различных *функциях*: а) в основной — как сосуд для питья (здесь функция совпадает с назначением); б) во вторичных функциях: как жилище для пойманной бабочки, как орудие удара, как груз для разлетающейся от ветра бумаги, как подставка, как хранилище для карандашей.

Функциональный анализ состоит в выявлении и систематизации основных и вторичных функций языковых единиц и применяется, в частности, в следующих целях:

1. Для описания системы значений языковых единиц. Каждое слово в речи: а) выполняет свое прямое назначение (основную функцию); б) может иметь ряд вторичных функций. Так, назначение слова *насе-*

¹ Бондарко А. В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996. С. 43.

² Ленин В. И. Еще раз о профсоюзах // ПСС. Т. 42. М., 1970. С. 289–290.

комое — обозначать некоторый биологический класс, возможная функция — эвфемистическое обозначение одного из представителей данного класса (к примеру, таракана, клопа или воши). Ср. также: *Врач удостоверил, что смерть* [= гибель] *произошла от разрыва сердца* (Л. Толстой) / *Смерть* [= очень] *люблю узнать, что есть нового на свете* (Н. В. Гоголь).

С этой же точки зрения может быть охарактеризован любой речевой акт [англ. *speech act*] — фраза, используемая с определенной целью: констатировать факт, дать обещание, изложить просьбу, задать вопрос, ответить на вопрос, отдать приказ (*Стой!* или *Стоп!*), похвалить и т. д.¹ Речевой акт может быть: а) прямым: *Доктор, мне можно пить кофе?* (вопрос); б) косвенным: *Официант, можно мне кофе?* (вопрос, используемый в функции просьбы). Известно, что «комический эффект возникает, как только мы пытаемся принять буквально выражение, употребленное фигурально»², например при понимании косвенного речевого акта как прямого:

— Официант, можно мне кофе? [Ср.: «Дайте мне кофе» (прямой речевой акт).]

— Откуда мне знать, что вам можно, а что — нет? (*Анекдот.*)

Косвенным речевым актом может быть оформлен намек, ср.:

Плюшкин что-то пробормотал сквозь губы, ибо зубов не было, что именно, неизвестно, но, вероятно, смысл был таков: «А побрал бы тебя черт с твоим почтением!» [Прямой речевой акт № 1.] Но так как гостеприимство у нас в таком ходу, что и скряга не в силах преступить его законов, то он прибавил тут же несколько внятнее: «Прошу покорнейше садиться!» [Прямой речевой акт № 2.]

— Я давненько не вижу гостей, — сказал он, — да, признаться сказать, в них мало вижу проку. Завели пренеприличный обычай ездить друг к другу, а в хозяйстве-то упущения... да и лошадей их

¹ См.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986 (особ. статью Дж. Остина «Слово как действие»); Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985 (особ. статью А. Вежбицкой «речевые акты»).

² Bergson H. *Laughter: an essay on the meaning of the comic*. BiblioLife, 2009. P. 115.

корми сеном! Я давно уж отобедал, а кухня у меня низкая, прескверная, и труба-то совсем развалилась: начнешь топить, еще пожару наделаешь. И такой скверный анекдот, что сена хоть бы клочок в целом хозяйстве! [Косвенные речевые акты, выражающие смысл прямого речевого акта № 1.] (Н. В. Гоголь.)

2. Для группировки языковых единиц в семантические объединения: синонимические ряды, лексико-семантические группы, семантические и функционально-семантические поля. Так, слова, выражающие смысл (лексическую функцию) 'очень', объединяются в следующее семантическое поле: а) адвербиальные усилители прилагательных: *тяжело* (болен), *абсолютно*, *полностью*, *совершенно*, *как бык* (здоров), *необычайно*, *как щепка*, *как скелет* (худой); б) адвербиальные усилители глаголов: *назубок*, *как свои пять пальцев* (знать), *как зеницу ока* (беречь); в) адъективные усилители существительных: *жгучая* (брюнетка), *трескучий* (мороз), *отъявленный* (негодяй)¹ и др.

3. Для классификации выразительных средств языка (тропов и фигур). Еще В. М. Жирмунский в статье «Задачи поэтики» (1919) отметил: «Задачей общей, или теоретической, поэтики является систематическое изучение поэтических приемов, их сравнительное описание и классификация», выявление «их важнейших стилевых функций»². Чтобы уметь правильно и к месту употребить прием или средство, нужно знать набор его частных функций, поэтому функциональная характеристика является одной из важнейших как в теоретическом, так и в практическом отношениях. Рассмотрим с этой точки зрения звуковые повторы. По наличию / отсутствию функции такой повтор бывает: а) случайным (при звуковой тавтологии); б) нарочитым. Как фигура речи звуковой повтор может выполнять ряд функций, а значит иметь ряд функциональных типов:

- 1) Повтор взрывных [п, б, т, д, к, г] и аффрикат [ц, ч] поддерживает ритм: *Из года в год негодная погода* (Л. Мартынов). Нагнетание сонорных [м], [н] и др. делает речь плавной, мелодичной, «замед-

¹ Примеры взяты из кн.: Мельчук И. А. Опыт теории лингвистич. моделей «Смысл ⇔ текст». М., 1999. С. 80. Здесь данные слова перечислены в виде нерасчлененного списка с неопределенным таксономическим статусом.

² Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 28 и 37.

ляет темп речи»¹ (поэтому *р* и *л* именуют плавными и длительными согласными; после них и «длительность гласного постоянно больше»²): *Русалка плыла по реке голубой, Озаряема полной луной. И старалась она доплеснуть до луны Серебристую пену волны* (М. Ю. Лермонтов). Установка на мелодичность, напевность, характерная для лирической поэзии, делает ее «музыкой в литературе», или «литературой, принявшей на себя законы музыки»³. Считается, что определенное «звуковое задание» в стихотворной речи «доминирует над смысловым»⁴. Данная функция звуковых повторов именуется эвфонической, или музыкальной.

- 2) Посредством звуковых повторов можно изобразить стук копыт: *От топота копыт пыль по полю летит* (Скороговорка), шелест крыльев: *Ах, эти эфирные эльфы, эфемерные сифиды [ф]сех эпох!* (А. Вознесенский) и т. д. В случаях звукописи «фонетическая структура стиха приближается к его семантической функции»⁵.
- 3) Лейтмотивная функция звукового повтора связана с подчеркиванием тематически ключевого слова: *Как сыпется с гор — готовы умереть мы за Эс Эс Эс Эр!* (В. Маяковский). Ключевое слово *СССР* подчеркнуто посредством повтора входящих в него звуков; данный функциональный тип повтора именуется анаграммой.
- 4) Игровую функцию звукового повтора находим в скороговорках, где повтор, например хиазм, создает артикуляционные барьеры: *Шла Саша по шоссе и сосала сушку*.
- 5) Пример использования звукового повтора в интегративной функции:

Леса — лысы.
Леса обезлосели,
Леса обезлисели.

¹ Якубинский Л. Скопление одинаковых плавных в практич. и поэтич. языках // Поэтика. Пг., 1919. С. 53.

² Зластоунова Л. В. Фонетич. структура слова в потоке речи. Казань, 1962. С. 41.

³ Каган М. С. Морфология искусства. Л., 1972. С. 394.

⁴ Томашевский Б. В. Русское стихосложение. Метрика // Вопросы поэтики. Вып. 2. Пг., 1923. С. 8.

⁵ Москович В. А. Статистика и семантика. М., 1969. С. 142.

Текст «прошит» повторами как по горизонтали, так и по вертикали. В. Маяковский пишет об этом трехстишии В. Хлебникова: «Не разорвешь — железная цепь».

- 6) Звуковые повторы различного типа, в частности рифма, выполняют стихомаркирующую функцию: *И лишь подует горький ветер С далеких, выжженных полян, Как затрещат сухие ветви, Метнутся тени по стволам* (А. Жигулин).
- 7) В смысловой функции звуковые повторы поддерживают образные сближения и ассоциации, например компаративные: *Одиссей был мудрей одессита* (Б. Слуцкий), метафорические: *плащ плющей* (Ф. Искандер), причинно-следственные: *Аллергия от такой аллегории может быть!* Такие «семантико-фонетические эффекты», особенно характерные для лирики¹, возникают в результате паронимической аттракции.
- 8) Звуковой повтор может использоваться в деривационной функции, т. е. служить «орудием изменения смысла»² при ложном этимологизировании: *Мели, Емеля!* В результате слово сближается с чужим словообразовательным гнездом, ср. *молоть* языком / *мелет* языком ‘болтает’ ~ *Емеля* → *Емеля* в значении ‘болтун’. Как известно, «эквивалентность в области звучания неизбежно влечет за собой семантическую эквивалентность»³; «сближается по содержанию то, что является близким по форме»⁴. В силу данной закономерности такая связь может закрепиться: *Ты чего мелешь, Емеля [= болтун], за такие речи как бы язычок тебе не подрезали* (Н. Сухов).

Систематизируем по функциональному параметру метафоры.

- 1) Номинативная метафора используется для обозначения объекта, который не имеет собственного названия, а значит «содействующая тому, чтобы ни один предмет не оставался без обозначения»⁵:

¹ Ларин Б. А. Эстетика слова и яз. писателя. Л., 1974. С. 84.

² Тынянов Ю. Н. Проблема стихотв. языка. М., 1965. С. 293.

³ Якобсон Р. О. Звук и значение // Фоносемант. идеи зарубежного языкознания. Л., 1990. С. 181.

⁴ Бодуэн де Куртене И. А. Об общих причинах языковых изменений // Избр. тр. по общ. языкознанию. М., 1963. Т. 1. С. 226.

⁵ М. Fabii Quintiliani Institutionis oratoriae libri duodecim. Vol. II. Lipsiae, 1854. P. 75.

спутник Земли, застужка-молния. Метафоры этого функционального типа производятся в прагматических целях, т. е. «чтобы залатать прореху в словаре»¹; еще Т. Тассо определил номинативную метафору как «вынужденный перенос»². Внутренняя форма такой метафоры не имеет функциональной нагрузки, а потому сразу же отходит на второй план и забывается (поэтому номинативная метафора служит основным источником мертвых метафор). Генетически первичной следует считать номинативную функцию метафоры, вторичными — все остальные.

- 2) Декоративная метафора служит украшению речи: *алмазная роса, золото волос*.
- 3) Примеры использования метафор в оценочной функции: *медведь, змея* (о людях).
- 4) Метафора употребляются и «дабы непристойности (*obscenitatis*) избежать»³, как в следующем диалоге между баринном и слугой из повести Н. В. Гоголя «Игроки»:

Ихарев. Шума нет, да чай *конного войска* вдоволь, *скакунов?*
Алексей. То есть изволите говорить насчет *блех?*

В этом случае внутренняя форма играет роль прикрытия, «вуалирующего» неприятное, а для некоторых носителей языка и непристойное переносное значение.

- 5) Одна из важнейших функций метафоры — пояснительная. Вот как применяет пояснительную метафору генерал А. И. Лебедь:

В России веками продолжается синдром *динозавра*: пока сигнал от маленькой и часто *безмозглой головы* извилистыми путями дойдет до *хвоста*, его уже *откусили и съели*. А *голова* все равно продолжает *поворачиваться*, так как сигнала в обратную сторону не предусмотрено вообще.

Декоративная, оценочная, эвфемистическая и пояснительная метафоры используются как приемы экспрессивной деривации. Создан-

¹ Black M. Models & metaphors: Studies in language & philosophy. Ithaca; New York, 1962. P. 33.

² Tasso T. Discorsi dell' Arte Poetica. Ferrara, 1587. P. 27.

³ Rhetoricorum ad Herennium libri quatuor. Lugduni, 1588. P. 139.

ные с их помощью номинативные единицы сохраняют образность, поскольку они создаются ради внутренней формы, которая в метафорах этого типа имеет функциональную нагрузку. Функциональные типы образных метафор получают закрепление за определенными стилистическими подсистемами языка. Так, основной сферой распространения метафор, выполняющих эстетическую функцию, является художественная речь, ввиду закреплённости декоративной метафоры за этим стилем ее именуют художественной. Оценочная функция характерна для газетных (*раковая опухоль преступности, хроническая безработица*) и разговорных метафор: *застрять* 'задержаться надолго', *стрекотать* 'быстро говорить', *влипнуть* 'попасть в неприятную ситуацию'. Если в художественной речи распространены образные метафоры, для расшифровки которых необходимы время и желание, то для публицистики и разговорной речи характерны метафоры стертые, превратившиеся в штамп — всем понятный, легко поддающийся дешифровке. Утратив образность, подобные метафоры надолго сохраняют экспрессивность и оценочность.

Е. Курилович полагает, что «иерархия функций внутри некоторой семантической зоны носит панхронический характер, вообще не зависящий от конкретных языков»¹.

Функциональный параметр может послужить основанием не только для выявления частных видов фигуры или выразительного средства (например, метафора художественная, оценочная, пояснительная, эвфемистическая), но и для объединения ряда фигур и средств. Так, эвфемистическая функция объединяет в одну микросистему мейозис (*полный* вм. *толстый*), метонимию (*воспользоваться платком* вм. *высморгаться*), антифразис (*Ну и аромат!* вм. *вонь*), фонетическую аллюзию (*ехать в Ригу* вм. *рыгать*) и др. приемы эвфемизации. Как видим, «функциональная концепция позволяет связать разрозненные явления, установить систему»².

Каждая фигура имеет не только набор функций и сферу действия, но и систему норм употребления. Прагматический аспект изучения фигуральной речи, т. е. функциональная классификация фигур, разра-

¹ Курилович Е. О методах внутренней реконструкции // Новое в лингвистике. Вып. IV. М., 1965. С. 428.

² Тезисы Пражского лингвистич. кружка // Пражский лингвистич. кружок: Сб. статей. М., 1967. С. 22.

ботка системы правил употребления и описание типовых ошибок в использовании каждой из них, имеет серьезные перспективы.

4. Для выявления функциональных подсистем языка. Именно так были выявлены и описаны функциональные стили — варианты литературного языка, которые обслуживают определенные социально значимые сферы общения¹.

Основаниями для выделения функциональных стилей являются:

- 1) Сфера применения стиля: а) деловое общение, делопроизводство (эту сферу обслуживает официально-деловой стиль); б) научная и производственно-техническая (научный стиль); в) словесное творчество (художественный стиль); г) средства массовой информации (публицистический стиль); д) обиходно-бытовое общение (разговорный стиль). Таким образом, можно, вслед за В. П. Мурат, сказать, что «вопрос о функциональных стилях есть в известной мере вопрос о сферах действия языка»².
- 2) Функция: еще Л. В. Щерба подчеркнул, что каждый стиль «вызывается к жизни функциональной целесообразностью»³. Попытку конкретизировать эту закономерность предпринял В. В. Виноградов: «При выделении таких важнейших общественных функций языка, как общение, сообщение и воздействие, могли бы быть... разграничены такие стили: обиходно-бытовой стиль (функция общения); обиходно-деловой, официально-документальный и научный (функция сообщения); публицистический и художественно-беллетристический (функция воздействия)»⁴. А. М. Пешковский среди stileобразующих функций языка называл «воздействие на воображение слушателя и возбуждение в нем эстетических переживаний» (т. е. эстетическое воздействие), «воздействие на волю» (т. е., в частности, административное воздействие) и др. Эти функции, или «социальные задачи»⁵, «предполагают сознательное или бессоз-

¹ Подробнее см.: Москвин В. П. Стилистика русского языка. Ростов н/Д., 2006, раздел «Функциональные стили» (с. 557–623).

² Мурат В. П. Об основных проблемах стилистики. М., 1957. С. 8.

³ Щерба Л. В. Избр. работы по русскому языку. М., 1957. С. 119.

⁴ Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтич. речи. Поэтика. М., 1963. С. 5–6.

⁵ Панфилов А. К. Лекции по стилистике русского языка. М., 1972. С. 22.

нательное приспособление к ним обычных средств языка, и та специфическая оболочка, которой покрывается всякий раз язык в результате такого приспособления, и называется речевым [точнее, функциональным. — В. М.] стилем»¹. Обобщим сказанное в таблице:

Функциональный стиль	Сфера применения	Функция
Официально-деловой	Деловая	Регулятивно-административное воздействие
Научный	Научная и производственно-техническая	Передача и хранение специальной информации
Художественный	Словесное творчество	Эстетическое воздействие
Публицистический	Средства массовой информации	Агитационно-манипулятивное воздействие
Разговорный	Обиходно-бытовая	Общение

Таким образом, принципы выделения функциональных стилей предполагают учет: а) сферы использования стиля; б) его основных функций в этих сферах.

Британский языковед Майкл Холлидей (р. 1925) увязывает функциональное варьирование языка с социальным расслоением его носителей, основываясь на концепции социолингвиста Бэзила Бернштейна² (выходца из эмигрантской семьи, проживавшей в Ист-Сайде, самой бедной и криминализованной части Лондона), который противопоставляет синтаксически, лексически и семантически «ограниченный код (restricted code) рабочего класса» (т. е. просторечие люмпен-пролетариата) «разработанному коду (elaborated code)» среднего и высшего слоев общества³ (т. е. литературному языку). Концепцию М. Холлидея принять трудно, поскольку функциональное варьирование языка связано не с социальным расслоением национального языка, а

¹ Пешковский А. М. Избр. труды. М., 1959. С. 148.

² Halliday M. Methods — techniques — problems // *Bloomsbury Companion to Systemic Functional Linguistics*. London, 2009. P. 69 & 82–83.

³ Bernstein B. Elaborated & restricted codes: their social origins & some consequences // *American anthropologist*. Vol. 66. 1964. № 6. P. 57.

со стилевым варьированием его литературной формы. Если переключение со стиля на стиль для носителя литературного языка вполне нормально и привычно, то переключение рабочего на язык представителей среднего и высшего слоев общества, что признает и сам Б. Бернштейн, невозможно, а значит просторечие («ограниченный код») нельзя признать функциональным вариантом языка. Функциональные стили отражают трудовое взаимодействие социальных классов, социолекты — их разобщенность. М. Е. Кольцов в статье «Новый язык» вспоминает: «У нас до революции разница в классах по языку была ужасающая. Купцы говорили на одном языке, интеллигенты — на другом, так называемое простонародье, то есть рабочие и крестьяне, — на третьем и на четвертом. Толком хорошо понять друг друга никто не мог. Да и не добивался» (Правда, 11.01.1927).

Нельзя сказать, что филологи прошлого не интересовались функциональным аспектом языка. Так, профессор Эдинбургского университета Хью Блэр (1718–1800) в курсе лекций по риторике и изящной словесности сформулировал правила употребления ряда фигур и описание типовых ошибок в их использовании¹. Однако системное изучение функциональной стороны языка, принявшее очертания отдельного исследовательского направления, развернулось только в первой половине XX в., в результате чего «три базисными понятиями этого столетия стали структура, система и функция»². Основные постулаты данного направления, исходящие из «представления о языке как о функциональной системе», изложены Н. С. Трубецким, Р. О. Jakobsonом и С. И. Карцевским в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» (1929):

«Являясь продуктом человеческой деятельности, язык вместе с тем имеет целевую направленность. Анализ речевой деятельности как средства общения показывает, что наиболее обычной целью говорящего, которая обнаруживается с наибольшей четкостью, является выражение. Поэтому к лингвистическому анализу нужно под-

¹ См. «Lecture XV. Metaphor», «Lecture XVI. Hyperbole, Personification, Apostrophe» и «Lecture XVII. Comparison, Antithesis, Interrogation, Exclamation, and Other Figures of Speech» в кн.: Blair H. Lectures on Rhetoric & Belles Lettres. London, 1838. Vol. I. (1-е изд. 1783).

² Dirven R., Fried V. By way of introduction // Functionalism in Linguistics. Amsterdam & Philadelphia, 1987. P. X.

ходить с функциональной точки зрения. С этой точки зрения язык есть система средства выражения, служащая какой-то определенной цели»¹.

Вилем Матезиус (1882–1945), основатель Пражского лингвистического кружка, указывает на то, что недостатком сравнительно-исторического метода «был подход к языку исключительно с точки зрения читающего (или слушающего)», функциональный же подход дает возможность «не менее важной точки зрения пишущего (или говорящего)»². Если все функции языка, его подсистем, а также отдельных его единиц и приемов подразделить на общие (номинативная, коммуникативная, регулятивная, манипулятивная, эстетическая и др.) и частные (пояснительная, изобразительная, лейтмотивная, стихомаркирующая и др.), то необходимо отметить: 1) преимущественный интерес филологов к выявлению общих функций³; 2) схоластический характер некоторых определений. Так, эстетическая (поэтическая) функция языка трактуется Р. О. Якобсоном как «направленность на сообщение как таковое, сосредоточение внимания на сообщении ради него самого»⁴. В данном определении отсутствуют конкретизаторы, поэтому оно не представляется полным. Приведем еще одну трактовку, принадлежащую этому же автору: «Поэтическая функция проецирует принцип эквивалентности с оси селекции на ось комбинации»⁵, на чем основаны «разного рода повторы, параллелизмы, соответствия, симметрические образования»⁶. Это определение применимо только к повторам. Как видим, по формальному критерию эстетическую функцию определить невозможно. Б. М. Энгельгардт, критиковавший крайности формального метода, справедливо подчеркивает, что к «сфере эстетического переживания... критерий научного объективизма совершенно не приложим» и что «в

¹ Пражский лингвистич. кружок: Сб. статей. М., 1967. С. 17.

² Mathesius V. A Functional Analysis of Present Day English on a General Linguistic Basis / Ed. J. Vachek. The Hague, 1975. P. 10.

³ См. обзор: Демьянков В. З. Функционализм в зарубежной лингвистике конца XX в. // Дискурс, речь, речевая деятельность. М., 2000. С. 26–136.

⁴ Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 202.

⁵ Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика. С. 204.

⁶ Ужаревич Й. Проблема поэтич. функции // Р. Якобсон: Тексты, документы, исследования. М., 1999. С. 614.

проблеме образности — ахиллесова пята формальной школы»¹. Исчерпывающе точными выглядят простые трактовки эстетической функции языка как функции, связанной с выражением «эмоции восторга и любования», со способностью речи «привлекать нас своею красотой»²; «существенное свойство эстетической функции — это наслаждение, которое она вызывает»³.

Выявление общих и частных функций, характерных для речи, ее тактик и фигур; для языка, отдельных его подсистем и единиц, описание и систематизация таких функций, функциональная классификация языковых объектов и речевых тактик, выявление сферы действия каждой функции составляют предмет функциональной лингвистики.

3.2. Позиционный анализ

Идея позиционного анализа предложена американским лингвистом Юджином Найдой (1914–2011) применительно к классификации морфем, ср.: «Морфемы принадлежат следующим позиционным типам: 1) последовательному (*successive*), 2) включенному (*included*) и 3) симультанному (*simultaneous*)»⁴. Тип (1) предполагает, что морфемы в составе слова подчиняются схеме расположения «префикс — корень — суффикс — флексия — постфикс». Под типом (2) подразумевается инфикс, «вклинивающийся» в корень; видом инфикса считается внутренняя флексия (нем. *innere Flexion*), которая, по определению немецкого философа и лингвиста Фридриха Шлегеля (1772–1829), представляет собой «внутреннюю модификацию корня (*innere Modifikation der Wurzel*)»⁵. В индоевропейских языках такая «модификация» используется как словоизменяющее (ср. англ. *I sing* 'я пою' и

¹ Энгельгардт Б. Формальный метод в истории литературы // Вопросы поэтики. Вып. XI. Л., 1927. С. 115 и 76.

² Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М., 1996. С. 64 и 100. Ср.: поэтическое есть «созданное для художественного любования» (Шкловский В. Б. Искусство как прием // Поэтика. Пг., 1919. С. 102).

³ Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М., 1994. С. 56.

⁴ Nida E. A. Morphology. The descriptive analysis of words. Univ. of Michigan Press, 1949. P. 76.

⁵ Schlegel F. Ueber die Sprache und Weisheit der Indier. Geidelberg, 1808. S. 35.

Isang ‘я пел’, *goose* ‘гусь’ и *geese* ‘гуси’) и словообразовательное средство: рус. *течь* — *ток*, англ. *sing* ‘петь’ — *song* ‘песня’, др.-греч. *λέγω* ‘говорю’ — *λόγος* ‘речь’, лат. *tegere* ‘покрывать’ — *toga* ‘тога’. Типу (3) принадлежит конфикс — две морфемы, присоединяемые к производящей основе одновременно и функционирующие в строго определенном значении как единое целое: *окно* > **подоконник**, *стакан* > **подстаканник**; *хромать* > **прихрамывать**, *свистеть* > **присвистывать**.

При позиционном анализе учитывается место, которое занимает данная единица относительно других единиц того же уровня, например начальная, срединная или конечная позиция звука либо морфемы в слове или слова в предложении; препозиция, интерпозиция или постпозиция одной единицы по отношению к другим; контактное или дистантное употребление единиц в речевой цепи, смена позиции и т. д. Рассмотрим некоторые известные классификации, построенные с помощью позиционного анализа.

1. Позиционная классификация повторов: а) анафора — повтор начального компонента: *Четыре черненьких чумазеньких чертенка чертили черными чернилами чертеж*; б) эпифора — повтор концовки: *Хирург, юрист, физиолог, Идеолог и филолог* (А. С. Пушкин); в) симплока — повтор срединного компонента: *Кровью клянусь и бедой, Любовью клянусь и враждой* (Е. Благинина); г) подхват — повтор, связывающий концовку одной речевой единицы с начальной частью следующей: *И долгий путь вперед короче Короткого пути назад* (К. Симонов); д) хиазм — повтор двух речевых компонентов с инверсией: *Чтобы понять, почему был сделан именно такой выбор, достаточно знать историю Крыма, знать, что значила и значит Россия для Крыма и Крым для России* (Речь В. Путина, произнесенная при возвращении Крыма в состав России); е) кольцо — повтор компонента в начале и в конце речевой единицы: *Ангел, три года хранивший меня, Вознесся в лучах и огне* (А. Ахматова).

2. Позиционная классификация рифм. По месту в стихе различают начальные, внутренние и конечные рифмы, по их взаиморасположению — парную, перекрестную, хиастическую и кольцевую, по степени удаленности рифмантов друг от друга — близкие и «далекие рифмы»¹. Позиционно упорядоченные рифмы усиливают ритмиче-

¹ Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка: Статьи. М., 1965. С. 59–60.

ское начало речи, неупорядоченные — ослабляют: «Если стихи рифмуются в строго определенной последовательности, это усиливает мерность стихотворной речи, при отсутствии такой последовательности рифмовки звучание стиха прозаизируется»¹, ср.:

Тихо в комнате моей.
Оплавающие свечи.
Свет неверный на стене.
Но за дверью слышны мне
Легкий шорох, чьи-то речи.
Кто же там? Входи скорей.
Полночь близко — час урочный!
Что толочься у дверей?

Дверь, неясно проскрипев,
Растворилась. Гость полночный
Входит молча. Вслед за ним
Шасть другой. А за другим
Сразу два, и на пороге
Пятый. Лица странны: лев,
Три свиньи и змей трехрогий
Позади, раскрывши зев.

(А. Д. Скалдин)

Порядок следования рифм в первой строфе (АВССВАДА) непредсказуем: рифма Д (*урочный* — *полночный*) перемещена в следующую строфу, поэтому, как отмечает М. Л. Гаспаров, кажется, что «предпоследняя строка остается без рифм». Не сразу заметны удаленные друг от друга рифманты *моей* — *скорей*, а во второй строфе наблюдаем совершенно иную расстановку рифм. В результате «читательский слух застывает в обманутом напряжении»².

3. Позиционная классификация типов изотонического метра учитывает расположение, занимаемое в стопе ударным слогом по отношению к безударным. Ударение может падать через один слог начиная с первого (хорей) или второго (ямб), через два начиная с первого (дактиль), второго (амфибрахий) или третьего (анapest), ср.: *Танки грязи не боятся* (Реклама грузовиков завода КамАЗ); *Бери от жизни все!* (Реклама напитка «Pepsi»); *В рабстве спасенное Сердце народное — Золото, золото Сердце народное!* (Н. А. Некрасов); *Наш город — Ростов, Наш мэр — Чернышев!* (Лозунг); *Узнаю тебя, жизнь, принимаю И приветствую звоном щита!* (А. Блок).

Известно, что «каждый язык имеет элементы, позиция которых по отношению к другим элементам полностью детерминирована»³. Здесь подчеркнем, что позиционные предписания могут иметь характер

¹ Палкин М. А. Лирика как искусство стихотворного слова. Минск, 1986. С. 233.

² Гаспаров М. Л. Русский стих начала XX века в комментариях. М., 2001. С. 186.

³ Grimes J. E. Positional analysis // Language. Vol. 43. 1967. № 2. P. 437.

жестких правил, а могут проявляться лишь как тенденция. Сравним, например, условия: 1) использования аллофонов, например фонем <a> (ст[ъ]рику́; в[л]д[á], [л]нґелóчек, выск[ъ]з[ъ]ть), <д> (ср. го[т] и го[д]а) и др.; 2) замены глухого согласного звонким в таких словах, как *парономазия*, *антономазия*, *антанаклаза* (ср. устар. *парономасия*, *антономасия*, *антанакласа*); 3) изменения формы некоторых слов (ср. лит. *характер* и прост. устар. *карахтер*; церк. *рака* и лат. *arca*); 4) замены звука в парах лит. *афёра* > прост. *афёра*, лит. *совре́мный* > прост. *совре́мный*; 5) использования морфов *-ств-* и *-еств-* (ср. *чванство*, *скотство*, но: *изящество*, *множество*, *излишество*, *величество*). Характер жестких правил имеют лишь пятый и (с некоторыми орфоэпическими исключениями) первый случаи.

Позиции элемента в составе целого подразделяются на сильные и слабые. Сильная позиция в стопе и в слове соответствует ударению, сильная позиция в речевой цепи определяется законом края, в соответствии с которым акцентируется, а значит лучше запоминается информация, подаваемая в начале и в конце речевой единицы: текста, абзаца, фразы, стихотворной строки, списка и т. д. Закону края отвечают такие позиционные типы повторов, как анафора, эпифора и кольцо, именно поэтому данные типы повтора так востребованы в ораторской речи. Приемами позиционного акцентирования являются: 1) именительный темы — существительное в форме именительного падежа, эмфатически предваряющее фразу и называющее ее главный предмет: *Москва! Как много в этом звуке Для сердца русского слилось!* (А. С. Пушкин). 2) паренхейресис [греч. *παρενχέησις* ‘вмешательство’] — сообщение важной информации по окончании речи; в этом случае оратор делает вид, что забыл сказать самое главное, «чем привлекает немалое внимание»¹: *Да! Чуть было не забыл, мессир передавал вам привет, а также велел сказать, что приглашает вас сделать с ним небольшую прогулку* (М. Булгаков). Выстроить позиционную иерархию предметов в соответствии с их значимостью можно с помощью перечисления; этому служат: 1) протимесис [греч. *πρότιμσις*, букв. ‘предоценка’] — рассмотрение или перечисление предметов в порядке, соответствующем их значимости: *Начну с... Не менее важным представляется... И, наконец, нельзя не вспомнить о...;* 2) энумерация [лат. *enumeratio* ‘пере-

¹ M. Fabii Quintiliani Institutionis oratoriae libri duodecim. Vol. II. Lipsiae, 1854. P. 73.

числение' < греч. *απαρίθμησις*] — перечисление частей сложного целого в виде пунктов и подпунктов с использованием цифровой или буквенной нумерации либо вводных слов (*во-первых*, *во-вторых* и т. д.). Привлекает к себе внимание предмет, который: 1) в отличие от иных объектов этого же рода, занимает особую позицию (например, слово, поданное отдельной строкой). 2) находится не на своем месте, чему служат: а) инверсия, в частности гистерология [греч. *υστερολογία* 'сдвиг слов'] — перестановка слова в позицию между предлогом и существительным: «Она прыгнула в, кувыркаясь и переворачиваясь, море»¹; б) гистеропрóтерон [греч. *υστερον* 'последующее', *πρότερον* 'предшествующее'] — смешение хронологической последовательности событий, лежащее, в частности, в основе композиционного стиля *in medias res* [лат. 'с середины'], вспомним завязку романа Л. Толстого «Анна Каренина»: *Все смешалось в доме Облонских*.

Таким образом, «самый момент некоторого сложного расположения речевого материала играет громадную роль и вводит речевые факты в светлое поле сознания, внимание гораздо легче на них сосредоточивается»².

Определенную позиционно упорядоченную структуру (т. е. композицию) обычно имеет любой текст. Византийский филолог Максим Плануд (1260–1305) называет следующую последовательность обязательных структурных частей ораторской речи: «вступление, повествование, рассуждение, развязка и заключение», «рассуждение же включает дигрессию»³, т. е. отклонение от основной темы повествования — прием, употребляемый для уточнения и пояснения мысли, для ввода дополнительной информации, для того, чтобы аудитория могла отдохнуть, а также для «воздействия на чувства слушателей»⁴. В лексиконе Суды (X в.) читаем: «Дигрессия. Так называют тот момент, когда Хор говорит, повернувшись к зрителям; в это время Поэт прерывает повествования цепь и дает зрителям посовещаться

¹ Myers J. E., Wukasch D. C. Dictionary of poetic terms. Univ. of North Texas Press, 2003. P. 162.

² Якубинский Л. П. О диалогич. речи // Русская речь / под ред. Л. В. Щербы. Вып. 1. Пг., 1923. С. 144.

³ Μαξίμου του Πλανούδη Προλεγόμενα της ρητορικῆς // Rhetores graeci / Em. Ch. Walz. Vol. V. Stuttgartiae, 1833. P. 366.

⁴ Цицерон М. Т. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1994. С. 193.

или же дополнительные факты сообщает»¹. Отклонение от темы могло располагаться в начале речи, в ее середине и в конце, отсюда три позиционных типа дигрессии — продиегесис, парадиегесис и эпидиегесис.

Позиционная систематизация языковых феноменов широко применялась начиная с Античности, о чем свидетельствуют некоторые из рассмотренных выше классификаций; с позиционными особенностями морфем связана внутренняя форма таких привычных терминов морфемики, как *префикс*, *постфикс*, *интерфикс*, *окончание*. Вместе с тем параметр данной систематизации был впервые назван Ю. Найдой, поэтому говорить о позиционном анализе в строгом смысле данного термина применительно к Античности, Средневековью или, к примеру, первой половине XX в. нельзя.

3.3. Уровневый анализ

Под языковыми уровнями принято, вслед за В. М. Солнцевым, понимать «ярусы», «страты», или подсистемы языка, каждая из которых представлена упорядоченной иерархией однотипных единиц, т. е. «единиц одной степени сложности»: 1) фонетический уровень — иерархией фонем, 2) морфемный уровень — иерархией морфем, лексико-фразеологический уровень — иерархией лексических и фразеологических единиц, 4) синтаксический уровень — иерархией синтаксических единиц. Единицы разных уровней связаны парциальными отношениями: так, предложение состоит из слов, слово — из морфем, морфема — из фонем; иными словами, «в языке и в речевых системах, образованных из единиц языка, отношения единиц низших и высших уровней есть отношение компонентов (составляющих) и целого»². Четырехуровневая система языка не является универсальной: так, «в языках с односложными словами [например, вьетнамском или классическом китайском. — В. М.] слово не делится на морфемы»³. Единицы

¹ Suidæ Lexicon, Græce & Latine. Т. II. Cantabrigiæ, 1705. P. 24.

² Солнцев В. М. О понятии уровня языковой системы // Вопросы языкознания. 1972. № 3. С. 5.

³ Иванов Вяч. Вс. Некоторые проблемы современной лингвистики // Народы Азии и Африки. 1963. № 4. С. 176.

одного уровня связаны двумя типами отношений: 1) парадигматическими: так, гласные фонемы русского языка образуют иерархию единиц, противопоставленных по ряду и подъему; 2) синтагматическими, предполагающими способность к образованию различных более или менее свободных или же типовых, стереотипных комбинаций.

Вряд ли целесообразно говорить о грамматическом уровне языковой системы, поскольку грамматика представляет собой не уровень, а раздел языкознания, изучающий системные свойства единиц морфемного и синтаксического уровней (страт, ярусов) языка. С этой же точки зрения нецелесообразно выделять морфологический, словообразовательный и другие подобные им «уровни». Понятие «семантического уровня» едва ли можно признать вполне логичным, поскольку семантика охватывает двусторонние единицы языка, а значит средства трех его уровней в строгом (терминологическом) смысле этого слова: морфемного, лексического и синтаксического.

Стратификационный подход к языку исходит из двух положений: 1) язык представляет собой сложную иерархическую систему; 2) данная система имеет уровневый характер устройства и членения. УРОВНЕВЫЙ АНАЛИЗ состоит в распределении составных элементов сложного языкового или речевого феномена по четырем уровням языковой системы, т. е. используется в классификационных целях.

Рассмотрим и упорядочим с применением данной процедуры типы повторов.

В стилистике давней традицией является рассмотрение повторов в разделе «Синтаксис» (например, в работах И. В. Арнольд, И. Б. Голуб, А. Н. Гвоздева, В. М. Жирмунского, Б. В. Томашевского и др.). Однако ограничение фигур повтора рамками синтаксической стилистики не вполне оправдано: так, еще В. М. Жирмунский, видимо, ощущая некоторую непоследовательность предложенной им типологии, отметил, что проблема повторов, «хотя и относится к области синтаксиса, но частично за область синтаксиса выходит»¹. Вопрос действительно выходит за пределы синтаксиса, поскольку повторяющаяся единица может принадлежать любому уровню языка — фонетическому, морфемному, лексическому, синтаксическому. Если «разложить» виды

¹ Жирмунский В. М. Введение в литературоведение: курс лекций. СПб., 1996. С. 362.

повторов по уровням языка в указанной последовательности, получается следующая картина¹.

1. Звуковые повторы принадлежат фонетическому уровню. К ним относятся:

- а) аллитерация — нагнетание слов, включающих одинаковые либо сходные согласные: *Бугристы берега, благоприятны влаги, О, горы с гроздьями, где греет юг ягнят, О, грады, где торги, где мозго-круглы браги...* (М. В. Ломоносов);
- б) ассонанс, состоящий в нагнетании слов, включающих одинаковые гласные звуки. При анализе звуковых повторов следует различать звуки и буквы, в противном случае можно обнаружить в тексте «то, чего нет»², например ассонанс на [о] в следующем двустишии, что реально лишь в «окающем» диалекте и вряд ли возможно в «акающей» Москве: *Вдоль по Питерской, по Тверской-Ямской Едет мой милой с колокольчиком*³.

2. Морфемные повторы (префиксальные, корневые, суффиксальные и флексийные) принадлежат морфемному уровню. Пример суффиксального повтора: *Буян задумчивый и важный, Хирург, юрист, физиолог, Идеолог и филолог* (А. С. Пушкин).

3. Словесные повторы (полисиндетон, антанаклаза, полиптон и др.) принадлежат лексическому уровню: ***Бриллианты** в свете лунном, **Бриллианты** в небесах, **Бриллианты** на деревьях, **Бриллианты** на снегах* (А. Фет).

4. Синтаксические повторы (фразовый повтор, повтор словосочетания, синтаксический параллелизм и др.) принадлежат синтаксическому уровню: *Утихает светлый ветер, Наступает серый вечер* (А. Блок). Повтор словосочетаний и фраз с небольшими вариациями лежит в основе эпимоны. Вот как использует эту фигуру речи К. С. Аксаков, пародируя стиль повести «Двойник» Ф. М. Достоевского:

Приемы эти схватить не трудно; приемы-то эти вовсе не трудно схватить; оно вовсе не трудно и не затруднительно схватить приемы-то эти. Но дело не так делается, господа; дело-то это, господа,

¹ Подробнее см.: Москвин В. П. Типология повторов как стилистич. фигуры // Русский язык в школе. 2000. № 5. С. 81–85.

² Лемов А. А. Неразличение буквы и звука как болезнь русского языкознания // Русская словесность. 2004. № 7. С. 47.

³ Лебедева Л. И. Ассонанс // Русский язык: энциклопедия. М., 1997. С. 41.

не так делается; оно не так совершается, судари вы мои, дело-то это. А оно надобно тут, знаете, и тово; оно, видите ли, здесь другое требуется, требуется здесь тово, этово, как его — другово. А этово-то, другово-то и не имеется; таланта-то господа, поэтического-то, господа, поэтического-то, господа, таланта, этак художественного-то и не имеется. Да вот оно, оно самое дело-то, то есть, настоящее вот оно как; оно именно так.

Казалось бы, уровневая и произведенная выше позиционная классификации повторов предельно просты, однако в научной литературе их до сих пор разводят не вполне четко. Неточным в этом плане следует признать, в частности, определение эпифоры как «повторения слова в конце двух или более фраз»¹ или как «повторения последних слов предложения»². Эти и подобные им определения привязывают эпифору (межуровневое явление) к одному уровню языка — лексическому.

3.4. Тематический анализ

Тематическими связями объединены номинативные единицы, служащие обозначению элементов сложного целого: 1) типовой ситуации — «условно выделенного человеком одного из отношений внешней действительности»³, отвлеченного от второстепенных деталей: а) «субъект (*студент, курсант, школьник*) ~ действие (*слушает лекции, учится*) ~ место (*в университете, в училище, в школе*); б) «субъект (*солдат*) ~ действие (*стреляет*) ~ оружие (*из автомата*) ~ объект (*в мишень*) ~ место (*на полигоне*)»; 2) объекта, вовлеченного в такую ситуацию (например, автомата: *ствол, спусковой крючок, мушка* и т. д.); 3) типового сценария (*свадьбы, крестин, именин, похорон, спортивного соревнования*), т. е. некоторой сюжетной последовательности действий. При необходимости каждую типовую ситуацию можно, путем экспликации подразумеваемых деталей, развернуть в сценарий, ср.: *Берс тщательно прицелился из револьвера, подняв его на уровень лица. Плавно*

¹ Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. М., 1990. С. 184.

² Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М., 1997. С. 427.

³ Храковский В. С. Истоки вербоцентрич. концепции предложения в русском языкознании // Вопросы языкознания. 1983. № 3. С. 25.

нажал спусковой крючок. Раздался выстрел (А. и Г. Вайнеры. Ощупью в полдень). Объединение языковых единиц, обозначающих такие элементы, образует тематическую группу. Так, в тематическую группу «Стрельба» входят, в частности, следующие лексико-фразеологические средства:

1) *прицелиться, взять на мушку*; 2) *нажать на гашетку, нажать на спусковой крючок*; 3) *стрелять, строчить, выстрелить, выпалить*; 4) *автомат, винтовка, револьвер* и др. наименования орудий стрельбы; 5) *ствол, приклад, мушка, прицел, курок* и др. наименования частей таких орудий; 6) *пуля, ракета, снаряд* и др. наименования зарядов; 7) *стрелок, снайпер, автоматчик, пулеметчик* и др. наименования субъектов стрельбы; 8) *мишень, цель* и др. наименования объектов стрельбы; 9) *стрельбище, полигон, тир* и др. наименования мест, предназначенных для стрельбы.

Типовое структурированное представление о действии или сценарии, его субъектах, объектах и обстоятельствах образует ФРЕЙМ [англ. *frame* 'рамка, каркас']; структурные части фрейма именуются слотами. Слот, или терминал, может быть представлен одним словом, синонимическим рядом, родовидовой или парциальной группой.

Американский ученый в области искусственного интеллекта Марвин Ли Минский (род. 1927), предложивший понятие фрейма, определяет его как «структуру приобретенного нами ранее <сенсорного> опыта», «некоторую стереотипную ситуацию, например встречу с определенным типом человека, пребыванием в определенном типе места или участие в определенном типе мероприятия (party)»¹, т. е. включает в понятие ситуации сценарий («тип мероприятия»), тем самым понимая «стереотипную ситуацию» более широко, чем это принято, к примеру, в семантическом синтаксисе. Фрейм объединяет не только элементы ситуации или сценария, но и части объекта: так, «фрейм, представляющий кресло, должен иметь места (terminals), представляющие сиденье, спинку и ножки»², т. е. фрейм может включать парциальную группу.

Разновидностью сценария можно считать скрипт, представляющий собой, по определению, которое было дано этому термину его

¹ Minsky M. The Society of Mind. New York, 1988. P. 224.

² Minsky M. The Society of Mind. P. 245.

создателями, «преддетерминированную (predetermined), стереотипную последовательность действий, которая характеризует хорошо известную ситуацию»¹. Иными словами, скрипт есть рутинный сценарий, имеющий характер штампа; таковыми являются: а) визит к дантисту, поездка в метро, обед: так, «скрипт РЕСТОРАН (омар, Джон, “Метрополь”) достаточен для того, чтобы воспроизвести простенькое повествование о том, как Джон ел омара в ресторане “Метрополь”»²; б) любая процедура, жестко регламентированная «писаными» (например, протокольными) и «неписаными» правилами (например, народными традициями): обряд венчания, защита диссертации, судебное заседание, дипломатические переговоры.

Приведенная выше тематическая группа членится на девять лексических рядов, что отвечает устройству соответствующего фрейма, отражающего: 1) ситуацию стрельбы (ряды 3–4 и 6–9); 2) части орудий, предназначенных для стрельбы (ряд 5); 4) сценарий стрельбы, т. е. последовательность взаимосвязанных действий (ряды 1–3). Слоты фрейма объединены синтагматическими ассоциациями, отражающими реальные (пространственные, темпоральные, каузальные и др.) связи предметов.

Под тематической группой будем понимать ряд лексико-фразеологических классов, служащих описанию одного фрейма. Тематический анализ лексики состоит в определении ее принадлежности тому или иному фрейму либо отдельному его слоту. Данная процедура применяется, в частности, в следующих целях:

1. Для систематизации переносов:

- а) метонимических, путем представления их в виде типовых формул ПЕРЕНОСА, связывающих элементы одного фрейма, например: «музыкальный инструмент → человек, на нем играющий»: *Только слышно на улице где-то Одинокая бродит гармонь* (М. Исаковский), *Контрабас пил чай вприкуску, а флейта внакладку* (А. П. Чехов); «предмет одежды → человек, который его носит»: *Публика ходила в «Скоморох» самая разнообразная: чуйки, тулупы, ротонды, платья декольте шелковые, шер-*

¹ Schank R., Abelson R. Scripts, Plans, Goals, and Understanding: An Inquiry Into Human Knowledge Structures. Hillsdale, 1977. P. 41.

² Демьянков В. З. Скрипт // Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996. С. 171.

стяные, ситцевые, сарафаны (А. Гиляровский. Люди театра); «вместилище → его содержимое»: выпить *рюмку*, съесть *блюдо*; «автор → произведение, им написанное»: *читать Пушкина, слушать Чайковского*; «имя изобретателя → изобретенное им изделие»: *макинтош, галифе, кольт, наган*; «место → событие»: *Содом и Гоморра, Чернобыль* ‘катастрофа в Чернобыле’; «материал → вещь, из него изготовленная» («материал → изделие»): *ходить в шелках, есть на золоте* и др., ср.: *Гирей сидел потупя взор, Янтарь в устах его дымился* (А. С. Пушкин);

- б) метафорических. Открытый ряд разнородных по значению переносных наименований, внутренние формы которых относятся к одной тематической сфере, образуют мотивационную систему. В такие системы можно сгруппировать, к примеру, метафоры, в основе которых лежит сравнение с рыбной ловлей (*держат кого-либо на крючке, попасться на удочку*), шахматной игрой (*быть пешкой в чьей-либо игре, оказаться в патовой ситуации*), стрельбою (*стрелять глазами, торпедировать переговоры*), театром: *Жизнь — театр; ловкий актер, сорвать маску (личину), устроить сцену, играть роль, суфлеры президента*; ср. также: *Что наша жизнь? Комедия страстей, а наши радости — антракты в ней* (В. Шекспир). Мотивационные системы составляют также метафоры «медицинские» (*предвыборная лихорадка, болезни общества, шоковая терапия*), «спортивные» (*избирательная гонка, избирательный марафон*), «финансовые» (*политический капитал, девальвация духовных ценностей*); «военные», отражающие степень «милитаризации сознания»¹ (*правофланговый пятилетки, битва за урожай, культурный фронт*) и др.

Анималистическая метафора основана на сравнении с животным: *револьверный лай* (звуки выстрелов уподоблены собачьему лаю). Такое сравнение может быть реализовано средствами словообразования: *Глаза у него бонапартьи и цвета защитного френч* (В. Маяковский об А. Ф. Керенском): авторский неологизм *бонапартьи* образован по аналогии с притяжательными прилагательными типа *медвежьи, собачьи*. В основе антропоморфной метафоры лежит сравнение предметов, растений, животных с человеком: *Лесных котов не должно сме-*

¹ Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политич. метафора (м-лы к словарю). М., 1991. С. 15.

шивать с теми **удальцами**, которые бегают по крышам домов (Н. В. Гоголь).

Пространственная метафора основана на аналогии с каким-либо измерением пространства: **высокие цены**, **низкая температура**. Номинативную ценность ее отметил еще И. Кант: «Мы нуждаемся в пространстве для того, чтобы конструировать время, и, таким образом, определяем последнее посредством первого»¹, ср. *двигаться во времени* и *двигаться в пространстве* (время сравнивается с пространством), *дожить до старости* и *дойти до оврага*, *Впереди* («в будущем») *нас ждет гибель* и *Впереди виднеется островок*, *в глубине веков* и *в глубине леса*; *выйти из какого-л. возраста* и *выйти из дома* (периоды, события и временные ориентиры сравниваются с точками в пространстве); ср. также: *До Нового года еще 10 дней* и *До реки еще 10 километров*; *от рождения до смерти* и *от Москвы до Бреста*; *До лета еще далеко* и *До берега еще далеко*; *Отпуск уже близко* и *Берег уже близко*; *Весна уже на пороге (не за горами)*, *Зима уже на носу* (сравнение периода, «отрезка» времени с расстоянием).

Метафоры, именующие тематическую зону-источник ряда производных («побочных», «второстепенных») метафор, называются **ключевыми**, **базисными**, **корневыми** («basic metaphors», «root metaphors»), **концептуальными**. Ключевыми являются метафоры огня, сна, пути, воды и др. Такие метафоры не считаются исключительно языковым феноменом, поскольку «проявляются в многочисленных формах человеческого самовыражения», включая не только речь и словесность, но «и материальную культуру»²: так, антропоморфная метафора получает выражение не только в слове, но и, к примеру, в выполненной в форме человеческой руки дверной ручке; зооморфная — в вырезанных в виде львиных лап ножках стола, в выкованных в форме змеи кольца или браслете. Метафора может быть ключевой как для языка в целом, так и для отдельного идиостиля. Ключевые метафоры идиостиля определяются психологическими и прочими особенностями личности. Известна, к примеру, склонность Ф. Ницше к биологическим и медицинским метафорам, его «пристрастие к риторике здоровья и болезни», отражав-

¹ Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 629.

² Ortman S. G. Conceptual Metaphor in the Archaeological Record: Methods and an Example from the American Southwest // American Antiquity. Vol. 65. 2000. № 4. P. 613.

шее «его собственные хорошо известные и документально зафиксированные недуги¹, безусловно сформировавшие его мировосприятие и оставившие неизгладимый след (indelible imprint) на его мышлении»².

Каждая из ключевых метафор имеет свою историю. Так, машинная метафора возникла в XVI веке как «модель объяснения устройства и функционирования физического мира», затем была перенесена в сферу биологии, на «мир общества» и «мир человека». Эпохи романтизма и скептицизма сократили ее деривационную активность³, однако и в настоящее время эта метафора, отражающая «индустриализацию» массового сознания (*рычаги власти, аппарат управления, винтик в государственной машине, механизм ассоциирования*), продолжает жить и развиваться. Ключевые метафоры, уходящие корнями вглубь истории общества (его мифологию, фольклор), иногда называют метафорическими архетипами. Происхождение метафорических архетипов считается «проблемой антропологии»⁴.

Классификация метафор по вспомогательному субъекту представляет интерес не только для филолога, но и для историка, культуролога, поскольку, по справедливому мнению Г. Пауля, из совокупности метафор, ставших в языке узуальными, можно видеть, какие интересы преобладали в народе в ту или иную эпоху, какие идеалы были заложены в основу культуры на том или ином этапе ее развития⁵. Развитие мотивационных систем определяется законом, гласящим, «что если в данное время какой-либо комплекс идей имеет большое значение в жизни данного общества и одно слово из этого круга идей изменило значение, то другие слова того же семантического поля следуют за этим словом»⁶.

¹ См., например: Salquarda J. Gesundheit und Krankheit bei Fr. Nietzsche // Studi Tedeschi, 17 (1974). P. 73–108; Long Th. A. Nietzsche's Philosophy of Medicine // Nietzsche-Studien, 19 (1990). P. 112–28; Falcke E. Die Krankheit zum Leben: Krankheit als Deutungsmuster individueller und sozialer Krisenerfahrung bei Friedrich Nietzsche und Thomas Mann. Frankfurt am Main, 1992.

² Moore G. Nietzsche, Biology and Metaphor. Cambridge Univ. Press, 2002. P. 1.

³ Beilin H. Metaphor: What For? // Psychological Inquiry. 1994. Vol. 5. № 3. P. 238.

⁴ Панченко А. М., Смирнов И. П. Метафорич. архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии начала XX в. // Труды отдела древнерусской литературы / Ин-т рус. лит-ры АН СССР. Т. XXV. Л., 1971. С. 36.

⁵ Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960. С. 115.

⁶ Гак В. Г. Языковые преобразования. М., 1998. С. 455.

Считается, что «каждый век отмечен только ему присущими метафорами, которые он использует для выражения своих идеалов»¹.

3. Для анализа образной составляющей текста или отдельного текстового блока. Рассмотрим в этой связи основные типы и технику создания образов. Художественные образы создаются с помощью слов изобразительной, или дескриптивной [лат. *descriptio* 'описание'] семантики, обозначающих цвет, свет, звуки, запахи, форму, движение, предметы, — все, что может стать объектом сенсорного восприятия. На примере стихотворения А. С. Пушкина «Зимнее утро» рассмотрим технику описания природы:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Образ создан посредством использования слов тематической группы «Пейзаж (*снег, лед, иней, солнце, небеса, лес, ель, речка*), а также цветowych и световых эпитетов и глаголов (*голубой, прозрачный, чернеет, зеленеет, блестит*), превративших текст в «словесное полотно». Последовательность слов одной тематической группы, использованная в тексте для изображения какой-либо ситуации, например звучания, образует тематическую цепочку, ср.: *В траве поднимается веселая, молодая трескотня, какой не бывает днем; треск, посвистывание, царапанье, степные басы, тенора и дисканты — все мешается в непрерывный, монотонный гул* (А. П. Чехов).

Фигура описания объекта (природы, интерьера и т. д.) «путем перечисления реальных или выдуманных наблюдаемых деталей»² именуется дескрипцией [лат. *descriptio* 'описание' < греч. *διαγραφή*]. Разновидности ее, описанные еще в старинных риториках, очень разнообразны: это изображение звезд (астротезия), ветра (анемография), различного рода водоемов и источников: рек, озер, морей и проч. (гидрография), страны, территории (география), деревьев (дендрография), обстоятельств или ситуации (диаскейя), действия или события (прагматогра-

¹ Embler W. Metaphor and Social Belief // Language, Meaning and Maturity. New York, 1953. P. 127.

² Lausberg H. Handbook of Literary Rhetoric. Leiden, 1998. P. 359.

фия), лица или вымышленного существа: черта, русалки и т. д. (прозопография), местности (топография), внешности или характера человека (характерисма), народа (хорография), определенной исторической эпохи, времени года или суток (хронография), произведения искусства (экфрасис) и др. Дескрипции сравнивают с картинами, писателя называют художником слова; эта же метафора лежит в основе терминов *художественная литература* и *художественная речь*; именно последняя наиболее ярко реализует изобразительную функцию языка.

Л. И. Тимофеев утверждает: «Ничего — кроме образа, то есть, точнее, системы образов, в литературном произведении нет». Если это так, то художественная речь представляет собой «прагматический язык в его особой функции — объективации образа»¹, а все остальные приемы являются лишь вспомогательными средствами такой объективации. Описание внутренних, ненаблюдаемых качеств лежит в основе лирики — «искусства, лишённого образов»².

Существует два номинативных типа дескрипции как основного приема создания художественной образности: металогия и автология. Металогия основана на активном использовании переносных значений, этой номинативной технике противостоит автология, состоящая в употреблении слов в их прямом смысле. Основой металогического стиля являются словесные образы, представляющие собой «игру» переносного значения и внутренней формы слова³. Номинативными разновидностями словесных образов являются метафора и метонимия. Приведем пример художественной метафоры: *Фиалки волн и гиацинты пены Цветут на взморье около камней* (М. Волошин). По количеству единиц-носителей метафорического образа различаются метафора простая, в которой план выражения представлен одной единицей (*золото заката*, *море цветов*), и метафора развернутая, в которой носителем образа является группа тематически связанных единиц: *Он [М. Л. Гаспаров] тот переводчик-перевозчик, который связывает многие дальние берега и все с одним, с этим берегом, русским языком, поэзией, культурой. Он знает, что переводить-перевозить можно по-разному, и есть много ухищрений, чтобы доставить*

¹ Тимофеев Л. И. Проблемы стиховедения. М., 1931. С. 15 и 18.

² Овсяннико-Куликовский Д. Н. Теория поэзии и прозы. Пг., 1917. С. 49.

³ Внутренняя форма есть ассоциативная связь значения производной единицы со значением единицы производящей.

поскорее и попроще ценный груз с одного берега на другой (В. Н. Топоров). Данная развернутая метафора представлена словами *перевозчик, берег, перевозить, доставлять* и *груз*; подобные слова, составляющие тематическую цепочку, в тексте «являются опорными, они — своеобразный семантико-образный каркас всего текста»¹.

Рассмотрим с этой точки зрения аллегорию. Суть аллегории как вида метафоры предполагает ряд аспектов анализа, в частности контекстуальный, семиотический и др.² С тем чтобы пояснить ее контекстуальный механизм, сопоставим замкнутую и незамкнутую метафору. Первая благодаря наличию опорного контекста поддается однозначной интерпретации: так, в контекстах *болото пьянства* и *болото воровства* слово *болото* трактуется как «опасная ситуация». Устранение опорных контекстов превращает слово *болото* в незамкнутую, а значит полисемичную метафору: *Дружки завели товарища в болото*. Чтобы понять семиотический механизм аллегории, распространим незамкнутую метафору *болото*, сделав ее «ведущим мотивом текста»³:

Дружки-приятели водились у Федота,
Они и завели товарища в *болото*.
Он, говорят, идти за ними не хотел,
Да отказаться не посмел...
Как начали дружки *тонуть*
Поодиночке,
Стал прыгать наш Федот от *кочки* и до *кочки*,
И, наконец, допрыгался до точки:
Ему уже ни охнуть, ни вздохнуть —
Засасывает гниль и *тянет вниз* Федота.
Федот *идет ко дну*. Федоту жить охота!
Пастух, что в тех местах в то утро стадо пас,
Трясину обходил — искал в лесу ягненка.
Вдруг видит: человек в *гнилой воде завяз*,
На убыль у него уже идет *силенка!*
Чтоб жизнь свою от гибели спасти,
Карабкается он из *тухлой, ржавой жижи*
К *сухому берегу* все ближе, ближе,
За все, что под рукой, хватаясь по пути...
— Держись, Федот! — тут закричал Пастух
И протянул ему свою пастушью палку.

¹ Федоров А. И. Образная речь. Новосибирск, 1985. С. 69.

² См.: Москвин В. П. К определению понятия «аллегория» // Русская речь. 2006. № 2. С. 45–56.

³ Honig E. Dark Conceit: The Making of Allegory. New York, 1966. P. 11.

Собрал Федот последний дух,
Собрал Федот всю волю, всю смекалку
И *выбрался на берег* чуть живой,
Едва не поплатившись головой
За всех своих дружков и за характер свой.

* * *

Когда тебя дружки *в болото* волокут,
Мозгами шевельнуть не посчитай за труд!

С. Михалков

Развернутая метафора, лежащая в основе этой басни, представлена лексикой тематической группы «Болото» (*кочки, гниль, трясина* и т. д.). Аллегория «имеет форму нарратива или драмы»¹, т. е. форму текста. Это означает, что если привлекаемые для построения аллегории метафорические наименования (т. е. метафоризированные слова одной тематической группы) являются знаками и элементами языка как системы, то сама аллегория как цепочка таких знаков принадлежит сфере речи.

Словесная образность является вспомогательной по отношению к художественной: «Специальные образные выражения являются только средством усиления начала образности», — полагает А. М. Пешковский². Подчеркнем, что автологии, несмотря на отсутствие в ней словесной образности, нельзя отказывать в образности художественной: «В художественном тексте может не быть образных метафорических слов и выражений... — но тем не менее перед нами будет образная экспрессивная речь, поскольку она что-то *изображает* [курсив наш. — В. М.] и вызывает какие-то переживания»³.

Каково соотношение художественного и словесного образа? Если художественный образ представляет собой, по определению В. В. Виноградова, «образ посредством слов», то словесный является «образом в слове»⁴. Именно художественная образность литературного произведения делает возможным его перевод на «языки» графики и

¹ Kelley Th. *Reinventing Allegory* // Cambridge Studies in Romanticism. Cambridge Univ. Press, 1997. P. 12.

² Пешковский А. М. Принципы и приемы стилистич. оценки худож. прозы // *Ars poetica*. Вып. 1. М., 1927. С. 63.

³ Шмелев Д. Н. Слово и образ. М., 1964. С. 38.

⁴ Виноградов В. В. *Стилистика. Теория поэтич. речи*. Поэтика. М., 1963. С. 94.

живописи (например, при создании иллюстраций к художественному тексту), а также театра и кино. Художественный образ (портретный, пейзажный и др.) заключен в словесном описании, т. е. фрагменте текста, образ словесный — во внутренней форме слова.

4. Для моделирования: а) тематических групп лексики, например при составлении идеографических и тематических словарей; б) тематических стилей: так, ясно, что «батальный стиль» (Д. С. Лихачев), в частности слог повествования о морском сражении, будет существенно отличаться от стиля описания осеннего пейзажа, например в части смысловых доминант, ведущих мотивов и лейтмотивов, выбора образных средств, а значит и тематических групп лексики. Тематически интенциональны разнообразные жанры и жанровые стили: эпистолярный, басенный, эпиграмматический и др.

Тематически ориентированной является античная теория трех стилей (лат. *tria genera dicendi*), без владения ее понятийным аппаратом невозможен адекватный стилистический анализ ни лексики, ни тем более текста. Согласно предписаниям данной теории, высокий стиль (*stilus gravis* ‘величественный, важный’, букв. ‘тяжелый’, *stilus grandiloquus* ‘велеречивый, высокопарный’) предназначен для повествования о предметах возвышенных, низкий (*stilus humilis, stilus rusticus*, букв. ‘деревенский’) — о малозначительных или ничтожных, средний (*stilus mediocris, stilus temperatum* ‘умеренный’) — о предметах обычных, житейских. В анонимной «Риторике к Гереннию» (I в. до н. э.), иногда приписываемой Цицерону, читаем: «Итак, существует три стиля, которые мы называем формами и в коих речь безошибочная употребляется: первый — важным (*gravem*), второй — средним, третий — скудным (*extenuatam*) именуем». Высокий («важный») стиль, в отличие от скудного, или «низкого (*infimis*)», требует «самых красивых слов (*ornatissima verba*)» и предназначается для «важных мыслей (*graves sententiae*)»¹. Греческая схема, к которой восходит римская, именует данные стили (*γένη* или *χαρακτήρες*): а) высоким (*γένος υψηλόν*), или избыточным (*γένος ἀρόν*); б) средним (*γένος μέσον*); в) скудным (*γένος ἰσχνόν*)². Противопоставление высокого и низкого

¹ M. T. Ciceronis, ut ferunt, Rhetoricorum ad Herennium libri quattuor. Lipsiae, 1828. P. 264, 265.

² Ernesti J. Ch. Lexicon technologiae Graecorum rhetoricae. Lipsiae, 1795. P. 337.

стилей находим у Аристотеля и в «Риторике» (кн. 3, гл. 2), и в «Поэтике» (гл. 22):

«Достоинство слога — быть ясным и не низким. Самый ясный слог тот, который состоит из общеупотребительных слов, но это слог низкий... А возвышенный и свободный от грубоватости слог пользуется чуждыми обыденной речи словами. Чуждыми я называю глоссу, метафору, растяжение и все, что выходит за пределы обыденного говора»¹.

Деметрий Фалерский (350—283 до н. э.) в трактате «Об элокуции» характеризует различные фигуры уже относительно трех стилей: «слога высокого», «среднего» и «низкого», ср.: «Ямб же низок и народную речь напоминает»; «Пеон же меж ними [низким и высоким стилями. — В. М.] средний составляет»; «Пеоника, таким образом, и сочиненьям, в высоком стиле составленным, в некоторой степени принадлежит»².

Высокий («изобилующий») стиль насыщен фигурами и «красивыми словами», он более просторен, чем средний и тем более низкий («скудный»); соответственно, взаимоотношение этих стилей изначально мыслилось иерархически, а нередко даже изображалось в виде трехуровневой схемы:

Genus dicendi est apta rebus & personis orationis forma:

**Tria sunt genera dicendi, { Sublime,
Temperatum,
Humile.**

Перевод:

‘Стиль речи есть приличествующая предмету и лицу форма общения.

Существует три стиля речи: высокий, умеренный, низкий’ (лат.)³.

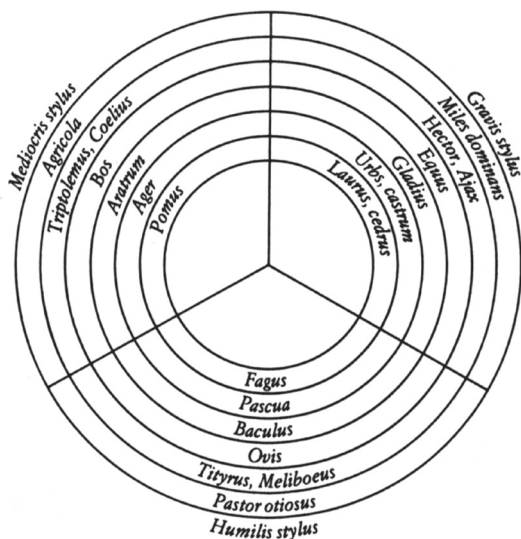
Поэтому многие ученые, говоря о трех стилях, используют понятие «стилевого уровня» (англ. *level of style*) или «степени языка» (М. В. Ломоносов).

¹ Аристотель. Об искусстве поэзии. М., 1957. С. 113.

² Δημητρίου Φαληρέως περί Ερμηνείας. Demetrii Phalerei De Elocutione, sive, Dictione Rhetorica. Glasguae, 1743. P. 39. Пеон — симметричное чередование ударных стоп и пиррихийев (стоп с отсутствующим словесным ударением): С неба полуденного жара не подступи. Конная Буденного раскинулася в степи (Н. Асеев).

³ Herbetius J. De oratore libri quinque. Parisiis, 1574. P. 12.

Среди поздних национальных изводов теории трех стилей известны немецкая (*Dreistillehre*), французская (*théorie des trois genres stylistiques*), российская (теория трех штилей М. В. Ломоносова) и др. Считается, что классически точное воплощение трех стилей представляют собой произведения римского поэта Публия Вергилия Марона (70–19 до н. э.). Британский филолог Джон (Иоанн) Гарланд (1180–1252) пишет: «Есть три стиля, соответствующие следующим статусам человеческим: жизни пастушеской отвечает низкий слог, крестьянской — средний, жизни смелого воина, защищающего пастуха и крестьянина, — высокий»¹. Ученый схематически отобразил эти три стиля в знаменитом колесе Вергилия [лат. *rota Virgilii*], поставив в соответствие высокому стилю героическую поэму Вергилия «Энеида» (типичные тематические мотивы: воин или правитель по имени Гектор или Аякс, боевой конь, меч, город, военный лагерь, лавр, кедр), среднему — его поэму «Георгики» (тематические мотивы: крестьянин по имени Триптолем или Колиус, корова, плуг, поле, яблоня, груша), низкому — сборник его пастушеских стихов «Буколики» (тематические мотивы: праздный пастух по имени Титир или Мелибой, овца, посох, пастбище, бук):

¹ Incipit Parisiana poetria magistri Iohannis Anglici de Garlandia de arte prosaica metrica et rithmica et sumitur titulus a prima fronte libri // Les arts poétiques du XIIe et du XIIIe siècle / Éd. E. Faral. Paris, 1971. P. 86–87.

Высокий, средний и низкий стили противопоставлены референциально, т. е. по набору обслуживаемых ими типовых тем, что является основанием для именования их тематическими стилями. Их референтный потенциал определяет характер эмоционально-оценочной окраски привлекаемых средств, что дает основание для трактовки данных стилей как экспрессивных: так, высокий стиль предназначен для описания тем, вызывающих уважительное, благоговейное отношение, а значит требует применения номинативно-выразительных средств торжественной, риторизированной тональности, т. е. «самых красивых слов»¹. Среднему стилю присущи эмоционально нейтральные средства, такая речь «ни слишком проста, ни слишком искусна»²; низкому слогу соответствуют ресурсы грубой, фамильярной, шутливой, иронической оценочности, ср. высок. *лик*, нейтр. *лицо*, сниж. *физиономия*. К эмоциональной сниженности стремится разговорная речь, к эмоциональной возвышенности, ввиду известных особенностей ее предмета, — речь религиозная. Беспристрастность среднего стиля делает его удобным для «описания дел достопамятных и учений благородных»³, в частности:

- а) Для пояснения, наставления и обучения. Образец такого применения данного стиля — дидактическая поэма Вергилия «Георгики», *de facto* представляющая собой «руководство к сельскому хозяйству», т. е. учебное пособие по земледелию, насыщенное специальными техническими предписаниями «по хлебопашеству, виноградарству, скотоводству и пчеловодству»⁴, ср.:

Также терпи, чтобы год отдыхало поле под паром,
Чтоб укрепилось оно, покой на досуге вкушая;
Или златые там сей — как солнце сменится — злаки,
Раньше с дрожащим стручком собрав горох благодатный,
Или же вики плоды невеликие, или лупинов
Горьких ломкие стебли и лес их гулкозвонящий.

¹ М. Т. Ciceronis, ut ferunt, Rhetoricorum ad Herennium. Lipsiae, 1828. P. 265.

² Δημητριον Φαληρεως περί Ερμηνειας. Glasguae, 1743. P. 17.

³ Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М. В. «Я знак бессмертия себе воздвигнул...»: Избранное. СПб., 2009. С. 233.

⁴ Шервинский С. Вергилий и его произведения // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1971. С. 17.

Римский филолог Авл Геллий (130–180 н. э.) в трактате «Аттические ночи» (гл. «О трех стилях») связывает средний стиль с наставительными («совещательными») речами умудренного опытом старца Нестора:

И в поэзии, и в прозе возможны три стиля, каковые греки именуют *χαρακτήρας* и названия им дали *αδρόν, ισχυόν* и *μέσον*. Так же и мы: первый нарекли изобилующим, второй скудным, третий средним. Изобилующий благороден и величествен, скудный прелестен и остер, средний же границу между этими двумя занимает. Сии три стиля, от старины нам доставшиеся, заключены в трех героях Гомера: величественный и изобилующий — в Улиссе, скудный — в Менелая, *средний и умеренный* — в Несторе [курсив наш; ср.: «Он, благомыслия полный, советует им и вещает» (Илиада, 1: 248). — В. М.]¹.

Как известно, «система противопоставления трех стилей, — высокого, среднего и простого, — включающая две противоположности и середину, часто ставится в соответствие трем задачам оратора: склонить, наставить (*instruire*), доставить удовольствие»². Квинтилиан сдвигает характеристики трех стилей в сторону возвышения и украшенности. Отсюда — два следствия: а) средний стиль трактуется им как «цветущий (*floridum*)», «наполненный переносами и фигурами», а значит экспрессивный; 3) характеризую функции низкого, высокого и среднего стилей, ученый предписывает: «Первый — для обучения (*docendi*), второй — для страстей возбуждения (*movendi*) третий — для развлеченья (*delectandindi*) употребляется»³. В таком понимании низкий как единственный из трех стилей свободный от фиоритур, а значит и эмоций, действительно становится удобен «для обучения» и в этом плане сближается со средним стилем в понимании Деметрия и Цицерона. Если же под низким понимать стиль «деревенский» (*stilus rusticus*), «шокирующе реалистичный, исполненный грубого юмора»⁴

¹ Auli Gellii Noctes atticae. Vol. I. Londini, 1824. P. 479–480.

² Patillon M. Introduction // Hermógenes. L'art rhétorique. Paris, 1997. P. 108.

³ M. Fabii Quintiliani Institutionum oratoriarum libri duodecim. Londini, 1714. P. 712.

⁴ Oliver R. Poems without names: the English lyric, 1200–1500. Univ. of California Press, 1970. P. 84.

и «опускающийся даже до выражений наиболее употребительных»¹, то такой слог для обучения использован быть не может *ex definitione*.

- б) Для специальной речи. Люди ученые, — пишет Цицерон о философях, — «говоря о предметах мирных, чуждых всякого волнения, стараются вразумить, а не увлечь»; в их речах «нет ни гнева, ни ненависти, ни ужаса, ни сострадания, ни хитрости». Средний стиль вышел, по словам Цицерона, «из философских школ»². Старинная традиция связывает средний («чуждый волнения») стиль с еще одной наукой — историей: «Итак, простой, или низкий стиль, пригоден для комедии, высокий — для трагедии, средний — для истории»³. Французский филолог Доминик Колонский (1660—1741) учит: «Кроме того, простой, или низкий стиль подобает комедии, высокий трагедии приличествует, средний же для истории применяется»⁴. Данное стилистическое противопоставление, ставшее в филологии Нового времени общим местом, восходит к «Риторике к Гереннию»:

Тому, что в повествовании раскрывается, три рода имеется: рассказ, история, спектакль. Рассказ содержит более или менее правдоподобный предмет, тот, для коего трагедии предназначены. История речь ведет о деяниях века нашего, памятью сохранных. Спектакль повествует о вымышленных событиях, которые, однако, и в жизни возможны, как, например, в комедии⁵.

Тот факт, что «исторический стиль» (*stylus historiae*) тяготеет к среднему, отмечался и ранее: так, Деметрий связывает длинные периоды с высоким, краткие — с низким стилем, средние же по длине именует «историческими»⁶. Как образец этой бесстрастной манеры повествования приведем отрывок из труда

¹ М. Т. Ciceronis, ut ferunt, Rhetoricorum ad Herennium. Lipsiae, 1828. P. 265.

² Цицерон М. Т. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1994. С. 343, 349.

³ A New and complete dictionary of arts and sciences. Vol. IV. London, 1764. P. 3090.

⁴ De Colonia D. De arte rhetorica libri quinque. Romae, 1834. P. 114.

⁵ М. Т. Ciceronis, ut ferunt, Rhetoricorum ad Herennium. Lipsiae, 1828. P. 25.

⁶ Δημητρίου Φαληρέως περί Ερμηνείας. Glasguae, 1743. P. 19.

ученого, которого Цицерон назвал «отцом истории (patrem historiae)»¹:

Эллинские морские силы состояли вот из каких кораблей. Афиняне выставили 127 кораблей. Коринфяне доставили 40 кораблей, а мегарцы 20. Халкидяне снарядили экипаж для 20 кораблей, предоставленных афинянами. Эгина выставила 18 кораблей, Сикион 12, лакедемоняне 10, Эпидавр 8, эретрийцы 7, Трезен 5, стирейцы 2, кеосцы 2 боевых корабля и 2 пентеконтеры и, наконец, опунтские локры прислали на помощь 7 пентеконтер².

Эмоционально-оценочная нейтральность не всегда совпадает с функционально-стилистической: так, если слово *лицо* в этих двух аспектах нейтрально, то специальная лексика, в частности термины (*морские силы, пентеконтера* 'весельное судно с 50 гребцами', *перевозочное средство*) и канцеляризмы (*предъявитель, удостоверить*), нейтральны в экспрессивном, но отмечены в функционально-стилевом плане. С учетом этого факта как принадлежащие среднему стилю следует понимать любые экспрессивно нейтральные средства, включая отмеченные функционально-стилистически.

Референтная сфера (*res, materia*) каждого тематического стиля определяется правилом уместности. Данная категория через римскую риторику восходит к греческой (лат. *aptum, congruum, accomodatum, conveniens*, греч. *πρέπον*), ср.: «Сколько неуместно [курсив наш. — В. М.] было бы, говоря о водостоках перед одним только судьей, употреблять пышные слова и общие места, а о величии римского народа рассуждать низко и просто!» (Цицерон)³; «Речь о предметах величественных требует удлинения колонов»; следовательно, «гекзаметр по своей длине приличествует героической песне и <повествованию> о героях». И наоборот: «краткие колоны к предметам мелким применимы» (Деметрий Фалерский)⁴. Различные варианты правила уместности встречаем и позже. Так, итальянский историк и филолог Леонардо Бруни (1370—1444) учит: «Речь, кроме того, к предмету своему, который

¹ Cicero M. T. De re publica. De legibus. Harvard Univ. Press, 1977. P. 300.

² Геродот. История / пер. Г. А. Стратановского. М., 2004. С. 424.

³ Цицерон М. Т. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1994. С. 345.

⁴ Δημητρίου Φαληρέως περί Ερμηνείας. Glasgae, 1743. P. 7.

трактует, приспособляется»¹. Сходное предписание формулирует немецкий поэт и филолог Мартин Опиц (1597—1639), полагавший, что если одежда должна соответствовать статусу лица, то слог — теме: «Стиль различен соответственно различию предметов»².

На нарочитом несоблюдении условия тематической уместности речи, т. е. на комическом несоответствии содержания средствам его выражения, основан бурлескный стиль [итал. *lingua burlesca* ‘шутливая речь’ < *burla* ‘шутка’]³. В одном из «Шутливых писем» («Lettere burlevoli») командора Мальтийского ордена Аннибала Каро (1507—1566) читаем: «Носочтимейший г. Джованни Франческо!» Далее командор, отметив, что нос его корреспондента «достоин Сонета», обратившись к Аполлону, воззвав к Музе и воздав хвалу Парнасу, восклицает:

Нос совершеннейший! Нос первейший из главных! Нос божественный! Нос, благословеннейший среди всех носов! И будь благословенна та мама, которая создала Вам такую носатость! И да пребудут благословенны все те, кто носит печать причастности к сотворению Вашего Носа! Хвала Небесам, что сотворили для Вас эту Носеиду, столь же величественную, сколь закругленную в периодах [круглым именуется сверхсложный период, состоящий из пяти и более колонов. — *В. М.*]; и что сложили сию поэму, эту Носею в честь Вашего Назального Величества...

Считается, что бурлеск «смешивает уровни языка и референции, стиля низкого и стиля высокого; того, что “достойно короля”, и того, что приличествует крючнику»⁴. При стилистическом анализе текста следует различать два типа такого смешения, т. е. нарушения закона уместности: а) нарочитое (стилевая тактика) и б) случайное (ошибка либо проявление речевой некомпетентности). Так, молодой человек обращается к пятилетней девочке: «Ты *по какому вопросу* плачешь?» (К. Чуковский. Живой, как жизнь).

¹ Bruni L. Humanistisch-philosophische Schriften. Leipzig, 1969. S. 128.

² Opitz M. Prosodia germanica, oder Buch von der deutschen Poeterey. Frankfurt am Main, 1658. F. D ut.

³ Подробнее см.: Москвин В. П. Бурлескный стиль: опыт типологии // Изв. РАН. Серия лит. и яз. Т. 70. 2011. № 6. С. 24–36.

⁴ Nédélec C. Les états et empires du burlesque. Paris, 2004. P. 329.

3.5. Мотивационный анализ

Объектами мотивационного анализа выступают производные номинативные единицы: 1) слово, 2) лексико-семантический вариант слова. Основной целью данного метода является установление деривационного приема, посредством которого была образована номинативная единица¹. Видами мотивационного анализа, применяемыми к слову, являются словообразовательный и этимологический анализ. Первый используется для выявления синхронных деривационных связей слова, второй — для выявления мотивационных связей, затененных в результате исторических изменений формы и семантики слова, утраты языком одной из морфем (аффикса: ср. *острога* и *острый*; корня: ср. *говядина* и арм. *kov*, англ. *cow*, нем. *Kuh* ‘корова’) и т. д. При мотивационном анализе лексико-семантического варианта устанавливается тип переноса, посредством которого образован этот вариант. Рассмотрим этапы мотивационного анализа.

1. Построение мотивационной пары по схеме «производящая единица → производная единица» с указанием значения каждого ее компонента. С этой целью используются приемы экспериментальных методов, в частности:

- а) субституция: *беречь копейку* ↔ *беречь деньги*, мотивационная пара: *копейка* ‘сотая часть рубля’ (вид) → *копейка* ‘деньги’ (род); *Проклятое четвероногое, на котором сидел я, никак не хотело купаться в мутных волнах Тенги* (А. Бестужев-Марлинский) ↔ *Проклятый осел (верблюд, жеребец...)*, мотивационная пара: *четвероногое* ‘животное’ (род) → *четвероногое* ‘осел / верблюд / жеребец...’ (вид); шутл. *рюмка чая* ↔ *рюмка водки*, мотивационная пара: *чай* ‘безалкогольный напиток’ (вид) → *водка* ‘крепкий алкогольный напиток’ (вид), *на борту сорок человек* → *на корабле сорок человек*; мотивационная пара: *борт* ‘часть судна’ → *борт* ‘судно’ (целое);

¹ Пражская лингвистическая школа использует термин ономаσιологический анализ («onomasiological analysis»), см.: Dokulil M. The Prague Schools' theoretical and metodological contribution to “word formation” (derivology) // The Prague School of structural and functional linguistics: A short introduction / Ed. by Ph. A. Luelsdorff. Amsterdam & Philadelphia, 1994. P. 138.

- б) контекстуальный анализ: шутл. *инженер* по укладке грузов, мотивационная пара: *инженер* ‘лицо с высшим техническим образованием’ (вид) → *инженер* ‘грузчик’ (вид);
- в) развертывание: *поехать в город* → *поехать в центр города*, мотивационная пара: *город* ‘населенный пункт’ → *город* ‘центральная часть города’; *маршрутка* → *маршрутное такси*; *улетавль* (неологизм И. Северянина) → *улетающий журавль*.

Мотивационная пара включает анализируемую производную и соответствующую выявленную в ходе эксперимента производящую единицу; компоненты такой пары связаны отношениями непосредственной производности.

2. Определение способа (приема), посредством которого образована анализируемая производная единица, например: *маршрут<ное такси>* + -к- → *маршрутка*: эллипсис определяемого слова + апокопирование (усечение) определяющего слова + суффиксация, т. е. усеченно-суффиксальный способ словообразования; *улетающий журавль* → *улетавль*: вставочный способ словообразования (телескопия, сорнение).

3. Комментарий, характеризующий: а) цели создания анализируемой производной единицы (функциональный анализ); б) те стилистические свойства единицы, которые непосредственно связаны с механизмом ее образования (стилистический анализ).

Так, целью создания слова *маршрутка* является экономия речевых усилий, т. е. речевая компрессия, отсюда название вида словообразования, реализующего функцию сокращения речевой цепи: *компрессиное* (термин Е. А. Земской). Речевая компрессия характерна для неофициальной, в первую очередь разговорно-бытовой речи, отсюда разговорная окраска слов типа *маршрутка*, *читалка* и др. Поскольку компрессия регулярно ведет к паразитарной двусмысленности (ср.: *читалка* → а) *читальный зал*; б) *программа для чтения текстов с экрана компьютера*), компрессия неприемлема для специальной, т. е. официально-деловой и научной речи. Речевая компрессия является одним наиболее активных источников синонимии: а) спец. *маршрутное такси* + разг. *маршрутка*, спец. *читальный зал* + разг. *читалка* и др. Таким образом, сокращая (в соответствии с законом экономии речевых усилий) речевую цепь, компрессия ведет к парадигматическому усложнению языковой системы.

Приглядимся к устройству слова *улетавль*: его части связаны общим компонентом *-а-*, повторяющимся в производящем словосочетании *улета*<ющий> и <жур>*авль*. Конструкция, части которой связаны общим элементом, именуется зевгмой¹. Роль такого общего компонента могут играть: а) слово, ср.: *С потолка он строит дом, Носит воду решетом* (С. Маршак) → *С потолка он строит дом, Он носит воду решетом*; б) часть слова (морфема, комплекс морфем или неморфемная часть), ср.: *Напишите мне нечто о Карамзине, ой, ых* (А. С. Пушкин. Письмо Л. С. Пушкину, 20 дек. 1824) → *Напишите мне нечто о Карамзине, Карамзиной, Карамзиных; улетавль* → *улетающий журавль*; в) графический знак, что наблюдаем, к примеру, на следующем плакате, посвященном встрече президентов России и США (май 2002):

Как видим, зевгма может: а) апеллировать не только к слуху, но и к зрению; б) представлять собой не только лексико-синтаксическую или морфемную, но и графическую конфигурацию. Словесная зевгма служит сокращению речевой цепи и считается разновидностью эллипсиса, однако если эта фигура объединяет семантически несовместимые компоненты, она приобретает выразительный, зачастую каламбурный характер: *Впоследствии, кроме гражданской скорби, он стал впадать и в шампанское* (Ф. М. Достоевский). Такая зевгма, по мнению средневекового испанского грамматиста Франциска Санктиуса, «не лишена элегантности: *tu colis barbam, ille patrem* ‘ты режешь бороду, он — отца’»². Этим же свойством обладают производные

¹ Подробнее об этой фигуре см.: Москвин В. П. О зевгме, ее разновидностях и смежных явлениях // Изв. РАН. Серия лит. и яз. Т. 69. 2010. № 5. С. 26–34.

² Sanctius F. Minerve, ou Les causes de la langue latine. Presses Univ. de Lille, 1982. P. 336.

Перенос [калька греч. *μεταφορά*, лат. *translatio*] представляет собой употребление номинативной единицы в производном значении, или в античной терминологии «поворот [курсив наш. — В. М.] от собственного значения слова к другому, родственному»¹, ср. греч. *τρόπος* ‘перенос’, букв. ‘поворот’ < *τρέπειν* ‘поворачивать’. Теория переноса, что подтверждает и приведенная этимология, не только тесно связана с учением о тропах², но и генетически к нему восходит: «Речь украшается, как полагают греки, если пользуются слов переносами (*verborum immutationibus*), кои тропами они именуют»³. Комментатор Гермогена из Тарса (160—225) пишет: «Тропы, начиная с Аристотеля и Гермогена, сводят к переносам, или к метафоре (*ad Translationem sive ad Metaphoram*)», ибо «*τρέπειν* означает *μεταφέρειν*, т. е. переносить, и тропы суть не что иное, как переносы»⁴. Понятие метафоры в широком значении (= ‘перенос, троп’) сохраняется в классической риторике. В «Филологическом лексиконе» М. Мартиниуса читаем: «*Metaphora, translatio*. У риториков: перенос по сходству (*ex simili*). Иногда, впрочем, перенос слова, или троп в широком смысле (*in genere*) обозначает, как в “Поэтике” Аристотеля, гл. 21: “Метафора есть имени на нечто иное перенесение (*ἀλοτρίῳ ἐπιφορά*)”»⁵.

Одним из главных параметров подразделения переносов является характер лежащих в их основе ассоциаций. Основу переносов составляют ассоциации:

1. По сходству. Такие ассоциации лежат в основе метафоры в узком смысле данного термина [греч. *μεταφορά ἐκ ἀναλόγου*, лат. *translatio ex simili*]. В трансформационном отношении метафора есть «сокращенное сравнение»⁶, соотносительное с компаративной конструкцией,

¹ Guarin P. *Grammaticæ hebraicæ et chaldaicæ*. Т. II. *Complexens syntaxim figuratam, sive Rhetoricam sacram*. Lutetiae Parisiorum, 1726. P. 32.

² Подробнее см.: Москвин В. П. О подходах к определению понятия ‘троп’ // Изв. РАН. Серия лит. и яз. Т. 72. 2013. № 2. С. 20–31.

³ M. Tullii Ciceronis opera. Cum delectu commentariorum. Т. I. Parisiis et Londini, 1740. P. 351.

⁴ Hermogenis *Ars oratoria absolutissima, et libri omnes*. Cum nova Versione Latina e regione Contextus Graeci, & Commen-tariis Gasparis Lavrentii. Coloniae Allobrogum, 1614. P. 108.

⁵ Matthiae Martinii *Lexicon philologicum*. Т. I. Amstelodami, 1701. P. 220.

⁶ M. Fabii Quintiliani *Institutionis oratoriae libri duodecim*. Vol. II. Lipsiae, 1854. P. 76.

однако последняя «не так приятна, ибо длиннее»¹, ср. краткое речение *золотые листья* и более пространное *желтые, как золото, листья*.

2. По сходству и контрасту. Эти два типа отношений лежат в основе таксономических переносов, происходящих внутри одной родовидовой иерархии, причем сходство объединяет вид с родом, виды же внутри рода противопоставлены по контрасту (см. раздел «Оппозитивный анализ»).

Назовем и охарактеризуем основные таксономические переносы:

2.1. Перенос с абстрактного на конкретное (*abstractum pro concreto*), в частности:

2.1.1. С рода на вид [лат. *genus pro specie*]. Замена слова наименованием родового понятия применяется, в частности, в следующих целях: 1) эвфемии: *то водное пространство, которое городничий называет озером* (Н. В. Гоголь о гигантской луже в центре г. Миргород); 2) ухода от тавтологии: *А вот попробуй — | от окна оттяни кота | А если животное интересуется улицей, | то мне это — просто необходимо* (В. Маяковский); 3) ретардации: *Тогда в Нижнем Новгороде на Торгу выступил Гражданин. Звали его Кузьма Минин* (Б. Васильев); 4) манипуляции, ср.:

— Шуба *соболья!* — выкрикивает охранитель.

Писарь записал.

— Что ты, в первый раз, что ли, на описи-то? — говорит тихо

Ермил Николаевич.

Писарь вытаращил глаза.

— Пиши: «*меховая*».

— Ложек *серебряных*...

Писарь записал.

— Да *металлических!*.. Черт тебя возьми! Я такого дурака еще не видывал!

И. Ф. Горбунов. Иверские юристы

Регулярное использование слова по формуле «*abstractum pro concreto*» приводит к сужению его значения. Так, лексема *насекомое* фиксируется в словарях в значении ‘вошь’ (с пометами «разг.» и «эвф.»).

¹ Аристотель. Риторика // Аристотель и античная литература. М., 1978. С. 194.

2.1.1. С вида на индивид (*species pro individuo*): *северная столица, город на Неве* (о Санкт-Петербурге).

2.2. Перенос с вида на род [лат. *species pro genere*]. Замена родового имени видовым используется в игровой функции: *Какие-то люди с трубами, барабанами и другими скрипками* (А. С. Грин), ср. *инструментами*; в целях эвфемии: *В авто / насажали / разных армян* (В. Маяковский), т. е. *лиц кавказской национальности*.

2.2.1. Видом переноса с вида на род является перенос *FINITUS NUMERUS PRO INFINITO* [лат. ‘определенное количество вм. неопределенного’], состоящий в осмыслении определенно-количественного имени числительного как обозначения неопределенного множества: *миллион* (роз), *двести раз* (повторять одно и то же) вм. *много*.

2.3. Перенос с вида на вид [лат. *species pro specie*]. Данный перенос употребляется в целях: 1) мелиоративной номинации: *кафе* вм. *столовая*; 2) эвфемии: *гурман* вм. *обжора*; 3) языковой игры: *Дамы нанесли с собой целые облака благоуханий: одна дышала розами, от другой несло весной и фиалками* (Н. В. Гоголь; ср. *веяло*).

2.3.1. Если определить ПЕРЕНОС ПО КОНТРАСТУ (лат. *permutatio ex contrario*), т. е. АНТИФРАЗИС, как перенос на противоположный вид (ибо «антифразис есть слово, по противоположности <предмет> обозначающее¹»), то эту фигуру переосмысления логично трактовать как тип переноса с вида на вид, ср.: *Но, увы! я не служу и лишен удовольствия* (ср. *неудовольствия*) *видеть тонкое* (ср. *грубое*) *обращение с собою начальников* (Н. В. Гоголь). Видами переноса по контрасту считаются: а) ХАРИЕНТИЗМ — выражение отрицательной оценки под видом положительной: *Ну и аромат!* (вм. *вонь*); б) АСТЕИЗМ (*ironia urbana*) — выражение положительной оценки под видом отрицательной: *Ой, Вань, какие акробатики! Смотри, как вертится, нахал!* (Вл. Высоцкий).

Переносы данного типа были выявлены Аристотелем: «С рода на вид — это когда говорю: “Вон там корабль мой поставлен (ἔστηκε)”, ибо заякорить (ῥομεῖν) и есть поставить (ἔσταναι). С вида на род: “Мириад (μυρί) славных дел Одиссей совершает”. Поскольку мириад (μυρίον) значит ‘много’, то и использовано это слово вместо много». Понятие ‘мириад’ трактуется Аристотелем как видовое по отношению к понятию ‘много’, т. е. речь идет о переносе *finitus numerus pro infinito*. Далее:

¹ Flavii Sosipatri Charisii Artis Grammaticae Libri V // Grammatici Latini: 8 vols. / Ed. H. Keil. Vol. I. Lipsiae, 1857. P. 276.

«С вида на вид: “медью душу вытянул” — то же, что “отсек нестираемой медью”, ибо *вытянуть* ‘отсечь’ значит, а отсечь — ‘вытянуть’, и оба означают ‘удалить’ (ἀφελεῖν)»: имеется в виду соотношение видовых понятий ‘отсечь’ и ‘вытянуть’ внутри родового ‘удалить’.

3. По смежности; на таких ассоциациях основана метонимия — перенос названия с одного объекта на другой «на основании пространственных, временных или каузальных связей»², т. е. на основании связей внутри одного фрейма (см. раздел «Тематический анализ»), например по формуле «столица страны → правительство, находящееся в этой столице»: *Вашингтон* заявил, *Москва* ответила, мнение *Лондона*. Разновидностями метонимии считаются два вида синекдохи:

3.1. Синекдоха PARS PRO TOTO — употребление названия части (партонима) для обозначения целого:

— Ну, как, братухи, неужто это и впрямь Петр Третий к нам шествует?

— Он, он, — враз отзываются **козьи бородки, длинные носы, сутулые спины.**

В. Шишков. Емельян Пугачев

3.2. Синекдоха TOTUM PRO PARTE — употребление названия целого (холонима) для обозначения части: *Барыня в летах, но нарядная и авантажная, с большим бюстом, сидела на диване* (М. Кузмин. Круг царя Соломона).

Как видим, все виды переноса, исключая метафору, происходят внутри определенного лексического класса, ср.:

Перенос	Тип ассоциации	Лексический класс
метафора	по сходству	—
метонимия	по смежности	тематическая группа
синекдоха		парциальная группа
таксономические переносы	по сходству и по контрасту	родовидовая иерархия

¹ Aristotelis Poetica. Ad codices antiquos recognitam latine conversam commntario illustratam / Ed. F. Ritter. Coloniae, 1839. P. 48–49.

² Paul H. Prinzipien der Sprachgeschichte. 10 Aufl. Tübingen, 1995. S. 83.

Ассоциации по сходству, ввиду отсутствия опоры на естественные связи внутри определенной лексической парадигмы, непредсказуемы, поэтому метафора неожиданна, а значит выразительна; ассоциации по смежности предсказуемы, поэтому метонимия менее выразительна, чем метафора. Ассоциации, связывающие часть и целое, тривиальны, что делает синекдоху менее экспрессивной, чем метонимия. Таксономические переносы менее выразительны, чем синекдоха, так как ассоциации, связывающие род и вид, аксиоматичны и, кроме того, абстракты, а значит абсолютно лишены образности; видимо, именно эта интуитивно ощущаемая зависимость привела ученых к мнению о том, что «лучший образец тропа — метафора»¹.

Еще Аристотель выявил разряд изобразительных переносов, или «переносов для глаз (*μεταφοραὶ πρὸς οὐσμάτων*)», способствующих «наглядности речи». Судя по примерам, которые приводит ученый, это: а) метафора: «Кифисодот называл триеры *пестрыми мельницами*», «Путь моих речей *пролегает посреди Харитовых деяний* [курсив наш. — В. М.]»; б) метонимия: «*Эллада* [→ жители Эллады; курсив наш. — В. М.] испустила крик»; «пролейте слезы (*δακρῦσαι*)» (по героям, павшим при Саламине)². Мысли Аристотеля соответствует уже давно ставшее общим местом мнение о том, что метафора и метонимия, «к коей и синекдоха принадлежит», «заменяют прямое выражение непрямым, вещь — образом»³. Метафора апеллирует к сенсорике, в силу чего она дескриптивна и изобразительна; для всех других переносов эти свойства факультативны, отсюда традиционное мнение, что «из всех тропов нет ни более красочного (*florentior*), ни более яркости (*luminis*) речи придающего, нежели метафора»⁴.

Сфера действия переноса охватывает не только лексическую, но и грамматическую семантику. ГРАММАТИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС, или (исполь-

¹ Aelii Donati Methodus. Tiguri, 1553. P. 101.

² Aristotelis De rhetorica libri III // Aristotelis opera / Ex rec. I. Bekkeri. T. XI. Oxonii, 1837. P. 146.

³ Heinichen F. A. Lehrbuch der Theorie des lateinischen Stils. Leipzig, 1842. S. 285–286.

⁴ M. Tullii Ciceronis opera. Cum delectu commentariorum. T. I. Parisiis et Londini, 1740. P. 319.

зую одно из значений этого старинного термина) ЭНАЛЛАГА, состоит в использовании одной грамматической категории в значении другой. К числу видов такого переноса относятся:

1. АНТИМЕРИЯ — употреблении одной части речи в значении другой, «partium enallage»¹. Так, в значении существительного применяются: а) прилагательное: *Как бы эфирное там вет меж листов, Как бы невидимое дышит* (В. А. Жуковский); б) глагол: *через не хочу* вм. *через нехотение*; в) местоимение: *Она* ‘любимая девушка’.

2. ГЕТЕРОЗИС — употреблении формы одного числа, падежа, лица, рода, времени etc. в значении другого («enallage generum, numerorum, personarum, modorum ac temporum»²). К видам гетерозиса, в частности, принадлежат Количественные переносы [лат. *heterosis numerorum*]: а) перенос с единицы на множество [лат. *ab uno plura, singularis pro plurali*]: *И слышно было до рассвета, Как ликовал француз* (М. Лермонтов); б) перенос с множества на единицу [лат. *a pluribus unum, pluralis pro singulari*]: *Нас посетило начальство* (вм. *ректор*).

Как известно, вторичные функции грамматических категорий развиваются на основе гетерозиса, использование которого «приводит к релятивизации нормы — цена, которую мы платим за расширение возможностей узуса»³.

Трактовки некоторых из указанных выше переносов бывают противоречивы; наиболее показательна в этом плане синекдоха. Понятие ‘часть’ целесообразно принимать в узком конкретном смысле — как составной либо неотторжимый фрагмент материального объекта. Иную точку зрения аргументирует испанский филолог и богослов Исидор Гиспалис (570—636), ср.: «Синекдоха есть перенос с части на целое или с целого на часть, а также с вида на род и с рода на вид, поскольку вид — это тоже часть, а род — это тоже целое [курсив

¹ Thomæ Linacri Britanni De emendata structura Latini sermonis libri VI. Accessit Libellus eiusdem Camerarij de arte gram-matica, & figuris dictionum. Lipsiæ, 1591. P. 94.

² Epitome troporum ac schematum et Grammaticorum & Rhetorum Ioanne Susemdroto. Lugduni, 1551. P. 37.

³ Lardet P. Scaliger lecteur de Linacre // L'Héritage des Grammairiens latins. Paris, 1988. P. 313.

наш. — В. М.]»¹. Как видим, приложение понятия ‘часть’ к сфере абстракций приводит к отождествлению синекдохи с фигурами таксономического типа. Синекдоха, понимаемая в широком смысле, традиционно рассматривается с двух точек зрения (топосов, или «локусов»): 1) от большего к меньшему (*locus a maiore ad minus*): *genus pro specie*, *totum pro parte* и *pluralis pro singulari*; 2) от меньшего к большему (*locus a minore ad maius*): *species pro genere*, *pars pro toto* и *singularis pro plurali*². При отнесении к синекдохе фигур *pluralis pro singulari* и *singularis pro plurali* она отождествляется с количественными переносами; к этому ряду отождествлений традиционно добавляют не соответствующие указанным локусам переносы *ex praecedentibus sequentia* ‘с причины на следствие’ «или наоборот»³, с материала на изделие (*auro* ‘золото’ вм. *pecunia* ‘деньги’)⁴ и др., что еще больше размывает данное понятие.

Считается, что переносы возникли «под давлением бедности и скудости <речи>», однако «как одежда, вначале изобретенная для спасенья от холода, позже стала применяться также как средство украшения тела и как знак достоинства, так и словесные переносы, появившись по причине бедности, распространились затем ради услаждения»⁵. Генетически первичной для переносов следует считать номинативную функцию, вторичными — все остальные. Подобный путь развития, от использования в практических функциях до приобретения «самостоятельной ценности, независимо от практической цели»⁶, прошли многие фигуры; показательна в этом плане история зевгмы, которая появилась как прием сокращения, однако с течением времени приобрела целый ряд рассмотренных выше выразительных функций.

¹ Isidori Hispalensis episcopi Originum libri viginti ex antiquitate eruti. Basileæ, 1577. P. 29.

² Lausberg H. Handbook of Literary Rhetoric. Leiden, 1998. P. 187.

³ M. Fabii Quintiliani Institutionis oratoriae libri duodecim. Vol. II. Lipsiae, 1854. P. 77.

⁴ Tabulae rhetoricae Cypriani Soarii (1589) // Rhetoric & dialectic in the time of Galileo. The Catholic Univ. of America Press, 2003. P. 163.

⁵ M. Tullii Ciceronis opera. Cum delectu commentariorum. T. I. Parisiis et Londini, 1740. P. 316–317.

⁶ Якубинский Л. П. О поэтич. глоссемосочетании // Поэтика. Петроград, 1919. С. 12.

3.6. Количественный анализ

Количественный анализ применяется для измерения величин: 1) абсолютных, например числа звуков, слогов или морфем в слове, ко́лонов в составе периода, слогов в стихе, стихов в строфе; 2) относительных, например встречаемости определенных единиц в пределах фразы, текста, того или иного стиля либо языка в целом. Чем больше объем и число («корпус») исследуемых источников, тем больше простой по своей технике количественный подсчет приближается к сложному по своей методике статистическому анализу¹; результаты последнего фиксируются в частотных словарях.

Еще И. А. Бодуэн де Куртенэ высказал следующее пожелание: «Нужно чаще применять в языкознании количественное, математическое мышление и таким образом приблизить его все более и более к наукам точным»². Необходимо, однако, подчеркнуть, что применение количественного анализа «целесообразно только в том случае, если ожидается, что из полученных данных можно сделать содержательные (качественные) выводы. Иными словами, статистика нужна для решения таких задач, которые имеют своей целью выявление определенных закономерностей, ибо простой подсчет тех или иных явлений ничего раскрыть не может»³. Это означает, что алгоритм количественного анализа должен включать два этапа: 1) подсчет; 2) его теоретическую интерпретацию, т. е. «качественный вывод», содержащий разъяснение полученных фактов, формулировку закономерности или классификацию. Отсутствие второго этапа лишает количественный анализ смысла, однако часто наблюдается. Так, исследователи констатируют «именной характер» научного стиля⁴ и характерную для него «экспансию родительного падежа»⁵, но данное наблюдение никак не интерпретируют.

¹ См. раздел «Введение» в «Частотном словаре современного рус. языка» О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова (М., 2009. С. I–XXI).

² Бодуэн де Куртенэ И. А. Избр. труды по общему языкознанию. Т. 2. М., 1963. С. 17.

³ Зиндер Л. Р., Строева Т. В. К вопросу о применении статистики в языковедении // Вопросы языкознания. 1968. № 6. С. 121.

⁴ Денисов П. Н. Научный стиль // Русский язык: энциклопедия. М., 1997. С. 260.

⁵ Богданова В. А. Научный стиль // Функциональные стили и формы речи. Саратов, 1993. С. 41.

Произведем теоретическую интерпретацию данного статистического факта. Использование отглагольных и отадеъективных существительных придает фразе лаконичность, ср.: *Для того чтобы запустить ракету, необходимо нажать кнопку* → *Запуск ракеты производится нажатием кнопки*. В результате свертывания сложного предложения образуется простое полипропозитивное, обладающее «большой семантической емкостью и содержательной сложностью»¹. Активное использование таких предложений и является основной причиной высокого удельного веса в научной речи: 1) отглагольных и отадеъективных существительных; 2) форм родительного падежа, зачастую образующих многочленные генитивные цепочки (например: *изменение характера электронного спектра поглощения раствора окиси гемоглобина*) — конструкции «неуклюжие», но вполне отвечающие стремлению научного стиля «к смысловой исчерпанности и структурной простоте»². Количественный анализ применяется:

1. При описании особенностей стиля или стилевой техники. Так, начиная с античности учеными принимался во внимание такой количественный показатель стихотворного текста, как РАЗМЕР [греч. *μέτρον* ‘мера, метр, размер’] — характеристика стихотворной строки: а) по числу слогов; б) по принадлежности к определенному изотоническому метру. К примеру, размер этих стихов — восьмисложный ямб:

Еще в полях белеет снег,	Бегут и будят сонный брег,
А воды уж весной шумят —	Бегут, и блещут, и гласят...

(Ф. И. Тютчев)

Существует закономерность: чем короче размер, тем ритмичнее звучит стих:

Зигзаги
Волны
Отваги
Полны

(В. Брюсов)

¹ Кормилицына М. А. Полипропозитивные простые предложения в научном стиле // Вопросы стилистики. Вып. 23. Саратов, 1989. С. 39.

² Лаптева О. А. О некоторых синтаксических тенденциях в стиле современной научной прозы // Развитие синтаксиса современного русского языка. М., 1966. С. 212.

И наоборот: чем длиннее стих, тем он становится протяжнее и торжественнее, ср.:

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахейнам тысячи бедствий соделал.

(Гомер. Илиада)

Эта же количественная закономерность наблюдается и в прозе, ср.:

Короткий перелет. Шереметьево. Грязь. Духота. Серый свет. Ворюги. Убогие, редкие, полупустые буфеты. Таблички — перерыв. Ни одного — ни одного — ни одного! — исправного телефона-автомата: диски вырваны с проводами. Спящая прямо на полу изможденная семья азиатов. Главные воздушные ворота все еще загадочной России (Правда, 1991).

Такое нагнетание коротких фраз, представляющих собой «как бы мазки, из которых создается общая картина»¹, лежит в основе рубленого стиля [франц. *style coupé*]. Говорящий как бы «рубит (διακόβω) связь мыслей»², что характерно для «эмоциональной речи, которая не испытывает нужды в тщательной аранжировке»³. В устной речи такой стиль используют на правах вкраплений, ибо ««рванный монтаж» слова, т. е. построение целого ряда фраз, состоящих из одного-двух слов, чрезвычайно утомляет и раздражает слушателя»⁴. М. Кольцов предупреждает: «На слух получается сплошное “бу-бу-бу”. Короткие рубленые фразы иногда досаждают читателю не меньше длинных»⁵; Деметрий Фалерский именует сочетание кратких фраз «серым, скучным (ξηρά σύνθεσις)»⁶.

Противоположен рубленому монументальный стиль, основанный на усложненном синтаксисе, а значит пространности речи, что уместно в торжественной ситуации, ср.:

Уважаемые друзья, сегодня мы собрались по вопросу, который имеет жизненно важное значение, историческое значение для всех нас.

¹ Розенталь Д. Э. Наблюдения над синтаксисом языка газеты // Язык и стиль СМИ и пропаганды. М., 1980. С. 54.

² Αριστείδου Τεχνών ρητορικῶν // Rhetores graeci / Ex recogn. L. Spengel. Vol. I. Lipsiae, 1853. P. 463.

³ Apsines' Art of Rhetoric // Two Greek rhetorical treatises from the Roman Empire. Leiden et al., 1997. P. 237.

⁴ Зарва М. В. Слово в эфире. М., 1976. С. 83.

⁵ Кольцов М. Писатель в газете. М., 1961. С. 80.

⁶ Δημητρίου Φαληρέως περί Ερμηνείας. Glasgae, 1743. P. 4.

16 марта в Крыму состоялся референдум, он прошел в полном соответствии с демократическими процедурами и международно-правовыми нормами. В голосовании приняло участие более 82 процентов избирателей. Более 96 процентов высказалось за воссоединение с Россией. Цифры предельно убедительные. Чтобы понять, почему был сделан именно такой выбор, достаточно знать историю Крыма, знать, что значила и значит Россия для Крыма и Крым для России. В Крыму буквально все пронизано нашей общей историей и гордостью. Здесь древний Херсонес, где принял крещение святой князь Владимир. Его духовный подвиг — обращение к православию — предопределил общую культурную, ценностную, цивилизационную основу, которая объединяет народы России, Украины и Белоруссии. В Крыму — могилы русских солдат, мужеством которых Крым в 1783 году был взят под Российскую державу. Крым — это Севастополь, город-легенда, город великой судьбы, город-крепость и Родина русского черноморского военного флота. Крым — это Балаклава и Керчь, Малахов курган и Сапун-гора. Каждое из этих мест свято для нас, это символы русской воинской славы и невиданной доблести. (Речь В. В. Путина о присоединении Крыма, 18.03.2014.)

Монументальный стиль требует особого исполнения, состоящего в предельно четком произношении слов, в замедленном темпе речи и недопустимости «скароговорки».

2. Для разработки классификаций. Так, с помощью количественного анализа выявлено два долготных типа изотонического метра: а) двусложные (хорей и ямба); б) трехсложные (амфибрахий, анапест и дактиль). Двусложные типы характеризуются как быстрые и краткие, трехсложные — как медленные и длительные. Повторы в зависимости от числа повторяемых компонентов подразделяют на однокомпонентные, двухкомпонентные и т. д., в зависимости от количества повторений — на двойные, тройные и др. Многократный повтор довода, просьбы, утверждения в риторике известен как повтор *ad nauseam* [лат. ‘до отвращения, рвоты’]. Вот как использовал этот прием адвокат Н. Ф. Плевако, защищая человека, в приступе ярости убившего свою жену:

— *Господа присяжные заседатели!*

В зале начал стихать шум. Плевако опять:

— *Господа присяжные заседатели!*

В зале наступила мертвая тишина. Адвокат снова:

— *Господа присяжные заседатели!*

В зале прошел небольшой шорох, но речь не начиналась. Опять:

— *Господа присяжные заседатели!*

Тут в зале прокатился недовольный гул заждавшегося долгожданного зрелища народа.

А Плевако снова:

— *Господа присяжные заседатели!*

Началось что-то невообразимое. Зал ревел вместе с судьей, прокурором и заседателями.

И вот, наконец, Плевако поднял руку, призывая народ успокоиться.

— Ну вот, господа, вы не выдержали и 15 минут моего эксперимента. А каково было этому несчастному мужику слушать 15 лет несправедливые попреки и раздраженное зудение своей сварливой бабы по каждому ничтожному пустяку?!

Зал оцепенел, потом разразился восхищенными аплодисментами. Мужика оправдали.

В основе повтора *ad nauseam* как приема аргументации лежит «необоснованная уверенность в том, что утверждение будет принято как истинное, если оно будет повторяться вновь и вновь»¹. Добиться принятия тезиса посредством данного приема можно, комбинируя его с тактикой *ab hoc et ad hoc* [термин римского права, букв. ‘так и сяк, кстати и некстати’]; в результате этой процедуры вошло в поговорку требование Катона «*Delenda est Carthago*» ‘Карфаген должен быть разрушен!’.

Средневековая филология различала несколько количественных типов тавтологии [греч. *ταυτολογία* < *ταυτός* ‘то же’, *λόγος* ‘слово’] — случайного или вынужденного повтора, ведущего к паразитарному однообразию речи: «двукратная или трехкратная», а также многократная («*odiosa tautologia*» ‘одиозная тавтология’, «*molesta tautologia*» ‘назойливая тавтология’, «*tautologia ad nauseam*» ‘тавтология до тошноты»²): *Как все женщины, которым не удалось полюбить, она хотела чего-то.*

¹ Bauer S. W., Wise J. *The Well-Trained Mind: A Guide to Classical Education at Home*. W. W. Norton & Company, 2004. P. 235.

² *Clavis Scripturae, seu de sermone sacrarum literarum: avtore Matthia Flacio*. Basileae, 1567. P. 226.

Собственно, ей ничего не хотелось, хотя ей казалось, что ей хотелось всего (И. С. Тургенев).

Рассмотрим с количественной точки зрения ПЕРИОД [греч. *περίοδος* ‘оборот, охват’] — сложную фразу, части которой соизмеримы (например, при симметричном чередовании длинных синтагм с короткими или при градуальном их увеличении) либо приблизительно равны по длине, что создает мерность речи, ср.:

Наш лозунг краткий: | ни одного голодного, | ни одного бездомного, | ни одного безработного!..

Вл. Жириновский. Выступление на митинге, 23.02.12.

Период трактуется как «фигура, выражающая законченную целую мысль ритмически, т. е. членением на равные части (ρυθμός, συντόμως αληθισμένον)»¹; сравнивается с «огромным правильно устроенным парком при дворце в стиле Барокко, где все части симметричны, а дорожки параллельны друг другу»². Такие части периода называют колонами; их границы определяются синтагматическим членением фразы, поэтому ритм периода именуется синтаксическим ритмом. В старину концовки колонов нередко подчеркивали более или менее точными созвучиями (гомеотелévтами):

Авель жертвы ради именуется; Енох благоугодности ради поминается; Мельхиседек образа ради Божия возвещается; Авраам веры ради прославляется; Исаак прообразования ради похваляется; Иаков борения ради убажается; Иосиф целомудрия ради почитается; Иов терпения ради блаженным нарицается; Моисей законодательства ради воспевается; Самсон как сообщник Божий убажается; Илия ревнительства ради свидетельствуется; Исаия богословия ради воспитуется; Даниил разума ради возвещается; Иезеркииль тайнозрительства ради неизреченного изумлением чествуется; Давид как отец по плоти таинства глаголется. (*Прокл Константинопольский, IV в. н. э.*)

Согласно учению античных ораторов, колоны должны правильно «закругляться»; под «поворотом» от одного колона к другому имелось

¹ Ερμούγενοῦς Περί μεθόδου δεινότητος // *Rhetores graeci / Emend. Ch. Walz. Vol. VII. Stuttgartiae & al., 1834. P. 1243.*

² Lanham R. A. *Analyzing prose. 2-nd ed. London & New York, 2003. P. 49.*

в виду ритмическое членение периода, который «есть система из колонов и комм [т. е. кратких колонов. — В. М.], благозакругленных (ευκαταστροφον) в соответствии с выражаемой мысли на равные части членением»¹. Асимметрия колонов считалась композиционным недостатком периода (vitium periodi): «Период должен быть равноногим (ισοσκελη) и равнобедренным (ισοπλευρον)»², что создает «гармонию колонов» и «благородную мелодию ритма»³.

Ритмообразующий минимум периода составляет два колона. По аналогии с геометрическими фигурами период из четырех колонов называют квадратным, из пяти и более — круглым. Число колонов «ограничено характером собственного дыхания и превосходить его не должно, единую мысль заключая и раскрывая не безмерно, но в пределах, поставленных памятью»⁴, т. е. период должен иметь «благообозримые размеры (μέγεθος ευσύνοπτον)»⁵. Для устной речи структурный максимум периода («iustus periodi modus») образуют четыре колона: «Слово *period* значит ‘охват’: в нем два или больше связано членов подряд, но крайняя мера — четыре; Сверх четырех — это будет уже неохватною речью» (Стихи о фигурах красноречия).

3. Для характеристики речевых жанров. Так, жанр тавтограммы основан на многократном однокомпонентном звуковом повторе (с преобладанием звуковой анафоры):

Ленивых лет легко ласканье,
Луга лиловые люблю.
Люблю левкоев ликованье,
Легенды ломкие ловлю.

Лучистый лен любовно лепит
Лазурь ласкающих лесов.
Люблю лукавых лилий лепет,
Летающий ладан лепестков.

Вл. Смиренский

Проанализируем по количественному параметру ропалический стих [лат. *versus rhopalicus*, греч. *ροπαλικός* ‘булавовидный’, *ρόπαλον* ‘дубина’]. Данный жанр представлен двумя типами. Первый из них

¹ Δημητρίου Φαληρέως περί Ερμηνείας. Glasguae, 1743. Ρ. 10.

² Invention And Method: Two Rhetorical Treatises from the Hermogenic Corpus / Ed. H. Rabe. Atlanta, 2005. Ρ. 150.

³ Dionysii Halicarnassensis De compositione verborum / Ed. G. H. Schaefer. Lipsiae, 1808. Ρ. 150 & 152.

⁴ Marcus Fabius Quintilianus De institutione oratoria. Vol. 3. Parisiis, 1823. Ρ. 535.

⁵ Aristotelis de rhetorica libri tres. Oxonii, 1826. Ρ. 180.

основан на градуальной ритмовке, в этом случае «каждый последующий стих строфы длиннее [или наоборот, короче. — В. М.] предыдущего на один слог или на одну метрическую стопу»¹. В результате текст принимает форму булавы или клина, что сближает его с фигурными стихами. Окончание ассоциируются с постепенным сужением, сходом «на нет», отсюда использование ропалического стиха как символа конца или смерти, как в этих стихах А. Блока:

Но все ночи и дни наплывают на нас
Перед смертью, в торжественный час.
И тогда — в духоте, в тесноте
Слишком больно мечтать
Обылой красоте
И не мочь;
Хочешь встать —
И ночь.

Второй тип ропалического стиха основан на слоговой градации, ср.:

Жизнь — игра желаний мимолетных,
Есть — пора мечтаний безотчетных,
Есть, потом, — свершений горделивых;
Скук, истом, томлений прозорливых...

В. Я. Брюсов

Каждый стих начинается с моносиллаба, каждое следующее слово становится длиннее предыдущего на слог, в результате «стих как бы расширяется в виде палицы»².

4. Для измерения функциональной нагрузки (англ. *functional load*) языковых феноменов. Процедуру такого измерения, применительно к фонологическим противопоставлениям английского языка, разработал в 1955 г. американский лингвист и антрополог Чарльз Хоккет (1916–2000)³. Рассмотрим суть данной процедуры на примере русских фонем /г/ и /к/, /г/ и /γ/: 1) оппозиция /г/ и /к/ противопоставляет слова и словоформы, число которых образует открытый ряд: *рок* и *рог*, *кора* и *гора*, *громок* (от *громкий*) и *кромок* (от *кромка*) и др.; 2) оппозиция /г/ и /γ/ противопоставляет лишь две словоформы: *Бо[x]* (православный, христианский) и *бо[к]* (античный, римский). В слове *бог* «возможны варианты с <г> и

¹ Richardson J. Illustrated dictionary of literature. Lotus Press, 2005. P. 147.

² Квятковский А. Поэтический словарь. М., 1966. С. 251.

³ Hockett Ch. F. A manual of phonology. Baltimore, 1955. P. 212–218.

с <γ>, но они имели скорее семантический, чем стилистический характер. Античным богам не была положена фонема <γ>»¹. Итак, *Бо[x]* (*христианский, всемогущий и вездесущий*), но *бо[k]* (*Зевс, Гименей* и др.); данные лексические варианты противопоставлены: а) фонетически; б) орфографически; в) семантически, а значит и в плане сочетаемости. Факультативная фонема [γ], «когда-то чувствовавшая себя вполне уверенно, сходит на нет. “Свело в могилу” ее то, что она встречалась в небольшом числе корней и не было особой буквы, которая могла бы поддержать ее престиж. Даже и в формах одного-единственного слова, где / γ / нашла последнее пристанище, слышится она все реже. Стало распространенным произношение *бо[x]*, *бо[γ]а*, *бо[γ]у* и т. д. — с непозиционным чередованием [x] || [γ]»².

Если охарактеризовать с применением этого же подхода лексическую сочетаемость некоторой группы слов, например прилагательных *коричневый* (цвет, костюм...), *каштановый* (цвет, волосы, борода), *каурый* (конь, жеребец), *карие* (глаза, очи), то окажется, что чем ближе лексическая сочетаемость слова к значению единицы, тем более устойчивые, фразеологизированные словосочетания оно образует. Отсюда следует вывод о том, что ограниченность лексической сочетаемости слова (т. е. ее единичность, серийность) следует считать одним из критериев фразеологичности³.

Используя данный метод, рассмотрим мощность деривационных моделей, служащих источниками пополнения синонимического ряда «Луна»:

- 1) прономинация, т. е. метафорическое использование имен собственных, таких, как *Диана*, *Цинтия* и *Луцина* (имена богини охоты и луны в римском пантеоне), *Геката* (греч. богиня лунного света и преисподней) и *Селена* (греч. богиня луны), ср.:

В близине алея переливно, Шествует Луцина в наш предел
(В. Брюсов. Восход луны); *Люблю твои уста, люблю твои кроткий нрав,*
Диану полную над детской колыбелью (А. Фет); *Твой в небе,*

¹ Панов М. В. История рус. лит. произношения XVII–XX вв. М., 1990. С. 201.

² Панов М. В. История рус. лит. произношения. С. 28.

³ Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М., 1996. С. 120, 171.

Цинтия, я вижу лик туманный (В. Шекспир); *Над ними лик склоняется Гекаты* (М. Цветаева); *Люблю твой бледный лик, печальная Селена, Твой безнадежный взор, сопутствующий мне* (И. Бунин);

- 2) перифразирование, производимое по двум схемам: а) прил. + имя сущ.: *ночное светило, ночное солнце, небесная лампада, лунный серп, лунный диск*; б) имя сущ. + род. ед. имени сущ.: *царица ночи, колесница ночи, диск луны, серп луны, светило ночи*.

Мощность первого ряда составляет 5 единиц, второго — 10. Если первый источник практически исчерпан, поскольку ряд имен богинь луны образует закрытый список, то второй вполне может быть пополнен за счет авторских окказионализмов. Заметим, что количественное измерение может быть прямым и непрямым. При непрямом измерении продуктивность деривационной модели определяется числом окказионализмов¹.

Применение количественного анализа для определения функциональной нагрузки понятия (проявляющейся в числе выражающих его синонимов, в мощности лексической сочетаемости, деривационного, фразеом- и текстообразующего потенциала их доминанты и др.), привело к открытию концепта как лингвокультурного феномена.

5. Для выявления закономерностей развития языковых подсистем и микросистем. Так, давно замечено, что во многих глаголах с концевой *-ить* имеет место регулярная вариативность ударения, существенно затрудняющая их правильное употребление: *включит* или *включит?* *мирится* или *мирится?* *грузишь* или *грузишь?* Обратимся к словарям. Здесь обнаруживаем довольно пеструю картину, ср.:

1) *включишь*, неправ. *включишь* (Резниченко И. Л. Орфоэпич. словарь рус. языка. М., 2004. С.107), *включит*, неправ. *включит* (Гридина Т., Коновалова Н. Школьный орфоэпич. словарь рус. языка. М., 2011. С. 64–65), *включишь*, не *включишь* (Штудинер М. А. Словарь образцового рус. ударения. М., 2008. С. 66), *включит*, не рек. *включит* (Горбачевич К. С. Современный орфоэпич. словарь рус. языка. М., 2009. С. 37), *включит*, разг. *включит* (Введенская Л. А. Словарь ударений для дикторов радио и телевидения. М., 2003. С. 38), *включит*,

¹ Wälchli B. Indirect measurement in morphological typology // Methods in Contemporary Linguistics. Berlin & Boston, 2012. P. 70.

включат (Соловьев Н. В. Словарь правильной рус. речи. М., 2008. С. 106); 2) *миришься, мирится* (Штудинер М. А. Словарь образцового рус. ударения. С. 230), *мирится* и доп. *мирится* (Гридина Т., Коновалова Н. Школьный орфоэпич. словарь рус. языка. С. 206), *мирится* и доп. *мирится* (Горбачевич К. С. Современный орфоэпич. словарь рус. языка. С. 165), *помирит*, разг. *помирит* (Введенская Л. А. Словарь ударений для дикторов радио и телевидения. С. 200), *мирится, мирятся* (Соловьев Н. В. Словарь правильной рус. речи. С. 347), *миришься* и *миришься* (Резниченко И. Л. Орфоэпич. словарь рус. языка. С. 546); 3) *грузит, грузят* (Соловьев Н. В. Словарь правильной рус. речи. С. 171), *погрузит* и устаревающее *погрузит* (Горбачевич К. С. Современный орфоэпич. словарь рус. языка. С. 263), *грузит* и допуст. устар. *грузит* (Гридина Т., Коновалова Н. Школьный орфоэпич. словарь рус. языка. С. 93), *грузишь* (Резниченко И. Л. Орфоэпич. словарь рус. языка. С. 107; Штудинер М. А. Словарь образцового рус. ударения. С. 66).

В учебной литературе принят списочный способ представления этих глаголов: 1) «с ударением на окончании»: *буришь, включишь, глушишь, звонишь, миришь(ся)* [получается, что вариант *миришь(ся)* нелитературен. — В. М.] *облегчишь* и др. (14 единиц); 2) «с ударением на основе»: *грузишь* [получается, что вариант *грузишь* нелитературен. — В. М.], *предвосхитишь, поручишь(ся), пригубишь* и др. (15 единиц); 3) «допустимы колебания»: *перчишь, солишь, крошишь* (3 глагола)¹. Данный способ, впрочем, вступает в противоречие тем очевидным фактом, что: 1) глаголы на *-ить* являются продуктивным классом, включающим многие тысячи единиц, большая часть которых остается за пределами приведенного списка; 2) колебания в ударении охватывают не одну сотню глаголов на *-ить*, что делает их в этом плане «особенно прихотливыми»².

Факты, которые находим в словарях и учебниках, не поддаются системному осмыслению; между тем, «ударение, как и другие языковые особенности, прочно запоминается, если изучающий восприни-

¹ Есакова М. Н., Кольцова Ю. Н., Литвинова Г. М. Русский язык и культура речи: Нормы современного литературного языка. М., 2012. С. 21.

² Грот Я. К. О глаголах с подвижным ударением // Изв. Имп. академии наук по отд. языка и словесности. Т. V. СПб., 1836. С. 339.

мает его как закономерное явление»¹. Что делать? Выход один: проанализировать причины акцентного варьирования, выявить закономерности и сформулировать правило. Изучим с этой целью следующую таблицу:

Форма ед. ч.				Форма мн. ч.			
Накло- нение	Лицо	Норма	Просто- речие	Накло- нение	Лицо	Норма	Просто- речие
Изъяви- тельное	1-е	звонЮ		Изъяви- тельное	1-е	звонИм	звОним
	2-е	звонИшь	звОнишь		2-е	<i>звонИте</i>	звОните
	3-е	звонИт	звОнит		3-е	звонЯт	звОнят
Повелительное		звонИ		Повелительное		<i>звонИте</i>	

Сделаем выводы: 1) Формы второго лица множ. числа изъявительного наклонения *звоните* и повелительного наклонения множ. числа *звоните* совпадают. Такая омонимия ведет к неоднозначности речи, ср: *Вы помиритесь с ним, по размыслены зрелом* (А. С. Грибоедов); *Вы слух на песнь мою склоните* (Д. В. Давыдов). Какая форма перед нами? Будущее время? Императив? Как понимать смысл этих двух фраз? 2) Эта двусмыслица приводит в действие закон омонимического отталкивания, в результате чего происходит «разграничение изъявительного и повелительного наклонения»²: *звоните* (императив) — прост. *звоните* (изъявительное наклонение). 3) Ударение передвигается в направлении от флексии к корню, т. е. ударение на корне вторично по отношению к ударению на флексии. Это означает, что старшей нормой для глаголов с концовкой *-ить* является флексийное ударение. Поскольку младшая норма формируется не сразу, более безопасна для употребления старшая норма, ср. лит. *звонит* и прост. *звонит*, лит. *включит* и неправ. *включит*, лит. *бурит* и прост. *бурит*, лит. *курится*, ср.: *Там слух спешит во все концы; Далеке дым в полях*

¹ Шелюто Г. А. Русское ударение. Ч. 1. Ужгород, 1962. С. 4.

² Воронцова В. Л. Русское литературное ударение XVIII–XX вв. М., 1979. С. 24.

курится (М. В. Ломоносов) и прост. *курится*. Такое соотношение двух норм дает основание для выведения правила использования глаголов на *-ить*: в случае сомнений следует ориентироваться на старшую норму, т. е. ставить флексийное ударение. 4) Переакцентовка начинается с формы второго лица множ. числа изъявительного наклонения. 5) В других формах перенос ударения происходит по закону аналогии, при этом в сферу действия переакцентовки не попадают формы: а) первого лица ед. числа; б) инфинитива. Однако иногда переакцентовка охватывает и эти формы: прост. *углублю*, *облегчу* вм. лит. *углублю*, *облегчу*; прост. *углубить*, *облегчить* вм. лит. *углубить*, *облегчить*. Сходный процесс наблюдаем в парадигме глагола *предвосхитить*. В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (М., 1994, т. 3, с. 713) читаем: *предвосхищу*, *предвосхитишь*, ср.: *Но милостью предвосхищу искус, И Ты как твердь рисуешь крепость чувств* (Дж. Донн. Духовный сонет № 1; перев. В. Белоусова). Однако в настоящее время форма *предвосхищу* осуждается как неправильная; литературная форма — *предвосхищу*¹.

За младшей нормой стоят механизмы языка, обеспечивающие однозначность выражения, а значит переакцентовка в глаголах на *-ить* — закономерность, а не прихоть носителей языка. С точки зрения совершенствования языковой системы перспективными вариантами в равноправных парах типа *доит* и *доит*, *поит* и *поит*, *солит* и *солит*, *кружит* и *кружит*, *крошит* и *крошит* являются варианты, соответствующие младшей норме, т. е. варианты с корневым ударением. Корневая переакцентовка является здесь прогрессивным явлением, поскольку она реализует возможность использования ударения в дифференцирующей функции, в нашем случае — для того, чтобы противопоставить омонимичные формы слов: повел. *доите*, *поите* — изъяв. *доите*, *поите*. Этот путь уже прошли такие глаголы на *-ить*, как *варить*, *катить*, *крутить*, *трудиться* и др.; сейчас по нему идут глаголы *включить*, *углубить*, *облегчить* и др.

Однако тенденция к корневой переакцентовке охватывает не все глаголы на *-ить*. Почему же в одних глаголах данного класса проис-

¹ Еськова Н. А. Краткий словарь трудностей русского языка. М., 1994. С. 259; Иванова Т. Ф. Новый орфоэпич. словарь русского языка. М., 2004. С. 563.

ходит сдвиг ударения с флексии на корень, а в других — не происходит? Сопоставим данные следующей таблицы:

№ анализируемой микросистемы	Анализируемый глагол	Флексийное ударение	Корневое ударение	Частотность ¹
1	вручить	+	–	23.9
	поручить	–	+	31.0
2	вкусить	+	–	3.1
	укусить	–	+	8.3
3	чернить	+	–	0.8
	синить	+	–	0.4
	белить	–	+	1.5

Очевидно то, что корневая переакцентовка захватывает прежде всего относительно частотные (для своей микросистемы) глаголы на *-ить*, поскольку именно в них носители языка в первую очередь устраняют внутрипарадигмальную омонимию, а значит делают их более удобными для использования; здесь наблюдаем ярко выраженный случай реализации закона перехода количества в качество. Лексика же книжная, «узкого распространения» обычно «сохраняет прежнее постоянное ударение»². В результате переакцентовка противопоставляет слова: 1) в пределах одного словообразовательного гнезда: *дело поручит*, но *подарок вручит* (первое, видимо, происходит гораздо чаще, чем второе); *укусит*, но *вкусит*; *разбудит*, но *возбудит* и *пробудит*; *дарит*, но *одарит*; *делит*, *разделит*, но *подразделит*; *курит*, но *курится*; *поит*, но *упоит*; *погрузит* (вещи), но *погрузится* (в воспоминания); *починит*, но *причинит*; *поклонится*, но *преклонит*; *проводит*, но *препроводит*; 2) в пределах одного этимологического гнезда, где

¹ Здесь и далее частотность слов приводится по «Частотному словарю современного рус. языка» О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова (М., 2009). С тем, чтобы примерно оценить количество употреблений глагола на миллион слов, приводимую в колонке «Частотность» цифру следует умножить на коэффициент 92 (Цит. соч. С. V–VI).

² Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974. С. 88 и 91.

корневое и конечное ударение регулярно противопоставляют русскую и церковнославянскую лексику¹: *волочит*, но *влачит*; *загородит*, но *заградит*; *огородит*, но *оградит*; 3) в пределах слов одной тематической группы: *белит*, но *желтит*, *чернит*, *синит*; *солит*, но *горчит*, *сластит*.

Следствием такого различия в сфере частотности явилось семантическое противопоставление рассматриваемых позиционных типов ударения. Флексийное ударение в глаголах на *-ить* стало ассоциироваться с переносным, абстрактным значением, корневое же — с прямым и более конкретным, ср. *вкусит* (блаженство) и *укусит* (за ногу), *пробудит* (воспоминанья) и *разбудит* (соседа), *одарит* (счастьем) и *подарит* (цветы). Как видим, «глаголы, заключающие в себе лишь представление об отвлеченном действии, без намека на какой бы то ни было предмет или качество... удерживают ударение с неизменным постоянством на окончании»². Если флексийное ударение характерно для книжной, устарелой, низкочастотной лексики, то в группе с корневым ударением «господствуют глаголы, вполне обычные в разговорной речи; значительная их часть носит технический характер»³, ср. *причинит* (страдания) и *починит* (хомут), *обелит* (свое имя) и *побелит* (стенку), *упоит* (душу) и *напоит* (скот). Иными словами, в данном случае на место ударения влияют такие факторы, как «лексическое значение отдельных лексем, а также условия их употребления»⁴.

Рассмотрим с этой точки зрения глагол *предвосхитить*. Примеры строго литературного употребления: *В нами взятом естественном смысле || предвосхитили мы лишь желание...* (А. Белый. Петербург; этот роман, как известно, написан анапестом); *Предвосхитим добрый час Или злой — опередим* (Э. Марвелл. Юная любовь; перев. Г. Кружкова), ср.: «Предвосхитить, предвосхищу, предвосхитит, прич. страд. прош. предвосхищенный ! *неправ.* предвосхитить, ищу, итит, предвосхи-

¹ Грот Я. К. О глаголах с подвижным ударением // Изв. Императ. академии наук по отд. языка и словесности. Т. V. СПб., 1836. С. 344; Воронцова В. Л. О нормах ударения в глаголах на *-ить* в современном русском литературном языке // Вопросы культуры речи. Вып. 2. М., 1959. С. 123.

² Шарловский И. Русское слогаударение. Вып. 2. Киев, 1884. С. 84.

³ Зализняк А. А. Труды по акцентологии. Т. 1. М., 2010. С. 76.

⁴ Лефельдт В. Акцент и ударение в современном русском языке. М., 2010. С. 98.

щённый»¹. Глагол, однако, низкочастотен и абстрактен, что влечет регулярное его использование с окончательным ударением: *Сколько в мире чудес! Разве все предвосхитишь, даже глядя через волшебное озерную тишь* (Л. Мартынов. Рубикон); *Мы, может статься, лучшего хотим, Но ход событий не предвосхитим* (В. Шекспир. Гамлет; перев. Б. Пастернака). Отсюда — уступка узусу: «Предвосхитить, предвосхищу, предвосхитит, предвосхищенный, разг. предвосхитить, предвосхищу, предвосхитит, предвосхищённый»². Поскольку помета «разговорное» не согласуется с книжным характером глагола, более логична трактовка: «предвосхИтИт»³; «предвосхитИть и предвосхИтить, предвосхитИт и предвосхИтит, предвосхитЯт и предвосхИтят; предвосхищённый и предвосхищенный»⁴.

Переакцентовка в глаголах на *-ить* происходит за пределами литературного языка, ср. лит. *звонит* и прост. *звонит*, лит. *облегчит* и прост. *облегчит*. Если просторечный вариант удастся связать с определенной профессиональной группой, это дает право на употребление сдвоенной пометы *прост. проф.*: лит. *бутит*, прост. проф. *бутит*. О социальных группах, в которых происходит или уже произошла корневая переакцентовка, полезно поразмышлять при рассмотрении таких глаголов, как *бурить, винтить, гатить, глушить, городить, доить, долбить, дубить, рыхлить, сверлить, синить* и др. Как видим, чем более слова «усвоены народом [т. е. чем более они частотны. — В. М.], тем легче они подвергаются переходу ударения»⁵. И наоборот: чем менее частотно слово, чем оно менее освоено народной речью, тем больше вероятность того, что оно сохраняет старшую норму ударения.

Активной переделке подвергаются высокочастотные слова разговорного употребления, в связи с чем М. В. Панов справедливо говорит

¹ Алабугина Ю. В., Михайлова О. А., Субботина Л. А., Рут М. Э. Современный универсальный словарь русского языка. М., 2012. С. 296.

² Введенская Л. А. Словарь ударений для дикторов радио и телевидения. М., 2003. С. 209.

³ Мудрова И. А. Словарь правильного произношения в современном русском языке. М., 2009. 224.

⁴ Лютикова В. Д. Русский язык. Нормы произношения и ударения. М., 2012. С. 83.

⁵ Грот Я. К. О русском ударении вообще и об ударении имен сущ. // Грот Я. К. Труды. Т. 2. Филол. разыскания. СПб., 1899. С. 328.

о «фонетике частотных слов», которые, по его мнению, следует «выделить в разговорном стиле в особую подсистему»¹. Такие слова имеют особые закономерности не только в сфере ударения, но и в сфере произношения. Длина высокочастотных слов в устной речи сокращается за счет активного использования звукового эллипсиса: *человек* [ч'ьлаэк], *говорит* [грит] и др.; такие орфоэпические варианты лежат в основе неполного стиля произношения.

6. Для выведения правил. Рассмотрим следующие ряды словоформ:

- а) *рука* — *рукой* / *рукою*, *мечта* — *мечтой* / *мечтою*, но: *береза* — *березой* / [?]*березою*, *демократия* — *демократией* / ^{*}*демократиею*;
б) *своя* — *своей* / *своею*, но: *красная* — *красной* / [?]*красною*, *изумрудная* — *изумрудной* / [?]*изумрудною*, *водопроводная* — *водопроводной* / ^{*}*водопроводною*.

Как видим, в коротких, прежде всего двухсложных именах существительных первого склонения и прилагательных жен. ед. апокопированная флексия тв. ед. *-ой* свободно варьируется с неусеченным ее вариантом *-ою*, во многосложных это варьирование затруднено либо невозможно; данный алгоритм имеет характер правила. Приведем опровергающие примеры, которые позволяют уточнить сферу действия данного правила:

а) *А на Великомъ Государь было платьа: шуба, отласъ червчатъ; кафтанъ становой, отласъ бѣль; зипунъ, тафта была, съ изумрудною обнизью* (Книга выходная, 1676); *Окна выкрашены зеленою краскою* (Н. М. Карамзин, 1804); *Отек появляется с сильным натяжением, яркою красотою и значительною болью* (Н. И. Пирогов, 1849); *Коробка М сообщена съ водопроводною трубою посредствомъ рукава К* (Журн. мин-ва путей сообщения, 1863); *Нас поощряли к тому успехи в деле сближения с этою «не советскою» демократиею* (А. Ф. Керенский, 1923);

б) *Как умру, ты зарой мое тело За горой, под зеленою ивой* (А. С. Пушкин); *Изумрудною стала вода замутненных каналов, И крапива запахла, как розы, но только сильнее* (А. Ахматова); *И над белибердою балаганной | она воздвиглась, бледная, без сил* (Евг. Евтушенко); *Он будет храбро воздухом питаться И плюс водопрово-*

¹ Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967. С. 274.

дною водой! (Эд. Асадов); *За бродом, за переправой Береза цветет над речками: Не только листва кудрявая, Но даже кора — колечками* (Н. Матвеева).

Контекстуальный анализ, в данном случае исследование широких контекстов использования неусеченных форм тв. ед. многосложных существительных и прилагательных, показал, что такие формы встречаются: а) в старинных прозаических текстах, а значит в прозе они имеют устарелый и даже архаичный характер, т. е. сейчас «звучат как безнадежно устаревшие»¹; б) в стихотворных текстах разных лет, в которых они используются на правах ритмической вольности.

7. Для определения границ класса языковых единиц. Рассмотрим с этой точки зрения недостаточные глаголы. Римский грамматик IV в. Сервий Донат определяет недостаточные глаголы (*verba defectiva*) как «те, кои не полностью, т. е. не во всех лицах и наклонениях поддаются спряжению; познается же сия недостаточность по отсутствию соответственных форм в живой речи, в словесном искусстве, а также у мастеров слова»². Применительно к русскому языку к числу недостаточных принято относить два типа глаголов, первый из которых вызывает затруднения при образовании личных форм и форм императива: *внять, основать, простереть*, второй — только формы 1 л. ед. ч. настоящего или будущего простого времени: *бузить, затмить*. При анализе недостаточных глаголов нельзя не обратить внимание на колебания в их нормативной оценке, которые нередко принимают системный характер, ср.:

Глагол	Недостаточность	
	Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977.	Русская грамматика: в 2 т. / отв. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 1. М., 1980. С. 660.
<i>бороздить</i>	–	+
<i>гвоздить</i>	–	+
<i>гнушить</i>	–	+
<i>голосить</i>	–	+
<i>грезить</i>	–	+
<i>дубасить</i>	–	+

¹ Катлинская Л. П. *Зимой ~ зимою* // Русская речь. 1969. № 3. С. 47.

² Pompeii Commentum Artis Donati / Ed. F. Lindemann. Lipsiae, 1820. P. 305.

Глагол	Недостаточность	
	Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977.	Русская грамматика: в 2 т. / отв. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 1. М., 1980. С. 660.
<i>елозить</i>	–	+
<i>желтить</i>	–	+
<i>застить</i>	–	+
<i>колесить</i>	–	+
<i>мутить</i>	–	+
<i>нудить</i>	–	+
<i>обессмертить</i>	–	+
<i>приютить(ся)</i>	–	+
<i>соседить</i>	–	+
<i>чадить</i>	–	+

Такие колебания представляются результатом неполноты в описании причин ограничений на использование проблемных форм типа *вонмут, прострут, простри, оснут, оснуй, затмлю* и др. Без решения этой проблемы совершенствование критериев отнесения глаголов к числу недостаточных и их нормативной оценки вряд ли возможно.

Общей особенностью недостаточных глаголов является то, что при спряжении они трансформируют свой звуковой облик. В греческих риториках такие трансформации именовались метаплазмами (*μεταπλασμός* ‘переделка’). В анализируемом случае используется два метаплазма: 1) антúстекон (замена звука): *бузить* — *бужу*; 2) эпентéза (вставка звука): *затмить* — *затмлю*. Ритор Гермоген из Тарса (160—225 н. э.) не без основания трактует формы типа *бужу* и *затмлю* как произведенные «через порчу»¹.

Причинами такой «порчи» словесной формы, ведущей к дефектности глагольной парадигмы, считаются: 1) омонимическое совпадение со словоформой другого глагола: *бузить* и *будить* — *бужу*; 2) небла-

¹ Ἐρμούγενοϋς Περί μεθόδου δεινότητος // *Rhetores graeci* / Ed. C. Walz. Vol. 7. Stuttgartiae, 1834. P. 1138. Применительно к ивриту недостаточные глаголы принято определять как искаженные метаплазмами, т. е. «такие, в коих одна из согласных корня выпадает либо подвергается ассимиляции» (Gläser J. *Grammatik der hebraeischen Sprache*. Regensburg, 1838. S. 35).

гозвучие: *затмить* — *затмлю*¹. Однако все случаи дефектности к этим двум причинам свести едва ли возможно: так, приводимые в указанных двух грамматиках формы недостаточных глаголов *зужу* (от *зудеть*), *гужу* (от *гудеть*), *дужу* (от *дудеть*) и др. трудно признать неблагозвучными или омонимически совпадающими с формами каких-либо иных слов, т. е. двусмысленными, а значит семантически аномальными; указание же на то, что недостаточность может быть и «следствием традиции», не обладает объяснительной силой. Отсюда пессимистический вывод о том, что подобные формы, «несмотря на то, что они не проявляют семантической, синтаксической, морфологической и фонологической аномальности», по каким-то причинам не употребляются, образуя «случайные лакуны (accidental gaps)»². Между тем без выявления, уточнения и детальной дифференциации причин возникновения недостаточности дальнейшее теоретическое осмысление данной проблемы будет затруднено. По нашим наблюдениям, существует не две, а пять причин глагольной недостаточности. Назовем и рассмотрим их под указанным углом зрения.

1. Неблагозвучие. Последнее возникает в результате: 1) звуковой тавтологии, т. е. функционально не оправданного повтора отдельных звуков или звуковых групп с определенным интервалом: *обуржуазить* — *обуржуажу*; 2) контактного расположения («столкновения»): а) одинаковых слогов: *очутиться* — *очучусь*, *ощутить* — *ощуцу*; б) согласных: *затмить* — *затмлю*. Британский филолог Алкуин (735—804), распространивший критерий недостаточности и на словообразовательное гнездо, пишет, что «если захотим от слова *cursor* ‘бегун’ образовать имя существительное женского рода *curstrix* ‘бегунья’, то будет оно неблагозвучным»³.

2. Омонимия форм: *бузить* — *бужу* (~ *будить*), *дерзить* — *держу* (~ *держать*) и др. Давно замечено, однако, что такая омонимия не всегда приводит к дефектности парадигмы: так, глаголы *водить* и *возить* совпа-

¹ Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1970. С. 412–413; Русская грамматика: в 2 т. / отв. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 1. М., 1980. С. 661.

² Halle M. Prolegomena to a Theory of Word Formation // Linguistic Inquiry. 1973. Vol. 4. № 1. P. 8.

³ Beati Flacci Albini seu Alcuini Opera. Т. II. Typ. monaster. J. Emmeram., 1777. P. 287.

дают в форме 1 л. ед., но недостаточными при этом не являются¹. По нашим наблюдениям, значимыми факторами возникновения недостаточности в данном случае являются: а) Такое совпадение с формой другого слова, которое вызывает тематически чуждые, паразитарные ассоциации. Последние приобретают особую силу, когда они, во-первых, комичны: высок. *попирать* — сов. *попрать* — *попру*, *попрешь*, *попрут* (~ прост. *попру*, *попрешь*, *попрут* от *попереть*), *победить* — *побежу* (~ прост. *побежу* от *побежать*²), *убедить* — *убежу* (~ прост. *убежу* от *убежать*), во-вторых, не вполне приличны: еще Алкуин отметил, что в «случаях совпадения [т. е. омонимии. — В. М.] неупотребительность формы и по причине безобразия возникает»³. Так, глагол *сопеть* принадлежит к числу недостаточных в силу того обстоятельства, что форма 1 л. ед. ч. *соплю*, совпадая с формой вин. падежа ед. ч. вульгаризма *сопля*, вызывает паразитарные ассоциации, а потому эстетически неприемлема. б) Совпадение формы низкочастотного или узуально периферийного глагола с формой высокочастотной или гораздо более употребительной единицы:

Глагол	Частота ²	Недостаточность
<i>дерзить</i>	1.1	+
<i>держать</i>	196.5	–
<i>лисить</i>	–	+
<i>лишить</i>	50.9	–
<i>бузить</i>	0.6	+
<i>будить</i>	15.1	–

¹ Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1970. С. 413; Halle M. Prolegomena to a Theory of Word Formation // Linguistic Inquiry. 1973. Vol. 4. № 1. P. 8; Русская грамматика: в 2 т. / отв. ред. Н. Ю. Шведова Т. 1. М., 1980. С. 661.

² Ср. в стилизации просторечия: *Зашумело, ель повалилась, Ненила пилу со стены сдернула: — Побежу погреюсь. Роспилу чурку-другу* (Б. В. Шергин. Данило и Ненила, Нац. корпус рус. языка, далее НКРЯ).

³ Beati Flacci Albini seu Alcuini Opera. Т. II. Typ. monaster. J. Emmeram., 1777. P. 287.

⁴ Во второй колонке знак прочерка «–» означает, что соответствующий глагол не зафиксирован в указанном выше словаре О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова; такое решение авторов словаря расценивается нами как свидетельство низкой частотности глагола.

Совпадение формы менее частотной единицы, при том условии, что она не вызывает ассоциаций, описанных в пункте (а), с формой более частотной единицы не может привести к дефектности парадигмы последней. Так, глагол *колотить* (частота 7.1) недостаточным не является, несмотря на то, что его форма 1 л. ед. *колочу* омофонически совпадает с формой дат. ед. *калачу* от имени сущ. *калач* (частота 2.1), причем связь этих форм ощутима, ср.: *Вы, щенки, за мной ступайте! Будет вам по калачу, Да смотрите ж, не болтайте, А не то поколочу* (А. С. Пушкин. Утопленник).

Менее частотная единица в конкурирующей паре не становится недостаточной, если подавляющего превосходства в частотности ни у одной из единиц нет:

— во-первых, при востребованности обоих членов такой пары в речи, ср.:

Глагол	Частота	Недостаточность
<i>возить</i>	23.8	—
<i>водить</i>	34.7	—
<i>лечить</i>	30.6	—
<i>лететь</i>	82.9	—

— во-вторых, при низкой частотности обоих членов такой пары, ср.:

Глагол	Частота	Недостаточность
<i>ладить</i>	4.0	—
<i>лазить</i>	5.5	—
<i>преградить</i>	2.4	—
<i>пригрозить</i>	6.2	—
<i>кадить</i>	0.7	—
<i>казать</i>	1.4	—
<i>тузить</i>	—	—
<i>тужить</i>	1.0	—

Существует мнение, согласно которому формы: а) *лажу* от *ладить* при употребительной форме *лажу* от *лазить* и *тужу* от *тузить* при употребительной форме *тужу* от *тужить* «избегаются в употреблении»¹; б) *прегражу* «редко или почти совсем не употребляются в литературном языке из-за необычности звучания формы»². С учетом сформулированной выше закономерности в соотношении частот следует полагать, что правы те специалисты (А. А. Зализняк, Д. Н. Ушаков, Н. В. Соловьев, etc.), которые не рассматривают данные глаголы как недостаточные.

3. Сходен с предыдущим случаем, но не тождественен ему конфликт близкозвучных единиц. Значимыми факторами возникновения недостаточности в этом, как и в рассмотренном выше случае омонимии форм, представляются: а) Близкозвучие, вызывающее паразитарные ассоциации. Сильным блокирующим фактором, вне зависимости от распределения частот в паре «конфликтующих» словоформ, являются паразитарные ассоциации по близкозвучию, отсылающие к различного рода табуизмам, ср. *простру*, *прострешь*, *прострут*, *простри* (от *простереть*) с формами известного обценнизма³. б) Близкозвучие, связывающее низкочастотный глагол с формой гораздо более употребительного слова: так, от глагола *обрусить* «нельзя произвести формы *обрушú*, *обрушён*»⁴, поскольку последние «сталкиваются» с более частотными иноударными формами *обрушу* и *обрушен* от глагола

¹ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. С. 413; Рус. грамматика: в 2 т. Т. I. М., 1980. С. 661.

² Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке. Для работников печати. М., 1971. С. 197; Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1994. С. 240. Думается, что здесь имеет место не «необычность звучания формы» *прегражу*, а омофония форм *прегражу* (от *преградить*) и *пригрожу* (от *пригрозить*), в результате чего словоформа *прегражу* воспринимается на слух как двусмысленная.

³ Близкозвучие, связывающее номинативную единицу с обценнизмом, приводит к ассоциативному заражению такой единицы, что наблюдаем, в частности, на примере лексем *чудак*, *гидрид* и *ангидрид*, *бдеть*, *блин*, *пистон*, *пинцет*, *песец* и др. Активизируемые нарочито, такие ассоциации становятся основой фонетической аллюзии: *Чудак ты... на букву М* (В. М. Шукшин. Калина красная).

⁴ Грот Я. К. Филологич. разыскания. СПб., 1899. С. 839.

обру́шить; аналогичным образом форма *стону́* от глагола *стонать* «диссонирует» с близкозвучной иноударной формой *ста́ну* от высокочастотного глагола *стать*¹. Поскольку в этом случае словоформы противопоставлены местом ударения, условием ограничения одной из них является несопоставимо более высокая частотность конкурирующей словоформы, ср.:

Глагол	Частота	Недостаточность
<i>обрусить</i>	–	+
<i>обрушить</i>	4.5	–
<i>стонать</i>	13.5	+
<i>стать</i>	1621.8	–
<i>мутить</i>	3.1	–
<i>мучить</i>	20.2	–
<i>метить</i>	4.6	–
<i>метать</i>	5.6	–
<i>стоять</i>	419.3	–
<i>стоить</i>	501.9	–
<i>платить</i>	96.9	–
<i>плакать</i>	103.9	–

С точки зрения сформулированной выше закономерности в соотношении частот трудно принять позицию некоторых ученых², которые считают недостаточным глагол *мутить*, сталкивающийся с гла-

¹ Близкозвучные формы рассмотренного типа не всегда тождественны омографам: так, если словесные пары *обрушу́* и *обру́шу* представляют собой омографы, то формы *стону́* и *ста́ну* таковыми не являются, формы же *обрушен* и *обру́шен* станут омографичными лишь в случае неупотребления буквы *е*.

² Дружинина А. Ф. Глаголы, не имеющие форм 1-го лица ед. ч. // Русский язык в школе. 1962. № 4. С. 14; Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. С. 412; Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. М., 1980. С. 661.

голом *мучить* в омографичных формах *мучу́* и *му́чу*. По этой же причине не становятся недостаточными глагол *метить*, омографически совпадающий с глаголом *метать* в форме 1 л. ед. (*мечу*), глагол *стоять*, омографически совпадающий с глаголом *стоять* в форме 1 л. ед. (*стою*), а также, к примеру, глагол *платить*, омографически совпадающий с глаголом *плакать* в форме 1 л. ед. (*плачу*), несмотря на то, что такие совпадения словоформ ощутимы, ср.: *Я приехал в Москву, плачу́ и пла́чу* (П. А. Вяземский. Письмо В. Ф. Вяземской, 31.05.1824).

4. Псевдомотивация — «установление подобия семантического родства между разными словами через звуковое их сближение»¹: *окрыситься* — *окрышусь* ~ *крышу* (вин. ед. от *крыша*); *осухопуть* — *осухопучу* ~ *пучу* (1 л. ед. от *пучить*), ср. «осухопученный матрос» (М. Кольцов. Сотворение мира) ~ *встученный*; *обессмертит* — *обессмерчу* ~ *смерчу* (дат. ед. от *смерч*)². Словесные пары, возникающие на основе такого сближения, напоминают эхо-рифмы, ср.:

*Я знаю: ты — ее уста! Я обессмерчу Свою любовь, себя, —
прильнув к твоим устам И на твоей груди прислушиваясь к смерчу
Страстей самой земли, бушующему Там! (Б. Лившиц. Приобщение);
Еще чуть-чуть — остервенею, Озлоблюсь и окрышусь. Нельзя
селиться было с нею Нам под одну крышей (А. Семенова. Еще
чуть-чуть — остервенею...)*³.

¹ Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 311–312.

² Псевдомотивационные ассоциации накладывают ограничения на переносы, слоговую парцелляцию и скандирование применительно к таким словам, как *Сергей*, *Херсон*, *Херсонес*, *письмо*, *популярный*, некоторым формам от глаголов с концовкой *-ховать* (*сплоховать*, *страховать*) и др. Пример нарочитой псевдомотивации, используемой с целью намека, находим в эпиграмме Г. Фрумкера «Сергею Пенкину (Загадка-отгадка)»: *Так поет лишь один. Кто? Отгадать сумеи. Пен, понимаешь, кин. Сер, представляешь, гей.*

³ Эхо-рифма основана на звуковом включении одного рифманта в другой, что дает эффект псевдомотивации. Семантический эффект усиливается при контактной рифмовке: *сороковые-роковые* (Д. Самойлов). Эхо-рифма нередко имеет каламбурный характер, что наблюдаем в иронических стихах А. Н. Апухтина «Певец во стане русских композиторов»: *Кого я вижу? Это ты ль, О, муж великий, Стасов, Постигший византийский стиль, Знаток иконостасов?*

5. Неясность. В силу этого фактора форма, измененная чередованием, может не опознаваться как принадлежащая парадигме данного глагола:

бдеть — бжу, басить — башу, бондить — бонжу, внять — вонму (вонмешь / вонмёшь и др.)¹, ворсить — воршу, галдеть — галжу, дудеть — дужу, елозить — еложу, ерундить — ерунжу, застить — защу, зудеть — зужу, кудесить — кудешу, куролесить — куролешу, ляпсить — ляпшу, нудить — нужу, обезопасить — обезопасшу, парусить — парущу, приютиться — приючусь, пылесосить — пылесошу, рысить — рышу, сбрендить — сбренжу, соседить — сосежу, угобзить — угобжу, умилосердить — умилосержу, чудесить — чудешу, чудить — чужу, шкодить — шкожу и др.

Как известно, основными признаками слова как языковой единицы считаются непроницаемость, недвуударность, «цельность и единокоренность», изолируемость, «постоянство звучания и значения» и др.² В анализируемом случае чередование приводит к утрате такого критерияльно важного признака слова, как постоянство звучания (ср.: *бдишь, бдит, бдим*, но *бжу*; *дудишишь, дудит, дудим*, но *дужу*).

¹ Иногда встречаем формы *вниму, внимут*, поддержанные аналогией с формами типа *сниму, снимут*: *Бог, верно, внимет всем чистейшим движениям ее* (Н. В. Гоголь. Письмо В. А. Жуковскому, 12.09.1845); *Но внимет Бог простым сердцам* (И. С. Аксаков. Варварино). Ср.: «от *взять* и *внять* имеем: *возьму, вонму* и *вниму*» (Лебедев Ст. Опыт руководства в изучении русского слова. Ч. 1. СПб., 1846. С. 58). В третьем издании словаря В. И. Даля (Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 3-е изд. / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Т. 4. СПб.; М., 1909. С. 1601) И. А. Бодуэн де Куртенэ в разделе «Замеченные опечатки, поправки и незначительные дополнения» вносит следующее дополнение к словарной статье «Внимать»: «*внять [буд. *вниму́, вни́мешь, вни́мут*, или же церк. *воньму́, воньмёт, воньмут*]*». В настоящее время такие формы воспринимаются как неправильные. Вместе с тем эти формы используются и в современной речи: *Духу Святому не внимут, а про нас с тобой все выведает* (В. Аксенов. Солнворот); «*Письмо вождям*» *я намерен был делать с первой минуты громогласным, жена оставила: это бессмысленно и убивает промилль надежды, что внимут, а сразу как пропаганда, дай им подумать в тиши!* (А. И. Солженицын. Бодался теленок с дубом, НКРЯ).

² Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. 4-е изд. М., 2009. С. 85.

Думается, что именно по этой причине формы типа *бжу*, *дужу*, *рышу*, *пылесошу*, *вонму* и др.:

- а) «настолько необычны для нашего слуха, что возникают сомнения в возможности использовать эти формы в речи»¹:

Сижу это я бжу... в смысле, бдю... Тьфу! Занимаюсь бдением? Как правильно? (Ю. Федотова. По следу скорпиона); — *Я ж посуду мóю, — обиделся Димка. — И пылесошу. Мам, а как правильно: пылесошу или пылесосю?* — *Не знаю, — пробурчала Алена* (Е. Гайворонская. Несломленные каблучки);

- б) требуют пояснения при употреблении:

В него вхожу, впадаю, окутываюсь и защу (от слова «застить») им весь мир (Г. Гачев. Русский Эрос); *Вы думаете, я чужу? Нет, этого я себе не позволю. Хотя бы потому, что глагол ЧУДИТЬ не имеет формы первого лица единственного числа* (Ф. Кривин. Принцесса Грамматика).

Почему же чередование, а значит и нарушение требования постоянства звучания, не приводят к дефектности парадигм таких, например, глаголов, как *видеть*, *сидеть*, *встретить*, *лететь*, *гордиться*? По нашим наблюдениям, дефектность парадигмы и в этом случае напрямую связана с низкой частотностью соответствующего глагола, ср.:

Глагол	Частота	Дефектность парадигмы
<i>видеть</i>	818.2	–
<i>сидеть</i>	538.1	–
<i>встретить</i>	113.5	–
<i>лететь</i>	82.9	–
<i>вынудить</i>	38.3	–
<i>гордиться</i>	32.9	–
<i>принудить</i>	3.4	+
<i>внять</i>	3.0	+
<i>обезопасить</i>	2.8	+

¹ Былинский К. И., Розенталь Д. Э. Литературное редактирование. М., 2009. С. 205.

Глагол	Частота	Дефектность парадигмы
<i>грезить</i>	2.6	+
<i>галдеть</i>	2.4	+
<i>зудеть</i>	2.2	+
<i>колесить</i>	1.8	+
<i>елозить</i>	1.5	+
<i>бороздить</i>	1.3	+
<i>чудить</i>	1.2	+
<i>басить</i>	1.1	+
<i>бдеть</i>	0.9	+
<i>дудеть</i>	0.9	+
<i>сбрентить</i>	0.8	+
<i>нудить</i>	0.7	+
<i>пылесосить</i>	0.5	+
<i>понудить</i>	0.4	+
<i>ворсить</i>	–	+
<i>гнушить</i>	–	+
<i>ерундить</i>	–	+
<i>шкодить</i>	–	+

Наблюдается закономерность: чем менее частотен глагол, тем более непривычна и тем хуже опознается как принадлежащая парадигме данного глагола его форма, измененная чередованием, ср. *вынудить* — *вынужу*, *принудить* — *принужу*, *понудить* — *понужу*. Ни один из этих глаголов не фиксируется как недостаточный, однако их частотность (особенно второго и третьего) невысока, отсюда следующее наблюдение: «У синонимов *вынудать*, *принуждать* и *понуждать* в узусе плохо представлена форма 1 л. ед. буд. сов. (т. е. *вынужу*, *принужу*, *понужу*)»¹. С учетом сформулированной нами закономерности можно утверждать, что любой низкочастотный, малоупотребительный глагол, спряжение которого предполагает наличие чередования, тяготеет к статусу недостаточного. С этой точки зрения классифика-

¹ Апресян Ю. Д. Глагол заставлять: семантич. класс, синонимия, множественность // Жизнь языка. М., 2001. С. 23.

ционное решение авторов «Русской грамматики» представляется более адекватным, чем позиция А. А. Зализняка.

Итак, первая из рассмотренных выше причин недостаточности связана с нарушением требования благозвучия, вторая, третья и четвертая — отсутствия паразитарных ассоциаций, пятая — ясности. Данные причины могут взаимодействовать, например: 1) глаголы *шелестеть* и *шерстить* являются недостаточными в связи с тем, что формы *шелещу* и *шерщу*, во-первых, не опознаются как принадлежащие парадигмам указанных глаголов, а значит не вполне ясны, во-вторых, неблагозвучны; 2) формы глагола *основать* (*осную, оснуёшь, оснуёт* и др.), во-первых, не опознаются как принадлежащие его парадигме, во-вторых, «сталкиваются» с близкозвучными формами глагола *снова́ть* (ср. *осную* и *сную, оснуёшь* и *снуёшь, оснуёт* и *снуёт*), вступая с ними в отношения: а) включения, б) рифмовки, т. е. здесь «второе слово полностью включено в первое (эхо-рифма)»¹. Если свести указанные пять причин к одной, анализ утратит точность. Рассмотрим с данной точки зрения следующее определение недостаточных глаголов: «Глаголы, не имеющие формы первого лица единственного числа по причинам фонетическим (вследствие появления непривычных звуковых сочетаний). *Дерзить, дудеть, ерундить, затмить, окраситься, очутиться, победить, убедить, чудить, шкодить* и др.»². Проблемные формы здесь двусмысленны (*держу, побежу, убежу*), неясны (*дужу, ерунжу, чужу, шкожу*), однако лишены «непривычных звуковых сочетаний», т. е. вполне благозвучны; форма же *окрашусь* непривычна скорее по семантическим, чем по «фонетическим причинам».

3.7. Контекстуальный анализ

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ состоит в интерпретации языкового элемента с опорой на его окружение. По контексту определяют значения многозначных слов, распознают намеки (случай, когда «*scriptura sui ipsius interpres*» ‘текст через себя интерпретируется’³), производят экс-

¹ Jakobson R. Language in Literature. Harvard Univ. Press, 1987. P. 70.

² Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистич. терминов. М., 1985. С. 140.

³ Lindbeck G. A. The nature of doctrine: religion and theology in a postliberal age. Luisville, 1984. P. 118.

пертизу текста, выявляя, к примеру, случаи внеконтекстного цитирования [англ. *quoting out of context*] — истолкования цитаты в противоречии с замыслом автора и контекстом:

«О мужестве и отваге мухи не нам подобает говорить; красноречивейший из поэтов — Гомер — не со львом, не с леопардом и не с вепрем сравнивает отвагу лучшего из героев, желая его похвалить, но с дерзновением мухи, с неустрашимостью и упорством ее натиска. Ведь именно так он говорит: “Не дерзка она, но дерзновенна” (Илиада, XVII, 569 — 571)». (Лукиан. Похвала мухе.)

Речь идет о Гекторе, ср.: «Крепость ему в рамена [= плечи. — В. М.] и в колена богиня послала, Сердце ж наполнила смелостью мухи, которая, мужем Сколькo бы крат ни была, дерзновенная, согнана с тела, Мечется вновь уязвить, человеческой жадная крови». Гомер подразумевает кровожадную неумность мухи (отрицательная оценка), Лукиан — «неустрашимость и упорство ее натиска» (положительная оценка).

Рассмотрим основные типы контекста.

1. По объему различают: а) микроконтекст, или минимальный контекст, реализуемый синтаксической сочетаемостью слова, т. е. связями, возникающими при управлении, согласовании и примыкании и формирующими ближайшее лексическое окружение слова как ключ к пониманию его смысла, ср. *золотые монеты / волосы*; б) макроконтекст, или широкий контекст, представляющий собою «сочетание периодов в пределах главы» либо «законченное целое»¹ (т. е. текст в целом). Рассмотрим с этой точки зрения название романа И. А. Гончарова «Обрыв». Внутренняя форма этой метафоры — ‘крутой откос’ (обрывом оканчивается сад в имении, в котором происходит действие), ее смысл — ‘душевная драма’ (которую испытывает Вера, главная героиня)²; в роли опорного контекста выступает текст произведения, без знакомства с которым метафора *обрыв* непонятна.

¹ Ларин Б. А. О разновидностях художественной речи. Семантич. этюды // Русская речь. Ч. 1. Пг., 1923. С. 70.

² Будагов Р. А. Метафора и сравнение в контексте худож. целого // Русская речь. 1973. № 1. С. 31.

2. Средневековая филология различала два позиционных типа контекста:

- а) Левый контекст: **росы бриллианты**. Любая фигура, например аллюзия, может опираться на предшествующую по отношению к воспринимаемой, «левую» часть текста [лат. *sinister textus*, букв. ‘левый текст’], т. е. на предтекст, или предконтекст. Так, в повести О’Генри «Короли и капуста» один приятель поведал другому, как некто заработал **288** долларов, сбыв партию фальшивых часов. И продолжает свой рассказ: *Так вот, я и говорю: у Генри было 360 долларов, а у меня 288*. Подобного рода отсылки на предтекст, апелляции к ранее описанным в тексте событиям называют автореминисценциями, или аналепсисом [греч. *ανάληψις* ‘восстановление’].
- б) Правый контекст: **бриллианты росы**. Пример оживления внутренней формы с помощью правого контекста: *Маниловка немногих могла заманить своим местоположением* (Н. В. Гоголь). На правый контекст опирается парепросдокия [греч. *παρά προσδοκίαν* ‘вопреки ожиданию’] — фигура «несоответствия ожидаемому»¹: *Ноздрев был в некотором отношении исторический человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории* (Н. В. Гоголь); *Невыносимых людей нет — есть узкие двери* (С. Альтов). Этот прием состоит в таком построении речевой единицы, при котором тематические, смысловые, структурные и иные ожидания и ассоциативные стереотипы (пресуппозиции), исходящие из ее начальной части, вступают в противоречие с содержанием концовки, нередко предваряемой паузой sustentации (интригующего «оттягивания» ключевых слов): *Он орел, он тигр, он лев... одним словом, хищное животное*. В трактате Тиберия Ритора «О Демосфеновых фигурах» (V в. н. э.) читаем: «Парепросдокия состоит в том, что слушатель ожидает одно, а получает иное»². По мнению Цицерона, самый обычный из видов комизма «тот, когда го-

¹ Δημητρίου Φαληρέως περί Ερμηνείας. Glasgae, 1743. Ρ. 107.

² Τιβερίου ρήτορος Περί τών παρά Δημοσθένει σχημάτων // Rhetores graeci. Vol. VIII. Stuttgartiae et al., 1835. Ρ. 544.

ворится не то, чего ожидаешь»¹. Рассмотрим стихотворение С. Маршака «Меры веса»:

Писательский вес по машинам
Они измеряли в беседе:
Гений — на «ЗИЛе» длинном,
Просто талант — на «Победе».

А кто не сумел достичь
В искусстве особых успехов,
Покупает машину «Москвич»
Или ходит пешком. Как Чехов.

Правый контекст заставляет по-новому осмыслить то, что изложено в левой части текста.

3. По наличию / отсутствию контакта между контекстуально обусловленным фрагментом и контекстом можно различать контекст: а) контактный: *бриллианты росы*; б) дистантный: *бриллианты ледяной росы*. Чем значительнее дистанция, разделяющая взаимодействующие элементы, тем больше дистантный контекст похож на далекое неясное эхо, смутное припоминание. Такое припоминание, понимание через «затрудненность формы» (В. Б. Шкловский) и является целью дистантного контекста. Сравним две сцены из пьесы А. Блока «Незнакомка». Первая имеет место «в уличном кабачке» («Первое видение»), вторая — в аристократическом салоне («Третье видение»):

Третий (усатый, кричит): Молчать! Не ругаться! Еще бутылочку, любезный.

Половой подбегает. Слышно, как булькает пиво. Молчание. Одинокий посетитель поднимается из угла и неверной походкой идет к прилавку. Начинает *шарить в блестящей посудине с вареными раками*.

Хозяин: Позвольте, господин. Так нельзя. Вы у нас всех раков руками переберете. Никто кушать не станет.

Посетитель, *мыча, отходит*.

<.....>

Жорж: Мечтатель! Завел машину. Строишь какие-то теории и ничего не слушаешь и не видишь. Я о музыке даже не говорю, и мне в конце концов наплевать! И я был бы очень рад видеть все это в отдельном кабинете. Но согласишься же, не объявить на афише, что Серпантини будет завернута в одну тряпку, — это значит поставить всех в пренеловкое положение. Если б я знал, я не повел бы туда мою

¹ Цицерон М. Т. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1994. С. 182.

невесту. (Миша рассеянно *шарит* в корзинке с бисквитами.) Послушай, оставь бисквиты. Ведь противно есть, если все перетрогаешь. Смотри, как на тебя смотрит кузина. А все оттого, что ты рассеян.

Миша, сконфуженно *мыча*, удаляется в другой угол.

4. В семиотическом плане контекст может быть:

- а) словесным. Фиксируются следующие словесные контексты: 1) исключающие однозначное истолкование выражения: *Хорошие хозяйки любят «Лоск»* (Реклама стирального порошка); 2) возвращающие ему исходный смысл: *Скоро лето. Время солнца, тепла и заслуженного отдыха* (А. Курляндский, А. Хайт); 3) конфликтующие с его внутренней формой: *Ужасная, страшная кра... То есть **страшно** красивая!* (Н. Фоменко, представляя конкурсантку); 4) попеременно варьирующие его смысл: *медный **всадник** без головы* (Разг. речь) и др. При разгадке таких контекстуально обусловленных «кроссвордов» «мы перебираем различные контексты до тех пор, пока не “кликнет” ответ»¹.
- б) МЕТРИЧЕСКИМ, ср.: *В пустыне в полночь я вставал И пред Тобой, мой Бог, молился; Свои грехи воспоминал И мудрости Твоей дивился... Как правы все твои судьбы!* (Ф. Глинка); *Лепид, Октавий, Марк Аврелий Судьбы завтра изрекут* (А. И. Полежаев); *Ужель иссякнули всех радостей струи?* (В. А. Жуковский). Выводы: 1) формы множ. от слова *судьба* в значении ‘решение’ имеют флексийное ударение; 2) старшей нормой для формы множ. от слова *струя* также является флексийное ударение; 3) метрический контекст сохраняет старшую норму ударения.
- в) ГРАФИЧЕСКИМ, ср.: *Р@УТИН@, R@T\$H!£D*.
- г) СИТУАТИВНЫМ: *Мне в клетку, пожалуйста!* (фраза обретает различные смыслы в зависимости от того, где произнесена: в магазине одежды / канцтоваров / тканей). Ситуативную опору регулярно получает антифразис [греч. *αντιφράζειν* ‘говорить противоположное’] — фигура двусмысленной речи, «употребляемая,

¹ Goatley A. Register & the Redemption of Relevance Theory // Pragmatics. Vol. 4. 1994. № 2. P. 150.

когда мы говорим противоположное тому, что думаем»¹, т. е. «номинация по противоположности (per contrarium)»²: *Ну и аромат у тебя в комнате!* (вм. *вонь*). Британский антрополог Бронислав Малиновский (1884–1942) пишет: «Ситуативный контекст, если мне будет позволено создать такое выражение, означает, с одной стороны, что понятие контекста должно быть расширено, с другой стороны — что ситуация, в которой слова произнесены, никак не может быть проигнорирована как irrelevantная для языкового выражения»³.

Контекстуальный анализ может быть значим для построения классификаций; рассмотрим с этой точки зрения некоторые типы метафор. Роль микроконтекста, с помощью которого возможна расшифровка метафоры, играет ключевое слово. Последнее служит прямому либо косвенному обозначению компаранта (субъекта сравнения, которое лежит в основе соответствующей метафоры). При наличии ключевого слова метафора легко поддается расшифровке, т. е. пояснению через соответствующее сравнение: — *К зиме поезжайте в Париж и там, в вихре жизни, развлекайтесь* (И. А. Гончаров). Жизнь (компарат) сравнивается с вихрем (компаратор), отсюда метафора *вихрь жизни*. Метафорическое наименование, имеющее в контексте ключевое («отгадочное») слово, называют замкнутой метафорой. Ближайший контекст незамкнутой метафоры не раскрывает ее смысла: *В траве брильянты висли*. Особенность такой метафоры состоит в отсутствии опорного контекста — ключевого слова, подсказывающего ее смысл. Подстановка этого слова превращает метафору в замкнутую, а фразу делает однозначной: *брильянты росы (дождевых капель, воды, слез)*.

Семантическое устройство незамкнутой метафоры имеет особенности, обнаруживаемые при сопоставлении со сравнением и замкнутой метафорой. Если в сравнении эксплицитны и его субъект, и его объект, и общий для них признак (ср. *роса, сверкающая / круглая / прозрачная, как брильянты*), то замкнутая метафора (*брильянты росы*)

¹ Пастернак Е. Л. «Риторика» Лами в истории франц. филологии. М., 2002. С. 127.

² Tiberius Rhetor de Schematibus apud Demosthenem // Rhetores selecti / Emend. Th. Gale. Oxonii, 1676. P. 180.

³ Malinowski B. The problem of meaning in primitive languages // The Meaning of Meaning. New York, 1923. P. 306.

заставляет «искать общие признаки сравниваемых предметов»¹ (блеск? форма? прозрачность?), поэтому считается, что «метафоры заключают в себе загадку»². Незамкнутая метафора заставляет искать не только общий признак, но и субъект сравнения, т. е. ее смысл, заключая в себе двойную загадку. В силу характерной для нее «смысловой неопределенности»³ незамкнутая метафора «не поддается точному и единому истолкованию»⁴, а интерпретация ее «всегда отличается относительной свободой»⁵. О. Мандельштам именует ее «гераклитовой метафорой», «подчеркивающей текучесть явления»: «Попробуйте указать, где здесь второй, где первый член сравнения, что с чем сравнивается, где здесь главное и где второстепенное, его поясняющее»⁶. Считается, что «сокращенность, недоговоренность, эллиптичность метафоры — источник ее повышенной многозначности и потому предпочтительны для писателей в случаях, когда ясность смысла и не входит в их замысел»⁷. Этими характеристиками обладает прежде всего незамкнутая метафора. Неопределенность содержания делает возможным ее использование как приема: 1) нарочито неясной речи, ибо «все иносказательное неясно»⁸: *Скатерть бела весь свет одела* (Загадка); 2) двусмысленной речи, в частности эвфемии: [Врач, взяв шприц — больному:] *Приготовь-ка для работы плацдарм!* (К/ф «По улицам комод водили»), эзопова языка: *Душно! Без счастья и воли Ночь бесконечно длинна... Буря бы грянула, что ли? Чаша с краями полна!* (Н. А. Некрасов). Многие из подобных речевых «эзоповских» метафор (*буря* как символ грядущей революции, *ночь*

¹ Davidson D. What metaphors mean // Pragmatics. Oxford Un. Press, 1991. P. 500.

² Аристотель. Риторика // Аристотель и античная литература. М., 1978. С. 174.

³ Губер А. Структура поэтич. символа // Худож. форма. Вып. 1. М., 1927. С. 131.

⁴ Гинзбург Л. Я. Опыт философской лирики // Поэтика: сб. статей. Вып. 5. Л., 1929. С. 88.

⁵ Хованская З. И. Принципы анализа худож. речи и лит. произведения. Саратов, 1975. С. 283.

⁶ Мандельштам О. Разговор о Данте // Собр. соч.: в 3 т. Т. 2. Нью-Йорк, 1971. С. 386, 387.

⁷ Чернец Л. В. К теории поэтич. тропов // Вестник МГУ. Серия IX. Филология. № 2. 2000. С. 16.

⁸ Аристотель. Толика // Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1978. С. 463.

как символ реакции, *оковы* как символ рабства) со временем приобрели устойчивый, а значит, и языковой характер, закрепляясь в лексико-фразеологической системе как «легальные формы нелегальных высказываний» (К. И. Чуковский), в результате чего к началу 60-х годов XIX в. «выработался очень устойчивый, организованный, приведенный в стройную систему “язык”, рассчитанный на многие годы тайного общения с читателями»¹. Через полвека в «Песне о Буревестнике» (1901). М. Горький напишет, используя этот «язык»: *Буря! Скоро грянет буря!* Свою статью «Перед бурей», написанную накануне революции 1905 г., В. И. Ленин заканчивает следующей фразой: «Пролетариат готовится к борьбе, дружно и бодро идет навстречу **буре**».

Смысл незамкнутой метафоры может быть подсказан констатирующей ситуацией более широким контекстом. Вспомним концовку повести И. С. Тургенева «Дым»:

Ветер дул навстречу поезду; беловатые клубы пара, то одни, то смешанные с другими, более темными клубами дыма, мчались бесконечную вереницей мимо окна, под которым сидел Литвинов. Он стал следить за этим паром, за этим дымом. Бесперывно взвываясь, поднимаясь и падая, крутясь и цепляясь за траву, за кусты, как бы кривляясь, вытягиваясь и тая, неслись клубы за клубами: они непрерывно менялись и оставались те же... Однообразная, торопливая, скучная игра! «Дым, дым», — повторил он несколько раз; и все вдруг показалось ему дымом, все, собственная жизнь, русская жизнь — все людское, особенно все русское. Все дым и пар, думал он...

Контекстуальных и констатирующих «подсказок» при незамкнутой метафоре может и не быть: *Здесь не надо свиданья. Мы встретимся там, Где на правду я правдой отвечу; Каждый вечер по легким и зыбким мостам Мы выходим друг другу навстречу* (М. Цветаева). Мосты сновидений? грез? мечты? памяти? В подобных контекстах метафора «утрачивает однозначность» и превращается в «неясный, туманный образ-символ»², в силу чего метафору иногда определяют как «грезу, сон языка», которые «нуждаются в сотрудничестве сновидца и

¹ Чуковский К. Эзопова речь // Собр. соч.: в 6 т. Т. 4. М., 1966. С. 692.

² Загоровская О. В., Соколова Н. К. Индивидуально-авторское словоупотребление А. Блока и традиционная поэтич. норма // Вопросы стилистики. Вып. 11. Саратов, 1976. С. 120.

истолкователя»¹. Остается, однако, неясным: 1) во всех ли случаях метафора, «утратившая однозначность», становится символом; 2) в каких именно и во всех ли случаях подобные символы являются «многозначными», «неопределенными», «неясными и туманными»; 3) какой цели служит такая неясность. Попробуем ответить на эти три вопроса.

1. По семантическому параметру незамкнутые метафорические наименования можно подразделить на два класса: а) обозначения конкретных объектов: росы, дождевых капель, воды (*В траве брильянты висли*); б) обозначения абстрактных понятий (*мосты* как неясная номинация того, что в другом стихотворении М. Цветаевой названо ясно и однозначно: *Все лишь на миг, что людьми создается, Блекнет восторг новизны, Но неизменной, как грусть, остается Связь через сны*). Только в последнем случае незамкнутая метафора приобретает свойства символа (если под таковым понимать дескриптивный портрет абстрактного понятия).

2. Общеязыковые словесные символы (например *буря* как символ революции) ясны и понятны каждому носителю языка; сверхмногозначными, семантически диффузными, т. е. «неясными и туманными», являются только индивидуально-авторские символы, как, впрочем, любой окказионализм, не получивший пояснения в контексте.

3. Внутренняя форма индивидуально-авторского символа влечет за собой сложный ассоциативно-смысловой комплекс (например, *мосты* → *сновидения, мечты, грезы, память...*), для точного выражения которого в языке нет адекватных знаков. Что произойдет, если неясное и неоднозначное наименование мосты заменить ясным и однозначным *связь через сны*? Ответ можно дать словами С. Малларме: «Назвать предмет <прямо> значит уничтожить три четверти наслаждения в стихотворении, которое создано для счастья постепенного угадывания; внушить его — вот мечта. Именно в этом и состоит тайна, формирующая символ»². В данном плане словесный символ оказывается обозначением невыразимого, «тайнописью неизреченного» (Вяч. Иванов), единственно возможным «способом соединения некоторого явления и того смысла, который за ним находится

¹ Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 172.

² Symbolism, decadence & the *fin de siècle* / Ed. P. McGuinness. Univ. of Exeter Press, 2000. С. 162.

и ускользает без этого соединения»¹. Именно в силу последнего фактора, т. е. благодаря своей семантической и номинативной емкости, способности передать «таинственный и невыразимый смысл» (В. М. Жирмунский), незамкнутая метафора стала приметой символизма — направления в европейской литературе, для которого характерны «мистическое содержание» и «расширение художественной впечатлительности»², «интуитивное постижение таинственной сущности мира и души человека, непосредственно раскрывающееся в индивидуальном лирическом переживании поэта и выраженное в художественном слове символами, метафорическими иносказаниями и намеками, повышенным музыкальным воздействием стихотворного языка, соответствующим иррациональному характеру этого переживания»³. Яркие представители символизма — М. Метерлинк, Ш. Бодлер, П. Верлен, Г. Ибсен, О. Уайльд, С. Малларме, Вл. Соловьев, А. Белый, А. Блок, Вяч. Иванов и др.

В чем состоит особенность «символического текста»? Такие тексты создаются путем постепенного развертывания незамкнутой метафоры, которая при этом как бы управляет «движением лирической темы»⁴: *Но не боюсь смотреть в упор, В душе — безумность и беспечность! Там вихрем разметен костер, Но искры улетели в вечность* (А. Блок). Неоднозначность, содержательная полифоничность, «таинственный двойной смысл» (В. М. Жирмунский), «семантическая сложность», «смысловая многорядность» такого текста (Б. А. Ларин), характерная прежде всего для лирики⁵, делает его «орудием чужого творчества: творчества воспринимающих»⁶.

Контекстуальные типы метафор были обнаружены Аристотелем: «Например, мы говорим, что щит — *фиал Ареса*, а лук — *бесструн-*

¹ Dittmann L. Stil, Symbol, Structur. München, 1976. S. 84.

² Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. С. 538.

³ Жирмунский В. М. Творчество Анны Ахматовой. Л., 1973. С. 28.

⁴ Шимкевич К. Роль уподобления в строении лирич. темы // Поэтика. Вып. 2. Л., 1927. С. 44.

⁵ Ларин Б. О лирике как разновидности худож. речи // Русская речь. Новая серия. Вып. 1. Л., 1927. С. 73.

⁶ Горнфельд А. Г. О толковании худож. произведения // Русское богатство. 1912. № 2. С. 151.

ная лира. Говоря таким образом, употребляют метафору не простую, назвать же лук *лирой* или щит *фиалом* значит употребить метафору простую¹. А. А. Потебня «простой» метафоре поставил в соответствии «полную, т. е. такую, в словесном выражении которой нет явственных указаний на ее значение»². Замкнутая и незамкнутая («простая», «полная») метафоры выявлены по наличию / отсутствию ключевого слова, т. е. по контекстуальному параметру.

Появление и развитие контекстуального анализа были связаны с необходимостью уточнения и разграничении значений слов во избежание неясности или инотолкования; средневековая филология имела прием такого уточняющего разграничения антидиастолой [греч. *αντιδιαστολή* ‘контраст, различие’]. Примером удачного применения этого приема является следующая эпиграмма на Ф. В. Булгарина:

Синонимы: **гостиная, салон.**

Недоумением напрасно ты смущен:

Гостиная — одно, другое есть **салон.**

Гостиную найдешь в порядочном трактире,

Гостиную найдешь и на твоей квартире,

Салоны ж созданы для избранных людей.

Гостиные видал и ты, Видок Фиглярин,

В **гостиной**, может быть, и ты какой-то барин,

Но уж в **салоне** ты решительно лакей!

П. А. Вяземский

В католической герменевтике процедура антидиастолы состояла в выявлении, разграничении и истолковании прямых («исторических»), метафорических, символических и образных значений слов с приведением иллюстративных контекстов, связанных со Священным Писанием. Считается, что совершенствование данной процедуры «стало прелюдией к словарям и лексиконам»³.

¹ См.: Античные теории языка и стиля. СПб., 1996. С. 197; идея получила развитие в работе: Левин Ю. И. Структура русской метафоры // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 181: Труды по знаковым системам. II. Тарту, 1965. С. 293–299.

² Потебня А. А. Теоретич. поэтика. М., 1990. С. 238.

³ Prior J. G. The historical critical method in Catholic exegesis. Editrice Pontificia Università Gregoriana, 1999. P. 73.

Целесообразность изучения предмета со всех возможных его сторон демонстрирует метод общих мест, разработанный в Античности и традиционно используемый в классической риторике. Согласно ее предписанию для поиска аргументов «за» и «против» предмет спора следует рассмотреть с нескольких типовых точек зрения, аспектов — топосов [греч. *τόπος*, лат. *locus* ‘место <с которого смотрят на предмет>’]¹. Отсюда греческое именование канона инвенции (т. е. того этапа создания текста, который соответствует поиску аргументов): топика [греч. *τόπικη τέχνη*, букв. ‘аспектный метод’].

Искусство аргументации предполагает «способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета»². Систему топосов (или «общих мест»), избранных для рассмотрения определенного тезиса (= «предмета»), также принято именовать топикой. Допустим, что предметом спора является тезис *Смертная казнь в России должна быть отменена*. Рассмотрим топику данного тезиса:

1. Топос «следствие» → довод к следствию, в частности:

- аргумент против отмены: «Если отменить смертную казнь, преступность возрастет»;
- аргумент против отмены: «Если смертную казнь отменят, то налогоплательщикам придется тратить больше денег на содержание преступников» (довод к кошельку);
- аргумент за отмену: «Если не отменить смертную казнь, то будет казнено много невинных, поскольку у нас часто случаются судебные ошибки».

2. Топос «назначение» → доводы к назначению, указывающие на возможность либо невозможность использования предмета или действия для достижения той или иной цели, в частности:

- аргумент против отмены: «Смертная казнь существует как средство устрашения»;
- аргумент за отмену: «Страх останавливает не всех преступников»;

¹ Подробнее см.: Москвин В. П. Топика и инвенция // Русская речь. 2010. № 2. С. 33–42.

² Аристотель. Риторика // Античные риторики. М., 1978. С. 19.

– аргумент за отмену: «Смертная казнь — орудие устрашения граждан в руках диктатора / вариант: слабой власти / вариант: олигархов и т. д.».

3. Топос «мотивы»: «Почему некоторые граждане нашей страны ратуют за отмену смертной казни? Быть может, это кому-то выгодно?» → аргумент против отмены: «В отмене смертной казни заинтересованы олигархи и проворовавшие чиновники» (обвинение в предвзятости).

4. Топос «сходство»: «Смертная казнь отменена в Европе, в некоторых штатах США и в ЮАР. В ЮАР после этого преступность резко возросла» → аргумент против отмены: «У нас может произойти то же самое» (довод к прецеденту, т. е. к сходному случаю в прошлом).

5. Топос «мнение» → аргументы к авторитету:

а) мнение авторитетных лиц, авторитетных источников: «Каково мнение известных писателей, ученых, общественных деятелей? Что об этом сказано в Библии?»;

→ аргументы за отмену: «Президент против смертной казни»; «В Писании сказано: “Не убий”»;

→ аргумент против отмены: «На вопрос, как изжить преступления среди людей, Солон ответил: “Нужно, чтобы пострадавшим и не пострадавшим было одинаково тяжело”» (Диоген Лаэртский);

б) мнение аудитории: «Что думает об этом аудитория?» → аргумент против отмены: «Все собравшиеся здесь за смертную казнь» (аргумент к аудитории, или довод к публике).

в) мнение граждан страны, толпы, массы: «Что думает об этом народ? О чем говорят результаты анкетирования, опроса?» → аргумент против отмены: «Народ за смертную казнь» (аргумент к массам, разновидность довода к авторитету).

6. Топос «моральная оценка» → аргумент против отмены: «Смертная казнь бесчеловечна с точки зрения нравственных и религиозных принципов»; «Казнь — это *лишение жизни*. Вправе ли мы отнять то, что дано не нами?» (доводы к морали).

7. Топос «происхождение»: «Колесование, сожжение на костре, отсечение головы и прочие виды смертной казни практиковались в жестокою эпоху Средневековья» → аргумент за отмену: «Смертная

казнь — мрачное наследие Средневековья» (софизм происхождения, разновидность *pop sequitur*).

8. Топос «обстоятельства» (в частности, место и время): «Уместно ли поднимать этот вопрос “здесь и сейчас”, в данный исторический момент, в условиях политического и экономического кризиса?» → аргумент против отмены: «В настоящее время наше общество еще не готово для заимствования западноевропейских норм, в частности для отмены смертной казни» (софизм откладывания, вид софизма ложного основания).

9. Топос «этимология» → аргумент против отмены: «Казнь — от глаголов *казать*, *показать*. Мы должны *показывать* людям, что их ждет, если они преступят закон» (довод к этимологии).

Как видим, метод общих мест представляют собой производство аргументов по всем возможным для данного конкретного случая типовым аспектам анализа (= топосам) обсуждаемого тезиса.

Метод общих мест был позаимствован риторикой скорее всего у медицины. В античной медицине топики означала систему мест на теле пациента, изучая которые можно было поставить диагноз; и сейчас считается, что каждое заболевание имеет свою топику. Открытие топики как метода поиска аргументов иногда приписывается Горгию Леонтинскому (483—380 до н.э.); заметим, что брат Горгия, Геродик, был врачом.

Топический подход к осмыслению спорной проблемы отражает, по выражению американского философа Уильяма Гримальди, «естественные пути, по которым идет мысль»¹. С этой точки зрения метод общих мест можно трактовать как метод «открытия новых идей» путем продвижения «от известного к неизвестному»². Думается, что применение понятия топики как системы типовых точек зрения на анализируемую проблему было бы полезно и в лингвистической таксономии, если принять аналогию между типовой схемой параметров поиска аргументов и типовой схемой параметров классификации понятий, т. е. их членения, противопоставления и объединения.

¹ Grimaldi W. *Studies in the Philosophy of Aristotle's Rhetoric*. Wiesbaden, 1972. P. 130.

² McKeon R. *The Selected Writings*. Vol. II. Culture, Education and the Arts. Univ. of Chicago Press, 2005. P. 42, 275.

Глава 4

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ

Разработка и первое применение экспериментальных методов приписываются греческому врачу, основоположнику медицины Гиппократу (460 — ок. 377 до н. э.)¹. Считается, что наблюдение и эксперимент, являясь источниками исходного материала, формирующего систему представлений об окружающей действительности, «отличаются друг от друга, хотя и тесно связаны между собой»²; что эта связь носит генетический характер: «Возникнув на базе наблюдения, эксперимент включил в себя вмешательство в наблюдаемое явление»³. ЭКСПЕРИМЕНТ позволяет «проследить характер изменения наблюдаемых свойств в связи с изменением условий» [способ] и тем самым «обнаружить те новые свойства объекта, которые не проявляются непосредственно в обычных условиях»⁴ [результат]. С этой точки зрения эксперимент следует рассматривать как «инструмент наблюдения»⁵, а значит как одну из процедур описательного метода. Поясняя значимость эксперимента для языкознания, Л. В. Щерба отмечает:

«Особенно плодотворен метод экспериментирования в синтаксисе и лексикографии и, конечно, в стилистике. Не ожидая того, что какой-то писатель употребит тот или иной оборот, то или иное сочетание, можно произвольно сочетать слова и, систематически заменяя

¹ Golfin H. Essai sur la méthode de vérification scientifique: appliquée aux sciences en général, à la médecine et à la thérapeutique en particulier. Paris, 1846. P. 14.

² Шептулин А. П., Файзуллаев А. Ф. Диалектика принципов и законов в структуре научной теории. М., 1979. С. 31.

³ Белкин Р. С. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. М., 1964. С. 6.

⁴ Карпенков С. Х. Концепции современного естествознания. М., 2014. С. 109.

⁵ Вернер Г. Физика и философия. М., 2014. С. 376.

одно другим, меняя их порядок, интонацию и т. п., наблюдать получающиеся при этом смысловые различия. <...> Я бы сказал, что без эксперимента почти невозможно заниматься этими отраслями языкознания»¹.

Суть экспериментального приема любого типа состоит в том, что в речевой единице «воздействуют по меньшей мере на одну переменную (variable), в то время как все остальные значимые <для анализа> переменные держат не затронутыми»². Так, в эксперименте, описанном Л. В. Щербой, меняется порядок слов, но остаются не затронутыми ни их состав, ни грамматическая форма, ср.: *Пришло двести человек* ↔ *Пришло человек двести*. Интерпретация перестановочного эксперимента: прямой порядок связан с выражением точного количества, инверсный — приблизительного.

Важный этап эксперимента связан с целенаправленным поиском отрицательного языкового материала, т. е. «неудачных высказываний с отметкой “так не говорят”»³, ср.: *Пришло двести человек* ↔ *Пришло человек двести, но: Пришло двести два человека* ↔ **Пришло человека двести два*. Интерпретация перестановочного эксперимента: идея приблизительности охватывает прежде всего «круглые» числа.

Подобные переделки, нарушающие те или иные предписания языковой системы или речевого узуса, мы регулярно наблюдаем в разговорно-бытовой, публицистической и художественной речи. Как функциональный эксперимент можно рассматривать окказиональное использование слова в переносном смысле, как позиционный — инверсию и метатезное словообразование, как уровневый — употребление синтаксической единицы в значении лексической (*За ним несется Всадник Медный На звонко-скачущем коне*), как тематический — различные типы бурлеска, как мотивационный — поэтическую этимологию (*Чудь начудила, да Меря намерила*), как количе-

¹ Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. С. 32.

² Gass S. Experimental research // Continuum companion to research methods in applied linguistics. London; New York, 2010. P. 8.

³ Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. С. 33.

ственный — повтор *ad nauseam*. Иными словами, нарочитое нарушение нормы (происходящее, в частности, в языковой игре) можно трактовать как своего рода бытовой эксперимент.

Экспериментальные приемы обладают серьезным эвристическим потенциалом. Ю. Д. Апресян поясняет: «Можно десятилетиями собирать факты и ни разу не заметить семантического секрета слова, который оно мгновенно отдает в условиях острого эксперимента»¹. Здесь, однако, необходимо подчеркнуть, что приемы экспериментального типа не дают готовых ответов на вопрос об устройстве содержательной стороны анализируемой единицы, а лишь поставляют информацию для размышлений в этом направлении. Данные, добываемые этими приемами, представляют собой «сырой материал, который сам нуждается в семантическом пояснении»².

Итак, применительно к лингвистике алгоритм экспериментального анализа таков:

«эксперимент (1) → поиск отрицательного материала (2) → интерпретация результатов (3)».

Научный эксперимент, в отличие от бытового, предполагает обязательность третьего этапа. К сожалению, в научной и, в частности, учебной литературе, посвященной рассмотрению и пояснению механизма экспериментальных методов, ни второй, ни третий этап данного алгоритма зачастую либо никак не освещаются и не комментируются, либо вовсе пропускаются как несуществующие, что лишает смысла всю процедуру³.

К числу экспериментальных методов лингвистического анализа принято относить, в частности, трансформационный и дистрибутивный анализ. Рассмотрим их.

¹ Апресян Ю. Д. О некоторых дискуссионных вопросах теории семантики // Вопросы языкознания. 1971. № 1. С. 34.

² Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нереперентные слова. М., 1996. С. 20.

³ См., например, разделы «Дистрибутивный анализ» (с. 417–420) «Трансформационный анализ» (с. 424–431) в кн.: Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. М., 2014.

4.1. Трансформационный анализ

В современной лингвистике существует две модели трансформационного анализа.

1. Модель З. ХАРРИСА. В этой парадигме ТРАНСФОРМАЦИЯ понимается предельно узко: как изменение грамматической формы фразы или словосочетания с сохранением: а) их лексического состава; б) смысла¹: *Охотник убил волка* ↔ *Волк убит охотником* (пассивная трансформация), *Ветер повалил дерево* ↔ *Дерево повалило ветром* (трансформация обезличивания) и др. Данный тип анализа исходит из того, что «синтаксическая система языка может быть разбита на ряд подсистем, из которых одна является ядерной, исходной, а все другие — ее производными»². Трансформируемая фраза именуется исходной, трансформированная — ТРАНСФОРМОМ. Исходная фраза и ее трансформ должны быть синонимичны, однако, как подметил чешский лингвист Мирослав Кубик, это условие модели З. Харриса очень трудно соблюсти, поскольку «каждая трансформация сопровождается более или менее заметным сдвигом в значении»³. Трансформационный анализ данного типа применяется, в частности, для выявления:

- а) двусмысленных выражений: *24 марта в заводском тире состоятся соревнования по стрельбе. **Отстрел** наших **участников** состоится с 14-00 до 15-00* (Объявление, пример А. Н. Гвоздева), ср.: *отстрел наших участников* ↔ *Наши участники отстреляются / **Наших участников отстреляют***; вывод: родительный падеж при отглагольном существительном может иметь значения и субъекта, и объекта действия;
- б) многозначных слов. С этой целью: 1) строят ряд структурно сходных фраз, включающих анализируемое слово; 2) образуют

¹ Харрис З. Совместная встречаемость и трансформация в яз. структуре [1957] // Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1962. С. 536–537.

² Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966. С. 181.

³ Кубик М. Трансформационный синтаксис русского языка. Praha, 1971. С. 10.

все возможные трансформы от этих фраз с целью найти отрицательный языковой материал, например:

№	Исходная фраза		Трансформ
1	<i>Ветер повалил дерево.</i>	↔	<i>Дерево повалено ветром.</i>
		↔	<i>Дерево повалило ветром.</i>
2	<i>Лесоруб повалил дерево.</i>	↔	<i>Дерево повалено лесорубом.</i>
		↔	<i>*Дерево повалило лесорубом.</i>

Способность давать то или иное количество трансформов составляет трансформационный потенциал исходной фразы¹. Трансформационный потенциал фраз (1) и (2) различен, что говорит следующем: а) эти фразы принципиально различаются по смыслу и несводимы к одному структурно-семантическому типу предложений (поскольку ветер — неуправляемая сила, лесоруб — лицо); б) глагол *повалить* может использоваться как минимум в двух разных значениях. Эти значения устанавливаются с помощью иных приемов, рассмотренных ниже; на данном этапе лишь отметим, что возможность либо невозможность трансформации или иной экспериментальной процедуры являются *следствием* определенных особенностей анализируемого объекта, именно поэтому считается, что «цель эксперимента — раскрыть причинные связи»².

Не только в языке, но и в природе, и в обществе далеко «не все поддается непосредственному наблюдению, однако о многих скрытых явлениях и процессах можно судить по различным косвенным признакам, которые выступают в качестве индикаторов»³. Такие косвенные признаки и проявляются в ходе эксперимента. Как любой эксперимент, трансформационный анализ связан с поиском отрицательного языкового материала, в нашем случае — ОГРАНИЧЕНИЙ И ЗАПРЕТОВ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ.

¹ Уорс Д. С. Трансформационный анализ конструкций с творительным падежом в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 2. М., 1962. С. 682.

² Sanchez C. A. Methods and techniques of research. Rex Bookstore, 2001. P. 87.

³ Дзенис З. Е. Методология и методика социально-эконом.-географич. исследований. Рига, 1980. С. 187.

2. Модель Н. Хомского, ср.: а) *The child is sleeping* ↔ *The child will sleep*, но: *The book is interesting* ↔ **The book will interest*. Вывод: «*interesting* — прилагательное, не форма глагола». Если мы приглядемся к данному трансформационному ряду, то заметим, что в нем не соблюдено одно из главных условий модели З. Харриса — синонимичность исходной фразы и трансформации (поскольку форма настоящего времени заменена формой будущего времени); б) *The child seems sleeping* ↔ **the very sleeping child*, *The book seems interesting* ↔ *the very interesting book*¹ (не соблюдено требование идентичности лексического состава). Вместе с тем трансформационный анализ и в таком, широком понимании выполняет свое предназначение — служит выявлению тех смысловых различий, которые не поддаются прямому наблюдению. С этой точки зрения допустимо сближение с трансформационным анализом ряда приемов, рассмотренных ниже.

4.1.1. Редукция

Трансформационный анализ в модели З. Харриса предполагает неизменность лексической базы синтаксических единиц, связанных отношениями трансформации. С этой точки зрения прием редукции не принадлежит сфере трансформационного анализа, но при более широком понимании данной процедуры к ее сфере можно, например вслед за М. В. Пановым, отнести такие аналитические приемы, как «прибавка слов в определенных грамматических формах» и «изъятие <таких> слов»². Редукция, или тест на опущение слова, представляет собой прием анализа синтаксических единиц (фраз, словосочетаний) путем исключения («изъятия») из их состава тех или иных компонентов: определений, обстоятельств и т. д. Этот прием, в частности, используется:

1. Для выявления обязательных и факультативных компонентов синтаксической единицы (при свертывании ее «до минимума семантической модели»³):

¹ Chomsky N. Syntactic Structures. The Hague, 2002 [1957]. P. 73, 75.

² Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2. М., 2007. С. 316.

³ Васильев Л. М. Методы современной лингвистики. Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1997. С. 30.

№	Исходная единица		Трансформ
1	<i>девушка с черным пуделем</i>	↔	<i>девушка с пуделем</i>
2	<i>девушка с черными глазами</i>	↔	<i>* девушка с глазами</i>

Невозможность редукции в случае (2) говорит о существовании класса адъективно интенциональных имен существительных, например таких, как *глаза, руки, нос* (и др. наименований частей тела); *вес, рост, размер* (и др. квантификаторов). Правило их использования предписывает обязательную сочетаемость с определениями. Еще Квинтилиан указал на то, что «ошибка становится фигурой, если она не случайна, а преднамеренна», и «сколько есть фигур, столько же есть ошибок»¹. Тактика нарочитой неправильности используется как прием, что наблюдаем, например, в этой частушке:

Сидит милый на крыльце
С **выраженьем** на лице.

Подобные фразы, сигнализирующие о нарушении определенного запрета, являются особенно ценным («отрицательным», по классификации Л. В. Щербы) материалом, позволяющим выявлять и исследовать языковые закономерности и правила. Знание таких правил лежит в основе нашей речевой компетенции, склонность к нарочитому их нарушению — в основе чувства юмора и способности к языковой игре.

2. Для семантического анализа лексики, ср.:

№	Исходная фраза		Трансформ
1	<i>В печи высокая температура.</i>	↔	<i>* В печи температура.</i>
2	<i>У больного высокая температура.</i>	↔	<i>У больного температура.</i>

Как видим, слово *температура* в приведенных контекстах имеет два значения: широкое ‘степень нагретости чего-л.’ в случае (1) и более узкое ‘повышенная степень теплоты тела при болезни, жар’ в случае (2). Такое же соотношение значений наблюдается у слов *воздух* (ср. *свежий воздух* и разг. *выйти на воздух*), *запах* (ср. *плохой запах* и

¹ М. Fabii Quintiliani Institutionis oratoriae libri duodecim. Vol. II. Lipsiae, 1854. P. 111, 112.

эвф. *мясо с запахом*), *вода* (ср. *минеральная вода* и разг. *Дайте бутылку воды*) и др.

3. Как прием стилистического эксперимента. Опишем следствия процедуры редукции, к примеру, для следующего текста:

Гряды **синеющих** холмов
И груди **белых** облаков
На фоне **мраморного** неба.

Если из этой стихотворной надписи на одной из акварелей М. Волошина убрать все «лишнее», не соответствующее ее структурно-семантическому минимуму, т. е. цветовые эпитеты и звуковую анафору (*гряды* — *груды*), то: 1) текст превращается в простую надпись (название акварели: «Холмы и облака на фоне неба»); 2) появляются элементы неблагозвучия: а) хиатус — столкновение гласных (*Холмы и облака*); б) баттология [греч. *βατταρίζω* ‘заикаться’] — столкновение слогов (*на фоне неба*); 3) художественно-декоративная функция меняется на пояснительно-информативную. Этот простой эксперимент показывает, насколько велика роль образных определений и средств эвфонии для художественной, в частности поэтической речи.

4.1.2. Распространение

РАСПРОСТРАНЕНИЕ, или ТЕСТ НА ДОБАВЛЕНИЕ, представляет собой прием анализа синтаксических единиц (фраз, словосочетаний) путем их усложнения за счет ввода новых компонентов (определений, обстоятельств и т. д.), в частности до необходимого структурно-семантического минимума. Этот прием используется в следующих целях:

1. Для семантического анализа лексики, ср.:

№	Исходная фраза		Трансформ
1	<i>Я знаю стихотворение.</i>	↔	<i>Я знаю стихотворение наизусть.</i>
2	<i>Я знаю английский язык.</i>	↔	<i>*Я знаю английский язык наизусть.</i>

Возможность распространения в случае (1) говорит о том, что здесь глагол *знать* реализован в не зафиксированном словарями узком значении ‘вызубрить, помнить наизусть’. Прием распространения, равно как и прием редукции, помогает выявить узкие значения слов, возник-

шие в результате регулярного эллипсиса, например *центр* ‘центр города’ (разг. *поехать в центр* ↔ *поехать в центр города*), *обещать* ‘обещать предоставить что-л.’ (разг. *обещать деньги* ↔ *обещать дать деньги*) и др.

Ю. С. Степанов полагает, что слова *каша*, *уха* и *пиво* в составе пословицы с *ним* {*каши*, *ухи*, *пива*} *не сварись* «являются синонимами»¹. Однако тест на добавление убеждает в обратном, ср.: «С *ним пива* [**каши*, *ухи*] *не сварись*, а и *сварись*, так не *выпьешь*» (Е. В. Барсов. Причитанья северного края), «С *ней каши* [**пива*] *не сварись* и не *съешь*» (В. Баделин. Я — реаниматор); *С импульсивной женщиной* *каши* [**пива*] *не сварись*» (Л. Соболева. Особые приметы ангела).

3. Для выявления эллиптированных структур: «Так, выражение *мальчик с пальчик* эллиптически, его полный вариант — *мальчик величиной с пальчик*»².

В соответствии с законом языковой экономии «язык постоянно стремится освободиться от того, что является лишним»³. Анализ характерных для бытовой речи эллиптически сокращенных синтаксических единиц, не восстановленных до необходимого структурно-семантического минимума, не всегда приводит к точным результатам. Проанализируем с этой точки зрения фрагмент следующей словарной статьи:

«Собраться. 6. || Принять намерение отправиться куда-л. *На другой день Софья Ивановна собралась ехать домой*. Григорович, Бобыль. *Собралась в кино, но Юлька не пошла*. Панова, Времена года» (Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / ред. А. П. Евгеньева. М., 1988. С. 172).

Если второй из приведенных здесь цитатных примеров соответствует дефиниции (ср.: *собрались* (= приняли намерение отправиться в кино ↔ *собрались идти в кино*), то в первом примере глагол *собраться* имеет несколько иное, более широкое значение: *Софья Ивановна собралась* (= приняла намерение) *ехать домой*.

¹ Степанов Ю. С. Принципы и методы современной лингвистики. М., 1975. С. 90.

² Макаев Э. А. Проблемы лингвистического анализа: фонология, грамматика, лексикология. М., 1966. С. 143.

³ Мартине А. Принципы экономии в фонетических изменениях. М., 1960. С. 65.

4.1.3. Лексико-синтаксическая трансформация

Объектом трансформационного анализа могут быть не только синтагма или предложение, но и любое производное слово, которое в этом случае также рассматривается как конструкция¹. ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ заключается в синонимической замене производного слова включающим это слово словосочетанием или наоборот. Первая процедура именуется развертыванием (*мотыжить* ↔ *обрабатывать мотыгой*), вторая — свертыванием: *обрабатывать мотыгой* ↔ *мотыжить*. Значение инструмента (инструментального актанта) «инкорпорировано» в семную структуру производного глагола *мотыжить*; следовательно, глагол *мотыжить* уже по значению, чем глагол *обрабатывать*. Это же соотношение значений наблюдаем в таких парах глаголов физического воздействия, как *гладить* (утюгом) и *утюжить*, *копать* (лопатой) и *лопатить*. Лексико-синтаксическая трансформация применяется:

1. Для проверки правильности построения семантических классов. Проанализируем с помощью указанной процедуры, например, следующую словарную статью:

ПОКРЫТЬ, асфальтировать, белить, бетонировать, вымазать, гримировать, забрызгать, закоптить, закрасить, замазать, запылить, лакировать, маслить, мылить, накрыть, осыпать, оцинковать, серебрить, смазать, укрыть, усыпать, цементировать, штукатурить, эмалировать и др. (Лексико-семант. группы рус. глаголов: Учебный словарь-справочник / под ред. Т. В. Матвеевой. Свердловск, 1988. С. 26—28).

Анализ показывает, что данная словарная статья включает не вполне однородные по своей семантике единицы, поскольку целый ряд включенных в нее глаголов (*асфальтировать*, *бетонировать*, *гримировать*, *закоптить*, *запылить*, *лакировать*, *маслить*, *мылить*, *оцинковать*, *серебрить*, *цементировать*, *штукатурить* и *эмалировать*) подчиняется лексико-синтаксической трансформации развертывания (например: *асфальтировать* ↔ *покрывать асфальтом*, *бетонировать* ↔ *покрывать бетоном*), т. е. в их семную структуру инкорпорировано значение актанта ‘покрытие’ (‘асфальт’, ‘бетон’ и др.), что, во-первых, сужает их значение, во-вторых, меняет модель управления, ср.: *покрыть*,

¹ Молошная Т. Н. Исследования по структурной типологии. М., 1963. С. 16.

вымазать — что чем (краской, глиной), но: *асфальтировать, бетонировать* — что *чем: *асфальтом, *бетоном (трансформация распространения не проходит). Приведенные факты говорят о том, что глаголы с инкорпорированным актантом следовало представить в виде отдельной словарной статьи.

2. Для определения степени полноты развернутой метафоры (как первый, предварительный этап ее анализа). Дело в том, что исходная метафора в цепочке может быть пропущена: *А месяц будет плыть и плыть, Роняя весла по озерам* (С. Есенин). Исходный компонент в подобных случаях поддается экспликации с помощью процедуры развертывания: *месяц* ↔ *лодка месяца*, ср.: *Ладья луны по воле волн плыла* (Ю. Мориц). Такая экспликация позволяет восстановить пропущенное исходное звено развернутой метафоры, ср.: *тяжкие воспоминания* ↔ *тяжкий крест / груз воспоминаний, вспыхнула война* ↔ *вспыхнул пожар войны*. Развернутые метафоры с пропущенным (а значит, имплицитным) исходным компонентом именуется вторичными.

Анализ вторичных метафор необходимо предварять процедурой восстановления исходного компонента; в противном случае ход рассуждений пойдет по неверному направлению, например так: «Когда слова называют колкими, то прилагательное *колкий* указывает и на вспомогательный субъект¹ (им является колющее оружие), и на искомый признак слов: им является способность вызывать в душе эффект, подобный тому, который производит вонзающееся в живое тело острие»². Получается, что прилагательное указывает на предмет («колющее оружие»). Восстановим исходную метафору: *колкие слова* → *колкие иглы слов*, ср. *кинжальные слова* (К. Бальмонт) ↔ *кинжалы слов*. Именно существительное *игла*, а не прилагательное *колкий* указывает на вспомогательный субъект ‘колющий предмет’.

3. Для семантического анализа и систематизации производных слов. Рассмотрим с этой точки зрения, к примеру, сложные эпитеты, представленные полиосновными прилагательными (*пшенично-желтые усы, угольно-черная борода, черногривый конь, Москва златоглавая, чуждедальняя сторона* и др.). Анализ показывает, что такие эпитеты образуются путем свертывания: а) сравнений: *белый, как*

¹ То есть то, с чем производится сравнение, компаратор. — В. М.

² Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 355.

снег → белоснежный; желтый, как пшеница → пшенично-желтый; б) цепочки эпитетов: *грустная сырая погода* → *грустно-сырая погода* (Н. В. Гоголь); в) конструкций со значением принадлежности: *конь с черной гривой* → *черногривый конь*, *Урал с непроходимыми лесами* → *Урал непроходимолесый* (В. В. Маяковский); последний тип лежит в основе многих гомеровских эпитетов: *розоперстая Эос*, *хитроумный Одиссей*, *быстроногий Ахиллес*.

4. Для определения характера переноса, в частности разведения таких его типов, как метафора, метонимия и синекдоха, ср.: а) **золотые** листья ↔ *желтые, как золото, листья* (замена компаративной конструкцией говорит о том, что перед нами метафора); б) *Гирей сидел, потупя взор*; **Янтарь** в устах его дымился (А. С. Пушкин), ср. *янтарь* ↔ *трубка из янтаря* (перенос по смежности, т. е. метонимия); в) *поехать в город* ↔ *в центр города* (перенос с целого на часть, т. е. синекдоха).

5. Для критического анализа решений, связанных с указанными типами переносов.

Рассмотрим, например, мнение о том, что при метонимическом использовании слова «его семантическое устройство не меняется», однако происходит «сдвиг референции»¹. Трансформационный анализ подтверждает обратное, т. е. то, что метонимия связана с изменением содержания слова, ср. *ходить в шелках* → *ходить в одежде из шелка*. Вместе с тем данное явно ошибочное мнение заставляет обратить внимание на то, что выразительные возможности метонимии (скорее всего, ввиду предсказуемости ассоциаций по смежности²) менее значимы, чем возможности метафоры. Как видим, «отрицательный материал», извлеченный из чужих теорий, бывает не менее значим, чем «отрицательный материал» (Л. В. Щерба), извлеченный из речи.

¹ Guern M. *Sémantique de la Métaphore et de la Métonymie*. Paris, 1973. P. 14; см. также с. 77.

² Aarts J. M. G., Calbert J. P. *Metaphor and non-metaphor: the semantics of adjective-noun combinations*. Tübingen, 1979. P. 49; cf.: Warren B. *What is metonymy?* // *Historical linguistics 1995*. Vol. 2: *Germanic linguistics. Selected papers from the 12th International conference on historical linguistics, Manchester, August 1995* / Ed. R. M. Hogg & L. van Bergen. Amsterdam & Philadelphia, 1998. P. 306.

От метонимии метафора отличается «наличием общего признака между прямым и переносным значением слова»¹; ученые называют и множество иных различий. Однако в специальной литературе в качестве примеров метафоры регулярно приводится метонимия и наоборот; следовательно, знания семантических различий (т. е. интуиции) для адекватного разведения данных двух типов переноса недостаточно. Нужны формальные, т. е. наблюдаемые, а потому более точные и убедительные критерии анализа. Использование «структурных критериев», т. е. дистрибутивного анализа², здесь помочь не сможет, так как и метафора, и метонимия обладают одинаково необычными контекстами, в обоих случаях дающими эффект неправдоподобия, ср. *съесть тарелку* (метонимия) и *съесть коллегу* (метафора). Поскольку и метафора, и метонимия представляют собой случаи свернутой номинации, это дает возможность употреблять для их разведения трансформационный анализ. С тем чтобы показать острую необходимость и обязательность использования данной процедуры, проанализируем несколько случаев смешения указанных переносов.

- а) Г. Н. Складаревская как пример «эмоциональной метафоры» приводит выражение «*моя радость* — о человеке»³, ср.: *моя радость* → *причина моей радости* (метонимия).
- б) В. Н. Вовк в качестве примеров метафорических символов приводит *мак* — «цветок забвения», *кинжал*, *нож*, *меч* — предметы «смертоносной символики», *череп* — «символ смерти» и др.⁴ Однако мак («сонное зелье», по определению В. И. Даля) *вызывает* сон; кинжал (нож, меч) и смерть также связаны отношениями *следования*, характерными для метонимии, а не метафоры; череп (кости) — то, что остается от человека *после* смерти; здесь также наблюдаем отношения *следования*, а не сходства.

¹ Галстян А. С. Психолингвистич. анализ процесса метафоризации: дис. ... канд. филол. наук. Ереван, 1985. С. 9.

² Prandi M. La distinction entre métaphores, métonymies et synecdoques dans une perspective grammaticale // *Renaissances of Rhetoric*. Leuven Univ. Press, 1994. P. 186.

³ Складаревская Г. Н. К вопросу о метафоре как объекте лексикографии // *Современная русская лексикография*. Л., 1983. С. 61.

⁴ Вовк В. Н. Языковая метафора в художественной речи. Киев, 1986. С. 56–62.

- в) В солидной энциклопедии читаем: «Недавняя свежая метафора становится надоедливым шаблоном, утратившим всю свою былую образность, или терминологизируется (*голубой экран, черное золото*)»¹. Трансформация развертывания показывает, что первое выражение построено на синекдохе, ср.: *голубой экран* → *голубой экран телевизора* (отношения части и целого, ср. *ножка стола, стрелки часов*).
- г) Б. Тошович слово *лимон* в жаргонном выражении «*лакать лимон*» (= лимонную водку) трактует как «метафорическое дополнение»². Однако проверка убеждает в том, что перед нами метонимия: *лимон* → *водка, настоящая на лимоне*.
- д) Н. Д. Арутюнова полагает, что «имя *шляпа* может получать как метонимическое значение ‘человек в шляпе’, так и метафорическое ‘растяпа’» в контекстах типа *Эта шляпа всегда все путает*³. Люди в шляпах и очках (т. е. интеллигенты — в народном, бранном значении этого слова) действительно, с народной (точнее, простонародной) точки зрения, выглядят растяпами, поскольку в своих действиях ограничены многочисленными поведенческими запретами. Отсюда — метонимическая свертка *человек в шляпе* → *шляпа* в знач. ‘растяпа’. Метафоры (т. е. отношений *сходства* между растяпой-интеллигентом и его головным убором) здесь нет; в противном случае была бы возможна развертка **Растяпа похож на шляпу*.

Как видим, ученые «нередко беспокоятся о методах и методиках идентификации метафоры меньше, чем это на самом деле необходимо для проведения высококачественного исследования»⁴. Немало примеров неразличения семантических переносов дает рассмотрение современных квалификационных работ. Причина видится в том, что их авторы, полагаясь на интуицию, пренебрегают (а иногда попросту не

¹ Котюрова М. П. Стилистические ресурсы лексики // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2003. С. 459.

² Тошович Б. Структура глагольной метафоры // *Stylistika*. Вып. VII. Opole, 1998. С. 241.

³ Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 348–349 (раздел «Метафора и метонимия»).

⁴ Steen G. et al. A method for linguistic metaphor identification. Amsterdam & Philadelphia, 2010. P. 4.

владеют) приемами экспериментальных методов. Приведем примеры того, как эти приемы зачастую объясняются (а значит, и применяются) в современной научной литературе¹: 1. «Субституция (< лат. *substitution* [так в тексте; следует: *substitutio*. — В. М.] — “замена”) — это замена элемента предложения при сохранении общего смысла: *Рабочие строят дом* → *Дом строится рабочими*». На самом деле это не субституция, а пассивная трансформация. 2. «Элиминация (<лат. *eliminare* [так в тексте; следует: *eliminare*. — В. М.] — “исключение, удаление” [так в тексте; следует: “исключать, удалять”. — В. М.] — исключение элемента из состава предложения, т. е. прием свертывания: *В тех краях тепло* → *Там тепло*». На самом деле это не элиминация, а субституция (поскольку *В тех краях* = *Там*). Экспериментальные методы активно разрабатывались и применялись в 60-е гг. XX в., однако в настоящее время в силу ряда причин (в первую очередь, ввиду их сложности) практически не используется. Между тем без применения данных методов адекватный лингвистический анализ никаких перспектив не имеет.

4.1.4. *Синонимическое перифразирование предложения*

Синонимическое перифразирование представляет собой замену одного предложения другим, синонимичным ему, но с иной грамматической структурой и с иным лексическим составом. Рассмотрим пример использования данной процедуры:

Глагол *жаловаться* имеет особое медицинское употребление, близкое к рассмотренному значению: ‘сообщать врачу о симптомах возможного заболевания’: ср. *Он <доктор> меня выслушивал, вздыхал и затем спросил: — На что вы жалуетесь? — Ни на что, — ответил я* (Г. Газданов, *Ночные дороги*). Такое высказывание может быть перифразировано с помощью конверсного <глаголу> *жаловаться* глагола *беспокоить*: *На что вы жалуетесь? = Что вас беспокоит?*²

¹ См.: Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. С. 426.

² Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. 2-е изд. М., 1995. С. 323.

Применение лексического варьирования противопоставляет данный прием трансформации, при которой лексический состав исходной фразы и трансформации не меняется: «Под трансформациями, в отличие от перифраз, надо понимать только такие преобразования, при которых сохраняется определенное тождество формы — в синтаксических трансформациях оно выражается в том, что сохраняются имеющиеся лексемы и не вводятся новые»¹. Синонимическое перифразирование активно применяется для семантического анализа лексики, ср.:

№	Исходная фраза		Трансформ
1	Меня познакомили с Иваном Ильичом.	↔	Меня представили Ивану Ильичу.
2	Меня познакомили с уголовным делом.	↔	* Меня представили уголовному делу.

В случае (1) обе фразы имеют приблизительно одинаковые смыслы, т. е. сводятся к определенному смысловому инварианту, что и делает возможной замену. В случае же (2) замена невозможна; это говорит о том, что в приведенных контекстах глагол *познакомить* использован в двух разных значениях, несводимых к некому общему инварианту. Проанализируем, используя данный прием, следующую словарную статью:

Стричь. 2. (св. остричь, разг. обстричь). *кого*. Срезать или подрезать кому-л. волосы, шерсть. Стричь овец. Стричь пуделя. Стричь клиента (Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998).

Анализ показывает, что в пределах одной дефиниции объединены два разных значения глагола *стричь*, ср.: *стричь клиента* ↔ *делать клиенту стрижку*, но: *стричь овцу* ↔ * *делать овце стрижку*.

4.1.5. Синонимическое перифразирование слова

ПЕРИФРАЗА [греч. *περίφρασις* ‘окольная речь’] представляет собой описательный оборот, образуемый для замены какого-либо общепринятого наименования. Б. В. Томашевский, говоря о назначении периф-

¹ Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения (Семиотическая грамматика). М., 1981. С. 194.

разы, определяет ее как «типичный способ избегнуть названия обычным словом»¹. Перифраза обозначает предмет по одному, а иногда и по целому ряду характерных признаков: *Нахожусь я в отчизне галушек, вареников, волов, мазанок и чубов* (Письмо К. Батюшкова Н. Гнедичу). Чем более характерен подмеченный признак, тем более удачна и выразительна перифраза.

По своему устройству перифраза похожа либо на фрагмент кроссворда (*автор романа «Война и мир»*; ответ: Лев Толстой), либо на загадку (*лесная флейта*; отгадка: иволга). В структуре перифразы можно выделить две части: ядерную и ключевую. Ключевая («отгадочная», конкретизирующая) часть прямо называет какой-либо характерный признак обозначаемого объекта, тем самым обеспечивая возможность расшифровки перифразы: *ночное светило, царица ночи* (= луна), *дневное светило* (= солнце). Ядерная часть указывает на обозначаемый объект, но не прямо, а косвенно, иносказательно, в виде намека. Такое указание производится двумя способами: 1) метафорически (*царица ночи*); 2) с помощью более широкого по значению слова (ср. *Фонвизин* и *автор «Недоросля»*), в частности родового имени (ср. *луна* и *ночное светило*). Такой характер ядерной части превращает перифразу в «обиньяк, намек, иносказательную речь»². Если ядерная часть неинформативна, она может быть устранена посредством метонимического свертывания перифразы (*люди в белых воротничках* → *белые воротнички*), но это происходит не всегда (ср. *люди в белых халатах*).

По характеру номинации перифразы подразделяют на образные и логические. Образные основаны на метафоре (*царь зверей*) или метонимии (*белые воротнички*), логические — на переносе с широкого понятия на более узкое, в частности с рода на вид, ср. *Погасло солнце* и *Погасло дневное светило* (А. С. Пушкин); *Луна и звезды вышли на небо* и *Вышли на небо светила* ночные (Н. А. Некрасов).

Разведение номинативных типов перифраз возможно только с помощью трансформационного анализа. Метонимическая перифраза может быть превращена в логическую путем развертывания (т. е. восстановления ядерной части): *белые воротнички* → *люди в белых*

¹ Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М., 1996. С. 66.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 18.

воротничках, голубые береты ‘десантники’ → **воины** в голубых беретах, *медленная смерть* ‘наркомания’ → **болезнь**, несущая медленную смерть. Компаративная развертка свидетельствует о метафоричности перифразы: *царь зверей* → *лев как царь среди зверей*. Логические перифразы развертыванию не поддаются.

Перифразирование представляет собой «определение предмета вместо его прямого названия»¹. По степени номинативной адекватности подобные определения подразделяются на: 1) точные, фиксирующие существенные признаки объектов: *подняться в воздух* ‘взлететь’, *подняться на ноги* ‘встать»; 2) неточные, фиксирующие несущественные признаки: *царь зверей, остров свободы*. Неточная перифраза называет такие признаки объекта, которые не входят в структуру соответствующего понятия и потому не отражаются в научных определениях, в частности в словарных дефинициях, ср. *черное золото* и «ископаемое твердое горючее вещество растительного происхождения». В этой дефиниции не содержится указаний ни на цвет, ни на ценность угля как топлива. Таким образом, неточная перифраза, в отличие от точной, находится с перифразируемым словом в отношениях уточнения, информационного восполнения. Точные перифразы нейтральны в эмоционально-оценочном плане.

Возможна функциональная классификация перифраз: 1. Перифразы используются в оценочной функции: *каменные джунгли, черное золото*. Такие перифразы именуют оценочными. 2. Перифраза дает возможность избежать тавтологии, ср.: *Гляжу ль на дуб уединенный, Я мыслю: патриарх лесов Переживет мой век забвенный, Как пережил он век отцов*. Описательный оборот, образованный А. С. Пушкиным, избавил от необходимости дважды повторить либо слово *дуб*, либо местоимение *он*. 3. В художественной речи перифраза часто выполняет декоративную функцию: *розоперстая Эос, лесная флейта*. Такие перифразы называют поэтическими. 4. В игровой функции используются шуточные перифразы: *рыцарь вырезки* (вм. *мясник*), *лицевая часть головы* (Ю. Герман), *нюхательная часть тела* (Н. В. Гоголь). 5. Эвфемистические перифразы употребляются в целях вуалирования, смягчения смысла: *Купфер, как и следовало ожидать, попал в ее дом и стал к ней близким... злые языки уверяли: слишком близким человеком* (И. С. Тургенев).

¹ Томашевский Б. В. Стилистика. Л., 1983. С. 230.

6. Перифраза «вместо отвлеченного слова ставит образ»¹; именно это свойство делает ее удобным средством пояснения: *Розвальни — нечто среднее между дровнями и санями — служили для возки негромоздкой поклажи, для будничной и дальней езды* (В. Белов). Для определения (пояснения) значений слов предназначены точные логические перифразы, именуемые логическими дефинициями [лат. *definitio* 'определение']. Дефиниция состоит из двух частей: а) слова-идентификатора, называющего ближайшее родовое понятие, например: «Лететь — *передвигаться по воздуху*», «Глаз — *орган зрения*»; б) слова-конкретизатора, обозначающего основной признак объекта: «Лететь — *передвигаться по воздуху*», «Глаз — *орган зрения*», либо нескольких слов-конкретизаторов, обозначающих ряд существенных признаков объекта: «Кресло — *широкий стул с ручками-подлокотниками*».

Еще Иоанн Дамаскин отметил: «Совершенна та дефиниция, которая взаимозаменяема с определяемым понятием»². Точная логическая перифраза в отличие от неточной находится с определяемым словом в отношениях взаимозамены, а значит и субституции, ср.: *Рассвет — начало утра* (дефиниция). Проверка: *Наступил рассвет*. ↔ *Наступило начало утра*. Н. В. Перцов справедливо указывает на возможность применения субституции как инструмента проверки правильности толкований (логических дефиниций) слов³. Используем этот прием применительно к следующему описанию:

«ЛУНА, месяц, полумесяц. Небесное тело, являющееся естественным ближайшим спутником Земли, светящееся по ночам отраженным светом Солнца, желтым, реже красноватым или белым» (Словарь синонимов русского языка / под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2011, раздел 1.1 «Небесное пространство и небесные тела»).

Произведем проверку на субституцию: 1) синонимического ряда: *полет на Луну* ↔ **полет на месяц* ↔ **полет на полумесяц*; 2) дефиниции: *полет на естественный спутник Земли* ↔ *полет на Луну*, но: *полет на естественный спутник Земли* ↔ **полет на месяц* (полумесяц). Словарная статья не проходит тест на взаимозаменяемость, поскольку:

¹ Потебня А. А. Теоретич. поэтика. М., 1990. С. 170.

² Ioannis Damasceni Dialectica // Patrologia graeca. Vol. XCIV. Lutetiae Parisiorum, 1864. P. 554.

³ Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении. М., 2001. С. 57–61.

1) синонимический ряд относится к понятию наивно-языковой семантики, в которой луна (месяц, полумесяц) предстает как ночное светило, 2) дефиниция этого ряда относится исключительно к научной картине мира, в которой: а) нет места ни месяцу, ни полумесяцу, б) Луна (с прописной буквы) предстает как естественный спутник Земли. Как видим, дефиниция не соответствует приведенным примерам.

4.1.6. Ротация

Ротация [лат. *rotatio* ‘вращение’], или пермутация [лат. *permutatio* ‘изменение’], состоит в перестановке компонентов сложной единицы, например слов в составе фразы или словосочетания, с изменением ее грамматического облика либо без изменения.

Посредством данной процедуры можно, в частности, определить:

1. Нюансы смысла и выразительности, связанные с порядком следования частей речевой единицы, ср.: *двести человек* ↔ *человек двести*, *сто сорок девять человек* ↔ **человек сто сорок девять*. Эксперимент показывает, что: а) прямой порядок слов связан с выражением точного количества, инверсный — приблизительного; б) идея приблизительности реализуется «круглыми» числами.

Любой эксперимент «производится с целью исследовать силу связей между переменными»¹. Чем сильнее такие связи, тем значительнее выразительный эффект, возникающий при их разрыве, в частности при ротации: а) частей слова (при использовании фигуры «вращения слова»): *инакомыслящий* → *Мыслящий инако* (Заголовок); б) частей близлежащих слов (при метатезном словообразовании): *Это предсказал еще Нострадамус* → *Это **настрадал** еще **Предсказамус*** (ТВ).

2. Характер переноса, ср.: *белый запах нарциссов* ↔ *запах **белых нарциссов***. Фигура перемещения прилагательного от одного опорного существительного к другому, семантически чуждому, именуется эналлагой [греч. *εναλλαγή* ‘изменение’]. В подобных случаях прилагательное по смыслу принадлежит «зависимому от этого существительного генитиву»². Пропуск генитива создает эффект загадки, ср.:

¹ Nunan D. *Research Methods in Language Learning*. Cambridge Univ. Press, 1992. P. 25.

² Bers V. *Enallage & Greek style*. Leiden, 1974. P. 1, 5–6.

Вдруг нас поразил **белый** весенний **запах**. Саша побежал в лес и сорвал вишневых цветов, но они почти не пахли; с обеих сторон были видны зеленые деревья и кусты без цвета. Сладкий одуряющий запах все усиливался и усиливался. Пройдя сотню шагов, с правой стороны кусты открылись, и покатаая, огромная, бело-зеленая долина с несколькими разбросанными на ней домиками открылась перед нами. Саша побежал на луг рвать обеими руками **белые нарциссы** и принес мне огромный, невыносимо пахучий букет. (*Л. Толстой*)

Смещение эпитета происходит на основании метонимических связей (в нашем случае: «цвет ~ запах»), поэтому смещенные эпитеты нередко именуют метонимическими.

По мнению Г. Лаусберга, «смещенное прилагательное испытывает семантический сдвиг и метонимическое обогащение, которые пробуждают воображение адресата очуждением, восстановление же нормальных синтаксических связей производит впечатление беспомощной банальности»¹, ср. *Как сделать жизнь Ваших волос блестящей? C Wella Vitality Ваши волосы, как и Вы, полны жизни* (Реклама) и *Как сделать Ваши волосы блестящими?* («банальность»). Эналлага, в силу своей необычности, воспринимается не только как требующий решения семантический парадокс, но и как курьез, неправильность. В поэме Вергилия «Энеида» читаем: *Ibant obscuri sola sub nocte per umbras* (VI: 268), букв. ‘Шли <они> темные и одинокие в ночи сквозь тени’ (ср. *в темной ночи*). В. Я. Брюсов перевел с устранением эналлагы: ‘Скрытые полною тьмой, они шли одиноко сквозь тени’; П. Фонтанье полагает, «что этот стих Вергилия искажен переписчиками и что перемещение прилагательного — это их заслуга, а не поэта»².

3. Позиционные свойства лексики, ср.: *Ты ведь честный человек* ↔ *Ведь ты честный человек*; *Ты же честный человек* ↔ **Же ты честный человек*; *В лице замечалась также сдержанность* (И. А. Гончаров) ↔ **Также в лице замечалась сдержанность*. Вывод: если частица *ведь* используется и препозитивно, и постпозитивно, то литературное использование частицы *же* и наречия *также* предполагает только постпозитивное их употребление. Вместе с тем в современной речи наблюдаем набирающее все большую силу распространение препозитивного

¹ Lausberg H. Handbook of Literary Rhetoric. Leiden, 1998. P. 306.

² Fontanier P. Les Figures du discours / Éd. G. Genette. Paris, 1968. P. 236.

использования наречия *также* (скорее всего под влиянием аналогии с препозитивным сложным союзом *а также*), ср.: *Также представлена функция «Оповещение», уведомляющая о курсах и резервах обменных пунктов* (В. Г. Мартынов. Электронные деньги. М., 2010) *вм. представлена также; Также устав учреждал прогимназии с сокращенным курсом обучения* (Большая школьная энциклопедия. М., 2003) *вм. устав учреждал также* и др.

4. В логике и риторике прием ротации применяется для выявления круга в аргументации — как случайного, так и нарочитого, именуемого софизмом тождесловия.

При наличии порочного круга, т. е. эквивалентности тезиса и посылки, тезис и подтверждение (посылка, аргумент) могут легко меняться местами, ср.: «Этого не может быть» (тезис), *потому что* «это невозможно» (аргумент) → «Это невозможно» (тезис), *потому что* «этого не может быть» (аргумент). Рассмотрим возможности этой аналитической процедуры на примере следующего короткого утверждения: «В Коране все истина, потому что Коран боговдохновенен» (пример С. И. Поварнина). Поменяем тезис и аргумент местами: «Коран боговдохновенен, потому что в нем все истина». Возможность ротации подтверждает тождественность тезиса и аргумента, а следовательно, и алогичность высказывания. Теперь присмотримся к более пространному варианту рассмотренного утверждения: «Бог существует, потому что так сказано в Библии. Библия же истинна, поскольку она есть Слово Божье». Софизм тождесловия здесь менее заметен. В. Ф. Асмус предупреждает: «Круг в доказательстве легко может быть замечен, если рассуждение коротко и несложно. Но в доказательствах, состоящих из длинных цепей умозаключений, круг может остаться незамеченным»¹. Д. Уолтон справедливо указывает на то, что проблема выявления круга в аргументации непосредственно связана с вопросом о критериях эквивалентности, т. е. синтаксической синонимии фраз или словосочетаний, оформляющих тезис и посылку². С тем чтобы форма тезиса не совпадала с формой аргумента и уловка не стала очевидной, применяются либо перифразирование, либо синони-

¹ Асмус В. Ф. Учение логики о доказательстве и опровержении. М., 1954. С. 67.

² Walton D. N. Begging the Question: Circular Reasoning as a Tactic of Argumentation. New York, 1991. P. 133.

мическая замена: *Бог существует, поскольку он есть*. Пример прикрытия порочного круга синтаксической синонимией:

«Дать каждому человеку неограниченную свободу слова должно быть *выгодно государству* [тезис], поскольку это в высшей степени *соответствует интересам общества* [довод], когда каждый индивид использует абсолютную свободу выражения своих чувств».
(*Р. Уэйтли*. Элементы логики)

4.1.7. Субституция

Субституция [лат. *substitutio* ‘подстановка, подмена’, ср. *substitutio heredis* ‘назначение запасного наследника (например, на случай смерти основного)’], подстановочный эксперимент, или тест на субституцию [англ. *substitution test*], состоит в замене одной языковой единицы на другую. В своей монографии «Синтаксические структуры», в главе «Некоторые трансформации в английском», Н. Хомский приводит такие примеры: *the very interesting book* → **the very sleeping child* (вывод: *sleeping* — причастие, *interesting* — прилагательное), *Полицейские ввели преступника* → *Полицейские ввели ego* (замена местоимением, или прономинализация)¹ и др. Зеллиг Харрис (1909—1992) поясняет: процедура субституции, например слов *ребенок* и *маленький мальчик*, производится в субститутивной рамке, например «*Куда же — идет?*». В этом случае «мы берем форму *A* в окружении *C --- D* и подставляем другую форму *B* вместо формы *A*»². В концепции З. Харриса субституция является приемом классификации, поскольку с помощью данного приема можно выявить единицы одного «субститутивного класса», т. е. принадлежащие одной таксономической парадигме³. Так, звуковая субституция *сон* → *сын* → *сан* и т. д.: 1) выявляет класс гласных фонем, а в конечном счете «ведет к описанию общей фонологической структуры языка»⁴; 2) подтверждает реальность фонемы /ы/ как смысловозначительной единицы (позиция представителей Ленинградской фонологической школы). Лексическая субституция *Профессор завез*

¹ Chomsky N. Syntactic Structures. The Hague, 2002 [1957]. P. 75.

² Harris Z. From Morpheme to Utterance // Language. Vol. 22. 1946. № 3. P. 163.

³ Harris Z. S. <Methods in> Structural Linguistics. The Univ. of Chicago Press, 1963 [1951]. P. 17 & 247

⁴ Newman St. Rev.: Methods in Structural Linguistics. Harris Zellig S. The Univ. of Chicago Press, 1951 // American anthropologist. Vol. 54. 1952. P. 404.

дует кафедрой → *Профессор гордится кафедрой* и т. д. приводит к выявлению глаголов, управляющих творительным падежом. В случае звуковой субституции, по определению Дж. Лайонза, «образуется новое слово», в случае лексической — «новое предложение»¹.

Субституция используется и как «тест на семантическое сходство»². Такой тест традиционно применяется к синтаксическим единицам, с тем обязательным условием, что изменение лексического состава фразы или словосочетания не должно приводить к существенному изменению их смысла, а значит не меняются ни грамматическая форма синтаксической единицы, ни ее «предметно-логическое содержание»³, ср.: *Профессор заведует кафедрой* → *Профессор руководит кафедрой*. Вывод: глаголы *заведовать* и *руководить* синонимичны. Здесь, однако, необходимо заметить, что субституция как тест на семантическое сходство вполне применима и в фонологии. Сравним, например, следующие варианты произношения словоформы к *Ире*:

- 1) [к'и]ре, однако в этом случае смысл меняется (А. А. Реформатский: «А все-таки к *Ире* и *Кире* различаются!»⁴), поэтому мягкое произношение [к'и] неприемлемо;
- 2) [кы]ре: подобное твердое произношение обычно отмечает границу двух слов (ср. *с игрой*) или морфем (ср. *сыграть*);
- 3) [к 'и]ре: пауза и твердый приступ (гортанная смычка) ['] отмечают границу двух слов (ср. [с 'и]грой), но не морфем в составе слова (ср. *[с 'и]грать).

Приемлемые варианты субституции (2) и (3) происходят в пределах одной морфемы, т. е. не приводят к изменению смысла, а потому подтверждают тот факт, что звуки [и] и [ы] должны рассматриваться как «варианты одной фонемы»⁵ (позиция представителей Московской фонологической школы).

¹ Lyons J. Introduction to Theoretical Linguistics. Cambridge Univ. Press, 1968. P. 73.

² Miller G. A. Empirical methods in the study of semantics // Semantics: An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology / Eds. D. D. Steinberg & L. A. Jakobovits. Cambridge Univ. Press, 1971. P. 572.

³ Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания. М., 1974. С. 79.

⁴ Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970. С. 215.

⁵ Клейнер Ю. А. Позиция и контекст // Семиотика, лингвистика, поэтика. М., 2004. С. 123.

Субституция как тест на семантическое сходство (т. е. замена компонента речевой единицы, не приводящая к изменению смысла) применяется в следующих целях:

1. Для выявления и определения значений слов. С этой целью строятся все возможные разнотипные варианты дистрибутивного окружения анализируемого слова, ср.:

а) *Министр говорил с президентом.* ↔ *Министр беседовал с президентом.*

б) *Он уже говорил нам об этом.* ↔ *Он уже сообщил нам об этом.*

в) *Ребенок еще не говорит.* ↔ *Ребенок еще не умеет говорить.*

Судя по данным, полученным в ходе проведенного нами эксперимента, система значений глагола *говорить* такова: а) ‘вести беседу с кем-л.’; б) ‘сообщить что-л. кому-л.’; в) ‘владеть языком (родным или иностранным), уметь говорить’. При анализе многозначных слов следует принимать во внимание различия не только в их сочетаемости, но и в написании, словоизменении, ударении и других особенностях, ср.:

а) *Судьбы Всевышнего неисповедимы для ума человеческого* (Н. М. Карамзин). ↔ *Решения Всевышнего неисповедимы для ума человеческого; Как правы все Твои судьбы!* (стихи Ф. Глинки; использован хорей). ↔ *Как справедливы все Твои решения;*

б) *В нелегкий час моей судьбы* (А. Жигулин) ↔ *В нелегкий час моей жизни; Я прошел половину судьбы* (А. Ромм). ↔ *Я прожил половину жизни;*

в) *Судьба завистливая, злая! Ах, отчего я не табак!* (А. С. Пушкин. *Красавице, которая нюхала табак*). ↔ *Фортуна завистливая, злая...; колесо Судьбы* ↔ *колесо Фортуны; Таков непреложный приговор судеб* (О. М. Сомов; ср. у С. Есенина: *Свершился дивный рок судьбы*; у А. С. Пушкина: *Судьбы свершился приговор*) ↔ *Таков непреложный приговор высших сил.*

Эксперимент показывает, что слово *судьба* используется, в частности, в следующих значениях: а) ‘решение, предначертание, предопределение, воля, волеизъявление (высших сил)’ (мн. ч. *судьбы*); б) ‘жизнь, предначертанный свыше жизненный путь’; в) ‘сверхъестественная сила, предопределяющая все события в жизни людей; Фортуна’ (в этом значении допускается написание с прописной буквы).

2. Для проверки правильности описания значений слов. Проанализируем с этой целью следующую словарную статью:

Луна. 1. (в терминологическом значении с прописной буквы). Небесное тело, естественный спутник Земли, светящийся отраженным светом. *Исследование Луны. Полеты на Луну. Серп луны. Затмение Луны.* □ *Все тихо, ночь. Луной украшен Лазурный юга небосклон.* Пушкин, Цыганы. *Взошла луна. ... Свет месяца пробирался в глубину темного леса и ложился по сухой траве длинными полосами.* Арсеньев, По Уссурийской тайге. 2. *Астр.* Спутник любой планеты. *Девять лун Сатурна* (Словарь русского языка: В 4 т. Т. 2 / Ред. А. П. Евгеньева. М., 1988. С. 204).

Проверка на субституцию говорит о неоднородности приведенных иллюстративных примеров, а значит и о некоторой неточности в описании первого значения слова, ср.: *взошла луна* ↔ *взошел месяц, свет луны* ↔ *свет месяца, серп луны* ↔ *серп месяца*, но: *исследование Луны* ↔ **исследование месяца, полеты на Луну* ↔ **полеты на месяц, затмение Луны* ↔ **затмение месяца*. С учетом данных, полученных в ходе анализа, словарную статью целесообразно перестроить следующим образом:

Луна. 1. Ночное светило, месяц. *Серп луны.* □ *Все тихо, ночь. Луной украшен Лазурный юга небосклон.* Пушкин, Цыганы. *Взошла луна. ... Свет месяца пробирался в глубину темного леса и ложился по сухой траве длинными полосами.* Арсеньев, По Уссурийской тайге. 2. Спец. (с прописной буквы). Небесное тело, естественный спутник Земли, светящийся отраженным светом. *Исследование Луны. Полеты на Луну. Затмение Луны.* 3. *Астр.* Спутник любой планеты. *Девять лун Сатурна.*

3. Для выявления синонимических связей слов и, соответственно, построения синонимических рядов, ср.: а) *Пассажиры **ждут** поезд.* ↔ ↔ *Пассажиры **ожидают** поезд.* ↔ *Пассажиры **поджидают** поезд;* б) *Пассажиры **ждут** поезда.* ↔ *Пассажиры **дожидаются** поезда.* Смысловая приемлемость данной субституции дает возможность построить следующий синонимический ряд: *ждать*, офиц. *ожидать*, разг. *поджидать*; долго, терпеливо: *дожидаться*.

4. Для проверки правильности построения синонимических рядов, ср.:

«ТЕЧЬ, бежать, бить, идти, извергаться, изливаться, капать, катиться, лить, литься, протекать, сочиться, струиться, хлестать,

устар. точиться (литься по капле). Перемещать свои воды в каком-либо направлении (о реке, ручье и т. п.)» (Словарь синонимов русского языка / под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2011, раздел 1.5 «Водное пространство и водный поток, их части и признаки»).

Некоторые глаголы этого ряда (*течь* и *изливаться*, ср. *Река течет* ↔ * *Река изливается* [из чего?]; *сочиться* и *хлестать*, ср. *Из пореза сочится сукровица* ↔ * *Из пореза хлещет сукровица* и др.) трудно признать взаимозаменяемыми, а значит и синонимичными. В свете подобного рода наблюдений под синонимами целесообразно понимать номинативные единицы, принадлежащие одной семантической сфере (1), взаимозаменяемые (2) и принадлежащие одной части речи (3). Критерий взаимозаменяемости часто включается в определение синонимов как «слов, способных в том же контексте или контекстах, близких по смыслу, заменять друг друга без заметного различия по смыслу»¹. Все три названных нами критерия учтены в принадлежащем И. В. Арнольд математически точном определении синонимов как «слов, принадлежащих к одной части речи, близких или тождественных по предметно-логическому значению и таких, что для них можно указать контексты, в которых они взаимозаменяемы»². Взаимозаменяемость обязательно предполагает общность лексической сочетаемости (4) и модели управления (5), а значит, синонимический ряд обладает свойствами дистрибутивно-семантического класса, ср.: *помочь, оказать помощь, подсобить, пособить, содействовать* — кому (позиция открыта для наименований лиц) в чем (позиция открыта для наименований действий и ситуаций). Лексические микросистемы, лежащие в основе взаимозаменяемых структурно-семантических типов предложения, следует, несмотря на различия в синтаксической сочетаемости, считать синонимичными (6), ср., например: *Они помогли нам в нашей борьбе* = *Они поддержали нас в нашей борьбе* (синтаксические синонимы) → *помочь кому в чем* = поддержать кого

¹ Булаховский Л. А. Введение в языкознание. Ч. 2. М., 1954. С. 38. Ср.: Фаворин В. К. Синонимы в русском языке. Свердловск, 1953. С. 20; Горнунг Б. В. О природе синонимии в языке и теоретич. предпосылках составления синонимич. словарей // Вопросы языкознания. 1965. № 5. С. 98; Ullmann S. Semantics: An Introduction to the Science of Meaning. Oxford, 1967. P. 143.

² Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. М., 1990. С. 130.

в чем (лексические синонимы с разными моделями управления); аналогично: *Он начал работу* = *Он приступил к работе* → *начать* что = *приступить* к чему.

Взаимозаменяемость рассматривается специалистами либо как «основное свойство синонимов»¹, либо как «прием, способ, метод», «процедура выделения синонимов»². Видимо, правы те ученые (А. П. Евгеньева, О. Л. Каменская, Е. С. Шендельс и др.), которые считают, что взаимозаменяемость — это не «признак синонимии»³, а «лишь ее оптимальное следствие»⁴ и потому «не выражает существа синонимии, хотя является практическим критерием для проверки синонимичности слов»⁵.

Еще А. Б. Шапиро подчеркнул, что «один лишь признак взаимозаменяемости не может служить основанием для признания слов синонимами»⁶. Таким образом, «два признака — семантическую близость и взаимозаменяемость — следует считать основным критерием при определении синонимичности слов»⁷. Однако синонимы нередко определяют и просто как слова, тождественные или близкие по значению⁸. К примеру, Ю. Д. Апресяном и сторонниками его концепции (представителями Московской семантической школы) «две лексемы признаются синонимичными, если общая часть их значений превы-

¹ Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1972. С. 53.

² Евгеньева А. П. Основные вопросы лексич. синонимии // Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М.; Л., 1966. С. 6, 16.

³ Вилюман В. Г. Английская синонимика. М., 1980. С. 31.

⁴ Шендельс Е. И. Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970. С. 21.

⁵ Каменская О. Л. Некоторые вопросы лексич. синонимии // Филол. науки. 1970. № 2. С. 68.

⁶ Шапиро А. Б. Некоторые вопросы теории синонимов // Докл. и сообщения ин-та языкознания АН СССР. Вып. 8. М., 1955. С. 75.

⁷ Галаванова Г. П. К вопросу о роли взаимозаменяемости при выделении и определении синонимов // Синонимы русского языка и их особенности. Л., 1972. С. 113.

⁸ Чешко Л. А. О синонимах и словаре синонимов русского языка // Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1969; Абрамов Н. Дар слова. Искусство излагать свои мысли. СПб., 1900. С. 37.

шает сумму различий»¹. Отказ от критерия взаимозаменяемости неизбежно приводит к построению таких, в частности, синонимических рядов, как:

- 1) «*голод и аппетит*» (Е. В. Урысон)², ср., однако: *Приятного аппетита* ↔ **Приятного голода, Умер от голода* ↔ **Умер от аппетита* (тест на субституцию дает отрицательные результаты);
- 2) «*ждать и переждать*» (в контекстах типа «Корабли пережидали шторм в гавани»³). *Переждать* можно что-л. неприятное в каком-л. безопасном, защищенном месте, в укрытии; на наш взгляд, в этом значении данный глагол сближается с глаголами *пересидеть* и *перележать*. Заметим, что все три глагола (*переждать*, *пересидеть* и *перележать*) являются одноструктурными производными, что служит еще одним свидетельством их смыслового единства. Мы бы построили соответствующий дистрибутивно-семантический класс следующим образом: ***Переждать*** (*переждать грозу, непогоду дома; Корабли пережидали шторм в гавани*), разг. *пересидеть* (*пересидеть войну в тылу*); лежа где-л.: разг. *перележать* (*перележать артобстрел в окопе*) — что, где. Неприемлемость субституции **Корабли переждали шторм в гавани* → *Корабли ждали шторм в гавани* выводит глагол *переждать* за пределы построенного Ю. Д. Апресяном синонимического ряда.

Многие ученые справедливо отмечают неопределенность понятия «семантической близости»⁴. Д. Н. Шмелев по этому поводу высказывает следующее мнение: «Был бы, собственно, беспредметным спор о том, какая степень семантической близости свидетельствует о некоей под-

¹ Апресян Ю. Д. Новый объяснительный словарь синонимов: концепция и типы информации // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 1995. С. 66. Ср.: Апресян Ю. Д. О новом словаре синонимов русского языка // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1992. № 1. С. 29.

² Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1 / Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина и др.; под общ. р-вом акад. Ю. Д. Апресяна. М., 1997. С. 50.

³ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. С. 116.

⁴ Например: Бережан С. Г. О критериях синонимичности в лексике // Филол. науки. 1967. № 4. С. 53; Евгеньева А. П. Основные вопросы лексич. синонимии. С. 4; Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания. М., 1974. С. 80.

линой синонимичности слов»¹. Признание смысловой близости в качестве единственного критерия синонимичности «ведет в теоретическом плане к безграничному расширению понятия “синоним”, а в практическом — дает возможность включать в синонимический ряд семантически гетерогенные элементы»². «Реакцию на неопределенность признака “близость” значений» представляет собой, в частности, и определение синонимов как слов, тождественных по значению, т. е. предельно узкое понимание синонимии³. Подчеркивая важность критерия взаимозаменяемости (замещения), А. Н. Гвоздев пишет: «В сущности там, где такое замещение невозможно, нет синонимов, а есть только слова, обозначающие разные понятия, хотя иногда и близкие между собой»⁴. Рассмотрим аргументы ученых, отрицающих данный критерий.

1. В. Н. Вакуров утверждает: «Можно показать, что не все взаимозаменяемые слова являются синонимами. Возможны случаи, когда видовое слово заменяется родовым, напр.: *Собаку ввели в лабораторию. Животное стало беспокойным*. Однако в языке слова *животное* и *собака* не синонимы. Итак, признак заменяемости слов не может быть положен в основу определения синонимов»⁵. Сходную аргументацию используют, в частности, М. Ф. Палевская и А. И. Уемов⁶. Однако замена (субституция): а) должна осуществляться в пределах одной синтаксической позиции; б) не должна приводить к заметному изменению смысла, ср. *Собаку ввели в лабораторию* и *Животное ввели в лабораторию*. Вторая фраза по своему смыслу неопределенна: неясно, кого именно ввели (собаку? осла? лошадь?). Кроме того, один синоним всегда можно пояснить через другой и наоборот (в этом случае возможна ротация: *Спешить* означает *торопиться* ↔ *Торопиться*

¹ Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964. С. 140–141.

² Бережан С. Г. Семантич. эквивалентность лексич. единиц. Кишинев, 1973. С. 39.

³ Лафта Х. Р. Стилистические функции синонимов в современной русской и арабской публицистике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. С. 6.

⁴ Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1965. С. 47.

⁵ Вакуров В. Н. К вопросу о лексико-фразеологич. синонимике // Вопросы стилистики. М., 1966. С. 90.

⁶ См.: Палевская М. Ф. Синонимы в русском языке. М., 1964. С. 15; Уемов А. И. Проблема синонимов и современная логика // Логико-грамматич. очерки. М., 1961. С. 28–29.

означает *спешишь*)¹, чего нельзя сказать о родовидовых парах типа *рыба* и *селедка*, *животное* и *собака*².

2. Анализируя слова с разной синтаксической сочетаемостью, в частности, глаголы *начинать* (что или инф.) и *приступать* (к чему), Ю. Д. Апресян приходит к выводу о том, что взаимозаменяемость не является обязательным свойством синонимов³. Аналогичную аргументацию используют Г. П. Галаванова и А. П. Евгеньева⁴. Указанные глаголы действительно не являются взаимозаменяемыми, однако специалистами упускается из виду тот (видимо, не вполне очевидный) факт, что взаимозаменяемы структурно-семантические типы предложений, в основе которых лежат данные глаголы (об этом свидетельствует возможность синонимического перифразирования: *Он начал работу* ↔ *Он приступил к работе*). Еще В. П. Сухотин подчеркнул, что взаимозаменяемость является обязательным условием и синтаксической синонимии⁵. Указанный им критерий необходимо использовать при установлении синонимичности лексики с различными моделями управления: *начать* что = *приступить* к чему, поскольку *Он начал работу* = *Он приступил к работе*. В этом случае лексическая синонимия оказывается производной и вторичной по отношению к синонимии синтаксической; данный факт учеными, к сожалению, не учитывается.

Укажем некоторые следствия отказа от критерия взаимозаменяемости (а значит, и от субституции как приема проверки лексических единиц на синонимичность).

1. Отказ от данного критерия делает понятие синонимии неопределенным и, следовательно, не поддающимся определению. К при-

¹ Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. С. 118.

² Ср.: Захарова М. Н. О разграничении синонимов и видородовых обозначений, выраженных существительными // Учен. зап. Кншин. гос. ун-та. Т. 71. Кишинев, 1964. С. 42.

³ Апресян Ю. Д. Синонимия и синонимы // Вопросы языкознания. 1969. № 4. С. 87 и 88.

⁴ Галаванова Г. П. К вопросу о роли взаимозаменяемости... С. 116; Евгеньева А. П. Осн. вопросы лексич. синонимии. С. 7 и 29.

⁵ Сухотин В. П. Из материалов по синтаксич. синонимии в русском языке // Исследования по синтаксису русского литературного языка. М., 1956. С. 13. Ср.: Распопов И. П., Сычева С. Н. Синтаксическая деривация и синтаксич. синонимия // Филол. науки. 1974. № 3. С. 71.

меру, Ю. Д. Апресян, скептически относящийся к возможностям субституции, предупреждает: «Скажем с самого начала, что вполне удовлетворительный ответ на этот вопрос (т. е. формальное определение лексических синонимов...) при нынешнем состоянии семантики представляется невозможным»¹. Еще более категоричен А. И. Уемов, также отрицающий субституцию: «Нет и не может быть каких-то критериев, с помощью которых можно было бы решить, являются ли те или иные слова синонимами»². Неопределимость понятия синонима ведет к отрицанию синонимии как типа смысловых отношений: «Синонимии, как она традиционно истолковывается, в языке вообще нет. Это одна из фикций, рудиментарно существующая в науке о языке», — полагает В. А. Звегинцев³. Исследование синонимии, считает А. И. Смирницкий, «не должно быть особой темой для лингвиста, так как совокупность синонимов не образует реальной группы, частной лексической системы лексики данного языка»⁴. Как видим, «объективные трудности, возникающие перед исследователем слова и его семантической структуры, приводят некоторых ученых к скептическим выводам о неизбежном субъективизме в определении синонимов или вообще о мнимости этой проблемы»⁵.

¹ Апресян Ю. Д. Новый объясн. словарь синонимов: концепция и типы информации. С. 60. Заметим, что в появившемся спустя два года первом выпуске данного словаря в составленном Ю. Д. Апресяном разделе «Лингвистическая терминология словаря», посвященном определению исходных понятий, дефиниция термина *синоним* отсутствует — при наличии таких, например, соотносительных с ним терминов, как *антоним*, *гипоним* и др. (см.: Новый объясн. словарь синонимов русского языка. Вып. 1. С. XVI–XXXIV). Если представить себе научную работу в виде корабля, то функцию его руля и ветрил должна играть система исходных определений. Не представляется понятным, как можно было приступить к составлению словаря синонимов, не имея ясного определения объекта описания.

² Уемов А. И. Проблема синонимов и современная логика. С. 37.

³ Звегинцев В. А. Теоретич. и прикладная лингвистика. М., 1968. С. 137. Ср.: Винокур Г. О. Проблемы культуры речи // Рус. язык в советской школе. 1929. № 5. С. 85.

⁴ Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956. С. 202.

⁵ Смолина С. П. Типы синонимических отношений в русском литературном языке второй половины XVIII в. М., 1977. С. 14.

2. Отрицание субституции ведет к непреодолимым сложностям в разведении родовидовых отношений и идеографической синонимии. Ю. Д. Апресян по поводу критериев разграничения гипонимии и синонимии безапелляционно констатирует: «Мы такими критериями пока не располагаем»¹. Думается, однако, что следует принять во внимание позицию тех ученых, которые считают взаимозаменяемость эффективным приемом отграничения синонимов «от сравнительно близких по значению, но все же несинонимичных слов»², в частности от гипонимов³. Поясним сказанное на конкретном языковом материале. К примеру, если определить слово *пост* как ‘ответственная должность’, то дифференцирующей частью для значений слов *пост* и *должность* будет сема ‘ответственная’. В некоторых контекстах, «в тех случаях, где речевая ситуация нейтральна (все равно, какое слово ряда употребить)»⁴, эта сема нейтрализуется, ср.: 1) *должность медсестры, переводчика, секретаря-референта, дворника* / **пост медсестры, переводчика, секретаря-референта, дворника*; 2) *должность министра* / *пост министра* → *должность* ≈ *пост*. Слова *пост* и *должность* синонимически сближаются лишь во втором случае, что характерно для идеографической (частичной, неточной, семантической, понятийной, квази-) синонимии. Для идеографических синонимов всегда можно найти такие контексты, где они: 1) подобно гипонимам, не взаимозаменяемы; 2) в отличие от гипонимов, взаимозаменяемы. Д. Н. Шмелев определяет идеографические синонимы как «слова, несовпадающими семантическими признаками которых являются только такие признаки, которые могут устойчиво нейтрализоваться в определенных позициях. Чем больше таких позиций, тем выше степень синонимичности соответствующих слов, тем чаще осуществима их взаимозаменяемость»⁵.

Отказ от использования экспериментальных методов и приемов (дистрибутивного и трансформационного анализа, субституции и др.)

¹ Апресян Ю. Д. Новый объяснительный словарь синонимов. С. 71.

² Шанский Н. М. Рец. на кн.: В. Н. Клюева. Краткий словарь синонимов русского языка. М., 1956 // Рус. язык в шк. 1957. № 4. С. 113.

³ Васильев Л. М. Современная лингвистич. семантика. М., 1990. С. 130.

⁴ Толикина Е. Н. Синонимы или дублиеты? // Исследования по русской терминологии. М., 1971. С. 83.

⁵ Шмелев Д. Н. Проблемы семант. анализа лексики. М., 1973. С. 130.

характерен для филологов, которые в своих изысканиях «руководствуются исключительно языковым чутьем, интуицией»¹ и, соответственно, получают результаты весьма сомнительной научной ценности.

Синонимичность номинативных единиц определяется не просто «близостью значений» и не наличием «общей части значений» (Ю. Д. Апресян) — с этой точки зрения понятие синонимии становится неопределимым, — а возможностью нейтрализации дифференцирующей части вне зависимости от ее качественных или количественных параметров, причем формальным признаком такой нейтрализации (и, следовательно, критерием синонимичности) является взаимозаменяемость единиц хотя бы в некоторых контекстах, т. е. «частичная взаимозаменяемость»². Абсолютно права О. Л. Каменская, утверждая, что «слова являются синонимами, если существуют такие контексты, в которых эти слова имеют тождественные значения» и «в которых эти слова могут заменять друг друга без изменения смысла контекста»³. С этой точки зрения синонимы можно определить как номинативные единицы, в определенных контекстах способные использоваться как тождественные по значению.

* * *

В основе трансформационного анализа лежит очень давно замеченная идея синтаксической и лексико-синтаксической синонимии. Так, метафора, по определению Квинтилиана (I в. н. э.), представляет собой «сокращенное сравнение»⁴; с другой стороны, еще Деметрий Фалерский (III в. до н. э.) указал на то, что сравнение «есть развернутая метафора (μεταφορά πλεονάζουσα)»⁵, т. е. сравнение и метафора находятся в отношениях: 1) синонимии; 2) взаимной производности, ср.: *ответила, как ножом отрезала* ↔ *Нет молока, — сердито отрезала старуха* (А. И. Куприн). Отдельные наблюдения, касающиеся синтак-

¹ Бережан С. Г. О критериях синонимичности в лексике // Филол. науки. 1967. № 4. С. 52.

² Апресян Ю. Д. Проблема синонима // Вопросы языкознания. 1957. № 6. С. 86 и 87.

³ Каменская О. Л. Некоторые вопросы лексич. синонимии. С. 67.

⁴ M. Fabii Quintiliani Institutionis oratoriae libri duodecim. Vol. II. Lipsiae, 1854. P. 76.

⁵ Δημητρίου Φαληρέως περί Ερμηνείας. Glasgae, 1743. P. 64.

сической синонимии, в частности «варьирования синтаксической конструкции», находим в знаменитом трактате Эразма Роттердамского (1469—1536) «О двойном богатстве слов и <приемов выражения> мыслей», ср.: *Ты мне снился ↔ Тебя во сне я видел; Рабство хуже смерти ↔ Рабство хуже, чем смерть*¹.

К идее синтаксической и лексико-синтаксической синонимии близок МЕТАФРАСИС [греч. *μετάφρασις* ‘парафраз’], под которым, в соответствии со старинной традицией, принято понимать: 1) замену слова смысловым эквивалентом: а) словом: «так, через метафрасис *детенышей льва зовут росинками* (δρόσους); б) перифразой, в частности «с целью пояснения (declaratio): *появиться на свет* вм. *родиться, уйти из жизни* вм. *умереть, in profundo movetur* ‘в глубину движется’ вм. *погружается*»; 2) перевод текста на другой язык («in aliam linguam»), расширение или сокращение («nunc prolixiora, nunc breviora»), переделка в ином жанре, форме или стиле: возвышение или снижение («nuncque efficere grandiora, nunc humiliora»), «изложение стихотворного текста в прозаической форме или наоборот, например переложение императрицей Евдокией [V в., Византия. — В. М.] Ветхого завета (Octateuchum) героическим стихом [т. е. гекзаметром. — В. М.]», и другие трансформации «с сохранением того же смысла»². Начиная с Античности метафрасис входит в число обязательных риторических упражнений.

Как вид трансформации традиционно определялись МЕТАПЛАЗМЫ [греч. *μεταπλασμός* ‘переделка’] — приемы переделки звукового или графического облика слова. Так, грамматик IV в. Диомед определяет их следующим образом: «Metaplasma est transformatio quaedam recti solutique sermonis in alteram speciem metri aut decoris causa figurata» ‘Метаплазм есть трансформация правильной прозаической речи ради ее метризации или фигурного украшения»³. Данные приемы служат, в частности: 1) устранению артикуляционного неблагозвучия в устной речи: *прово[лк]а* (синкопа), прост. *Митрий* вм. *Дмитрий* (аферезис);

¹ De duplici copia verborum ac rerum D. Erasmi Roterodami Commentarii duo. Lugduni, 1534. P. 51.

² Marci Fabii Quintilianii de oratoria institutione libri XII. Parisiis, 1725. P. 659–660; Capperonnerius C. Nota 15 (Ibid).

³ Flavii Sospatri Charisii Artis grammaticae libri V. Diomedis Artis grammaticae libri III. Ex Charisii Arte grammatica excerpta. / Ex rec. H. Keilii. Lipsiae, 1857. P. 440.

2) созданию ритма в стихотворной речи (на правах как метрической вольности): *И ночи пламно-ледяные* (И. Северянин). Для запоминания названий метаплазмов средневековые филологи использовали эти стихи:

Prosthesis apponit capiti, sed *aphaeresis* aufert.
Syncopa de medio tollit, sed *epenthesis* addit.
Abstrahit *apocope* fine, sed dat *paragoge*.
Constringit *crasis*, distracta *diuresis* effert.
Litera si legitur transposita *metathesis* exit.
Antithesis dices tibi litera si varietur.

Протеза начало добавит — уберет *афerezис*.
Синкопа середины лишит — *эпентеза* добавит.
Апокопа срежет концовку — но даст *парагога*.
Сожмет слово *красис* — *диереза* разделит.
Местами ты буквы меняешь — *метатеза* выходит.
Заменишь ты букву одну — *антитезу* получишь.

В соответствии со схемой, которая была предложена анонимным автором «Риторики к Гереннию» (ок. 85 до н. э.), метаплазмы членятся на четыре категории: а) метаплазмы *сокращения* (изъятия, уменьшения); б) метаплазмы *увеличения* (добавления); в) метаплазмы *перестановки*; г) метаплазмы *замещения*. Греческий ритор и историк Дионисий Галикарнасский (вторая половина 1 в. до н. э.) выделял три типа метаплазмов (в его терминологии — *μετασκευή*, «альтернации»): 1) афerezис — убавление звуков; 2) простекис (*προσθήκη*) — добавление; 3) аллойозис — перестановка¹.

По аналогии с классификацией метаплазмов все фигуры речи также членились на три-четыре разряда: 1) фигуры сокращения, или убавления (включающие различные типы эллипсиса); 2) фигуры добавления (к которым относят виды повтора и амплификации); 3) фигуры перестановки (например, эллипсис) и (реже) 4) фигуры замещения (например, синонимическая замена). Данная схема, уже без упоминания «Риторики к Гереннию», активно эксплуатировалась в античных и средневековых риториках², а также в филологи-

¹ Dionysii Halicarnassensis De compositione verborum / Ed. G. H. Schaefer. Lipsiae, 1808. P. 86.

² См. разбор истории вопроса: Desbordes F. Le schéma «addition, soustraction, mutation, métathèse» dans les textes anciens // Histoire, Epistemologie, Langage. Vol. 5. 1983. Fasc. 1. L'ellipse grammaticale. P. 24 et al.

ческих трактатах Нового времени. Так, аббаты французского монастыря Пор-Рояль Антуан Арно и Клод Лансло в знаменитом трактате «Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля» (1660) в главе о синтаксисе отмечают, что одна и та же мысль может быть выражена, благодаря фигурам речи, в разной форме: 1) с убавлением слов; 2) с их добавлением; 3) с «изменением естественного порядка слов»¹.

Как видим, идея преобразования одних языковых единиц в другие не была чужда языковедам прошлых эпох; как следует из приведенных выше фактов, именно они подготовили почву для появления метода трансформационного анализа. Вместе с тем системное развитие и оформление в виде отдельного направления в лингвистике данная идея получила лишь в середине XX в., начиная с публикаций американского лингвиста Наума Хомского (род. 1928), который, основываясь на идеях грамматики Пор-Рояля, предложил различать в синтаксисе две системы: 1) систему имплицитных «глубинных» смысловых структур, «отражающих форму мысли»; 2) систему выражающих эти смысловые структуры «поверхностных структур». Поверхностные структуры, выражающие одну смысловую структуру, связаны посредством процедур («трансформаций») убавления, добавления, перестановки, замещения и «изменения формы»².

4.2. Дистрибутивный анализ

Дистрибуция может быть определена как «совокупность окружений, в которых данная единица встречается в речи, или совокупность “совместных встречаемостей” данной единицы с одноименными

¹ Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. М., 1990. С. 209–212.

² Chomsky N. Cartesian linguistics: A Chapter in the History of Rationalist Thought. Ed. 3. Cambridge Univ. Press, 2009. P. 79–84. А. Арно, как и многие ученые той эпохи, был картезианцем, т. е. сторонником философии Рене Декарта (лат. Renatus Cartesius, 1596–1650). Считается, что грамматика Пор-Рояля написана под влиянием идей Р. Декарта, отсюда название книги Н. Хомского.

единицами»¹, т. е. единицами того же языкового уровня. Дистрибутивный анализ основан на изучении типовых контекстуальных окружений (т. е. дистрибуции) анализируемой единицы, что позволяет судить о ее свойствах.

Данная процедура применяется, в частности, в следующих целях.

1. Для выявления лексико-семантических вариантов слова. Так, анализ синтаксической сочетаемости глагола *говорить* приводит нас к выводу о том, что данный глагол полисемичен и может использоваться в следующих значениях:

- а) 'владеть языком, уметь говорить', например: *Ребенок уже говорит, Я не говорю по-французски* (глагол используется абсолютно, т. е. с нулевым управлением);
- б) 'вести беседу', например: *говорить с товарищем о том о сем* (модель управления *с кем о чем / о ком*);
- в) 'сообщить', например: *Он мне уже говорил об этом, Он мне говорит неправду* (управление *кому что о ком / о чем* или с союзом *что*).

Лексико-семантические варианты глагола *говорить* встречаются в принципиально разнородных, как бы «дополняющих» друг друга контекстах, т. е. находятся в отношениях дополнительной дистрибуции, или дополнительного распределения.

2. Для построения лексических классов, в частности лексико-семантических групп, синонимических рядов, а также семантических полей². В качестве примера для наблюдения построим лексико-семантическую группу глаголов руководства:

Руководить (аспирантами, дипломниками, кружком, наступлением войск, рабочим движением, хозяйством, лабораторией, отделом, учреждением, заводом, министерством, вузом, страной), устар. *руководствовать*; об административной деятельности: *управлять* (страной, государством, заводом, производством, имением, хозяйством), прост. *заворачивать* (заводом), устар. *начальствовать* (отрядом каза-

¹ Степанов Ю. С. Принципы и методы современной лингвистики. М., 1975. С. 203.

² В отличие от лексико-семантических групп и синонимических рядов, семантические поля объединяют лексику различной частеречной принадлежности.

ков); отвечая за какой-л. участок работы: *ведать* (снабжением, хозяйственной частью); организацией или ее частью: *заведовать* (магазином, клубом, библиотекой, лабораторией, поликлиникой, складом, отделом, кафедрой), армейским подразделением: *командовать* (отделением, взводом, ротой, полком), музыкальным коллективом: *дирижировать* (оркестром, хором, джазом), держа в своей власти: *владеть* (Смелым Бог владеет, а пьяным черт качает); о монархе: *повелевать* (подданными, народом, страной), *править* (народом, царством, королевством, государством), высок. властвовать; о хозяине, начальнике: *распоряжаться* (имением, людьми), прост. *заправлять* (хозяйством); по своему усмотрению, произволу: *располагать* (своим имуществом), высок. *вершить* (судьбами, делами) и *двигать* (людскими судьбами), неодобр. *манипулировать*, разг. *вертеть* (мужем, поклонниками), *ворочать* (делами, дивизией), *крутить* и *помыкать* — кем, чем.

Как видим, данные глаголы образуют группу номинативных единиц, сходных: 1) по смыслу; 2) по своим дистрибутивным особенностям, поскольку обладают: а) типовой лексической сочетаемостью, причем различия в сочетаемости обусловлены смысловыми различиями номинативных единиц; б) единой моделью управления. Такие лексические группы именуется дистрибутивно-семантическими классами. Характер дистрибутивно-семантических классов нередко принимают и синонимические ряды, ср.:

- а) *разбираться* (в музыке), *знать толк*, *ориентироваться* (в делопроизводстве), *понимать*, разг. *соображать* (в технике), *собаку съесть*, прост. *петрить* — в чем;
- б) *опытный*, *искушенный* (в политике), *осведомленный* (в самых разных вопросах), *сведущий*, разг. *сильный* (силен в математике) — в чем;
- в) *знаток*, *эксперт* (в менеджменте), перен. *ас*, прост. *дока*, *мастак* и *спец* — в чем;
- г) *не понимать*, *не разбираться*, *не смыслить* (ни бельмеса), разг. *не соображать*, прост. *не петрить*, *не тянуть* — в чем;
- д) *ни бе ни ме*, *ни бум-бум*, *ни в зуб ногой*, *ни уха ни рыла* — в чем;
- е) *несведущий* (в бухгалтерии, в делопроизводстве, в морском деле), разг. *слабый* (слаб в науке), *неосведомленный* (в вопросах искусства), *невежественный* — в чем;

ж) *невежда* (в физике, в технике, в вопросах искусства), *профан* (в математике, в музыке), о начинающих: *новичок* (в каком-л. деле), усилит. *младенец* (в науке) — в чем.

Общность смысла и дистрибутивных характеристик дает нам возможность объединить данные синонимические ряды в семантическое поле «Знание. Компетентность».

Ю. Д. Апресян отмечает: «Идея о том, что единицы языка, классы единиц и связи между единицами могут быть определены исключительно через их окружение, т. е., говоря словами Ф. де Соссюра, через их отношения к другим единицам того же порядка, и составляют существо дистрибутивного подхода к языку»¹. Как видим, дистрибутивный анализ может быть полезен при выявлении связей не только между единицами языка, но и между классами единиц, в частности между синонимическими рядами.

Итак, методика построения лексико-семантических групп, синонимических рядов и семантических полей предполагает учет: 1) семантики группируемых слов; 2) их дистрибутивных особенностей: а) лексической сочетаемости; б) моделей управления.

3. Для проверки правильности построения лексических классов. Рассмотрим с этой точки зрения словарную статью «Мелкие части, малые доли предмета» (Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 2. М., 1998. С. 575). В нее включены следующие слова: *брызги, горошинка, долька, заноза, зерно, искра, кроха, крошка, крупа, крупинка, крупница, прах, пушинка, слеза и частица*. Используя иллюстративные примеры, приведенные в указанной статье, произведем дистрибутивный анализ данного класса:

Брызги (разбитого стекла, расколотого камня), *горошинка* (черного перца, бисера, бус, града), *долька* (груши, яблока, дыни), *заноза* (засадить, вытащить занозу), *зерно* (жемчуга, икры, бисера, золота в кварце, гравия), *искра* (разбитого стекла, фейерверка), *кроха* (хлеба), *крошка* (табака), *крупа* (истолочь камень в крупу), *крупинка* (соли, снега, мака, дождя, пота), *крупница* (соли, снега), *прах* (Клубится прах

¹ Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966. С. 47.

из-под копыт), *пушинка* (снега), *слеза* (сыр со слезой, слеза на срезе ствола), *частица* (вещества, песка, пыли, гари, пепла).

Если полагать, что все единицы данного лексического класса должны обладать не только единой семантикой ('малая часть, доля предмета'), но и единой моделью синтаксической сочетаемости (с формой родительного падежа), то из указанного класса целесообразно исключить слова *заноза*, *крупна*, *прах* и *слеза*.

Проанализируем с использованием этой же процедуры словарную статью «Глаголы управления» (Толковый идеографический словарь русских глаголов / под ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1997. С. 58–62). В нее включены, в частности, следующие слова: *властвовать*, *возглавлять*, *дирижировать*, *заведовать*, *заказывать*, *назначать*, *отстранять*, *переводить*, *поручать*, *править*, *руководить*, *увольнять*, *управлять* и др. Дистрибутивный анализ данного лексического ряда показывает крайнюю его разнородность: а) *властвовать*, *дирижировать*, *заведовать*, *править*, *руководить*, *управлять* — кем, чем; б) *возглавлять* (ср. *вести кружок*, *отдел писем в редакции*) — кого, что; в) *заказывать* (ср. *забронировать*) — что где (например, номер в гостинице); г) *назначать* (ср. *делать*, *ставить*) — кого кем; д) *отстранять* (ср. *освободить*, *отрешить*) — кого от чего (например, от должности); е) *переводить* (ср. *перебросить*) — кого куда (на другую должность, работу); ж) *поручать* — кому что или с инф.; з) *увольнять* (ср. *выгнать*, *выжить*, разг. *уйти*) — кого откуда (например, из института). Как видим, многие глаголы из этого перечня если и связаны с идеей руководства, то очень косвенно.

4.2.1. Сочетаемостный анализ

Сочетаемостный анализ представляет собой вид дистрибутивного анализа, состоящий в сопоставлении комбинаторных возможностей и предпочтений языковых единиц. Так, если мы сопоставим комбинаторные предпочтения корней *чит(ать)*, *пляс(ать)* и *агит(ировать)* в отношении суффиксов *-атель*, *-ец*, *-ун* и *-атор*, то придем к выводу, что в русском языке существуют ограничения на соединение единиц (не только морфем, но и слов, графем) разноязычного происхождения, особенно соединение освоенных языком единиц с единицами неосвоенными (т. е. варваризмами). Нарочитое нарушение этого ограниче-

ния дает острый эффект, лежащий в основе макаронического стиля [лат. *dictio macaronica*, итал. *lingua maccheronica* ‘гибридный язык’ < *maccheroni* ‘макаронны’]. Создателем этой техники считается монах Теофило Фоленго из Мантуи, написавший исполненную вульгарного юмора приключенческую поэму, которая появилась в 1517 г. под заголовком «Merlini Cossaii poetæ mantuani macaronices libri XVII» ‘17 макаронических книг мантуанского поэта Мерлина Коккая’. Поэма написана гекзаметром. Приведем фрагмент третьей ее главы в русском переводе Сергея Ошерова:

Квази во всех городах эст один обычай антиквус:
Друг контра друга идут легионес мальчишек и бьются
Камнибус; а из-за них интер взрослых случаются свары.
Я не видебам еще, чтобы столько сшибал желудорум
С дуба мужик, лаборандо шестом иль увесистой палкой,
Ежели даре он хочет свиньям прожорливым корму,
Сколько видере я мог кáмней, кум свисто летящих...

Сочетаемостный анализ применяется, в частности, в следующих целях.

1. Для выявления значений полисемичной единицы. Так, анализ тематических серий лексической сочетаемости глагола *говорить* приводит к выявлению следующих двух его значений: а) ‘свидетельствовать о чем-л.’: *ранняя седина (круги под глазами, следы на песке, высокая температура* и т. д.) *говорят о чем-л.*; б) ‘предсказывать что-л.’: *интуиция (предчувствие, материнское сердце* и т. д.) *говорит кому-л. о чем-л.*

Джозеф Гринберг (1915—2001) предупреждает об ошибочности распространенного мнения о том, будто бы «каждой новой дистрибуции соответствует новое значение»: в этом случае придется *ad absurdum* признать, что «если в английском языке появляется новое имя существительное, принимающее морфему множественного числа *-s*, то эта морфема меняет свое значение, поскольку она расширила свою дистрибуцию»¹.

2. Для выявления дифференциальных сем, различающих значения идеографических синонимов (т. е. слов, находящихся в отношениях

¹ Greenberg J. H. Rev.: Language change and linguistic reconstruction. Henry M. Hoenigswald. Chicago: University of Chicago Press, 1960. viii, 168 pp. // American Anthropologist. Vol. 62. 1960. P. 1109–1110.

частичной взаимозаменяемости). Данная методика применяется при компонентном анализе в наиболее сложных его случаях, когда не могут помочь ни интуиция (т. е. языковое чутье) исследователя, ни анализ словарных дефиниций. Ее алгоритм включает следующие этапы:

- а) Подбор всех возможных вариантов сочетаемости для анализируемых единиц.
- б) Выявление случаев дополнительной дистрибуции, т. е. вариантов сочетаемости, возможных для одной единицы, но абсолютно невозможных или сомнительных для другой, ср., например:

Анализируемое слово	Варианты лексической сочетаемости						
	<i>спрыгнуть</i>	<i>с лошади</i>	<i>со ступеньки</i>	<i>с крыльца</i>	<i>с самолета</i>	<i>с обрыва</i>	<i>со скалы</i>
<i>соскочить</i>	+	+	+	–	–	–	+

Моменты дополнительной дистрибуции сигнализируют о том, что «должны быть некоторые тонкие различия лексических значений, которые и создают различия в сочетаемости», а также о том, что перед нами «не <просто> синонимы, а квазисинонимы»¹.

- в) Вывод, поясняющий ограничения на сочетаемость, например: «Спрыгнуть можно с чего угодно, однако соскочить можно только с невысокого предмета».
- г) Выявление архисемы, дифференциальной семы (сем) и параметра сравнения:

Анализируемое слово	Архисема	Дифференциальная семы	Параметр сравнения
<i>спрыгнуть</i>	‘спуститься прыжком’	–	высота объекта или исходной точки движения
<i>соскочить</i>		‘с чего-л. не очень высокого’	

¹ Lyons J. Linguistic Semantics: An Introduction. Cambridge Univ. Press, 2002. P. 62.

Проиллюстрируем использование данной методики еще на нескольких примерах:

1) *должность* и *пост*:

а) анализ лексической сочетаемости:

Анализируемое слово	Варианты лексической сочетаемости						
	<i>должность</i>	<i>директора</i>	<i>президента</i>	<i>министра</i>	<i>секретаря</i>	<i>медсестры</i>	<i>вахтера</i>
<i>пост</i>	+	+	+	-	-	-	+

б) вывод: *пост* представляет собой высокую, ответственную должность, связанную с управлением, администрированием:

Анализируемое слово	Архисема	Дифференциальная сема	Параметр сравнения
<i>должность</i>	'служебное положение'	-	общественная значимость
<i>пост</i>		'ответственное'	

2) *рыть* и *копать*:

а) анализ лексической сочетаемости:

Анализируемое слово	Варианты лексической сочетаемости						
	<i>роет</i>	<i>рабочий</i>	<i>землекоп</i>	<i>экскаватор</i>	<i>лиса</i>	<i>крот</i>	<i>мышь</i>
<i>копает</i>	+	+	+	-	-	-	-

б) вывод: *рыть* можно без применения специальных средств, *копать* же — только с помощью каких-либо специальных инструментов или машин, а значит *рыть* может и человек, и животное, а *копать* — только человек:

Анализируемое слово	Архисема	Дифференциальная сема	Параметр сравнения
<i>рыть</i>	'разрыхляя, отваливать землю, грунт'	-	способ
<i>копать</i>		'с помощью специальных инструментов или машин'	

3. Для уточнения словарных дефиниций. В «Словаре синонимов русского языка» К. С. Горбачевича (М., 2012. С. 207) читаем:

КОПАТЬ — РЫТЬ. Вынимая, отваливая землю, делать углубление.

С учетом результатов проведенного выше анализа данную словарную статью целесообразно переделать следующим образом:

РЫТЬ — вынимая, отваливая землю, делать углубление (*рыть землю когтями, лапами, рылом, руками, лопатой*); с помощью специальных инструментов или машин: КОПАТЬ (*копать котлован*).

Л. П. Крысин подметил неточность, допущенную в следующей словарной статье:

Стукнуть. 4. <...> || *безл., кому*. Минуть, исполниться (о годах) (Словарь русского языка: В 4 т. Т. 4 / Ред. А. П. Евгеньева. М., 1988. С. 295).

Ограничения на лексическую сочетаемость (**Младенцу стукнуло полтора года*) свидетельствуют о том, что глагол *стукнуть* «в норме употребляется только с такими числительными или количественно-именными группами, которые обозначают пожилой или средний возраст (*Ей стукнуло восемьдесят; Моему сыну уже сорок лет стукнуло*)», причем это ограничение можно нарушить «только в шутку... (дед, обращаясь к внуку-первокласснику: — *Ну, и сколько же тебе лет стукнуло?*)»¹. С учетом данного наблюдения приведенную выше словарную дефиницию следует перестроить:

Стукнуть. *безл., кому*. Минуть, исполниться (о пожилом или среднем возрасте).

4. Для преодоления тавтологических кругов в толковых словарях. Так, в «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (Т. 4. М., 1988. С. 333, 364 и 373) находим такие определения: а) «Навить. 1. Намотать»; б) «Намотать. 1. Навить, накрутить на что-л.»; в) «Накрутить. 1. Намотать, обвивая вокруг чего-л.». Как видим, определения содержат тавтологический круг, а значит не могут помочь выяснению

¹ Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях. Очерки о рус. лексике и лексикографии. М., 2008. С. 115.

различий и условий точного употребления толкуемых слов. Произведем сочетаемостный анализ:

Анализируемое слово	Варианты лексической сочетаемости						
	<i>намотать</i>	<i>нитку на катушку</i>	<i>трос на барабан</i>	<i>водоросли на винт</i>	<i>полотенце на голову</i>	<i>шарф на шею</i>	<i>портянку на ногу</i>
<i>навить</i>	+	+	—	—	—	—	—

Вывод: намотать можно беспорядочно, навить — упорядоченно, спиралеобразно. Трансформационный анализ говорит о том, что намазывание, в отличие от навивания, может быть спонтанным, неуправляемым: *Винт наматал траву и водоросли.* ↔ *На винт наматало траву и водоросли.* Обобщим данные, полученные в ходе эксперимента, в следующей таблице:

Анализируемое слово	Архисема	Дифференциальная сема	Параметр сравнения
<i>намотать</i>	‘расположить вокруг чего-л.’	‘беспорядочно’	характер расположения
<i>навить</i>		‘упорядоченно, спиралеобразно’	

Считается, что наиболее оптимальным объектом компонентного анализа являются единицы «четких закрытых систем: термины родства, наименование воинских званий», применение же его «к другим, более открытым системам вызывает ряд затруднений»¹. На самом деле основную сложность в использовании компонентного анализа представляет поиск ближайшего родового и ближайшего видового понятий. Эту задачу помогают решить дефиниционный и сочетаемостный анализ.

* * *

Техника, понятийный аппарат («свободное чередование», «контрастная дистрибуция», «дополнительная дистрибуция») и терминология дистрибутивного анализа были разработаны в фонологии. Так, фонемы /г/ и /г'/ в междометиях *ого*, *угу*, *ага* и др. находятся в отноше-

¹ Долгих Н. Г. О трех направлениях в разработке метода компонентного анализа // Филол. науки. 1974. № 2. С. 109–110.

ниях свободного чередования, фонемы /a/ и /o/ — в отношениях контрастной дистрибуции (поскольку, попадая в тождественное фонетическое окружение, они могут служить контрастному противопоставлению звуковых оболочек слов, ср. *сан* и *сон*), аллофоны [ʌ] и [o] фонемы /o/ — в отношениях дополнительной дистрибуции.

Американский лингвист и антрополог Моррис Сводеш (1909—1967), в 1934 г. разработавший основы этой техники, поясняет, что «два сходных типа звуков» («подтипы одной фонемы»), находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции, встречаются в разных «фонетических окружениях»¹. Здесь точности ради заметим, что соотношение подтипов одной фонемы, например /o/, можно рассмотреть и в терминах позиционного анализа: так, аллофон [ʌ] встречается только в первой предупредительной позиции, аллофон [o] — только в ударной, ср. *в[ʌ]ды́* и *в[o]ды́*. Именно поэтому принято различать два типа вариантов фонем: 1) комбинаторные, т. е. дистрибутивно обусловленные: так, фрикативный [ɣ] известен литературному языку, в частности, «как результат <ассимилятивного> озвончения»², например в контекстах типа *За одного битого двух небитых [ɣ д]ают*; в подобных случаях звук [ɣ] выступает в статусе комбинаторного варианта фонемы [x]; 2) позиционные, т. е. обусловленные местом, занимаемым в слове. Разъясняя понятие дистрибуции, М. Сводеш (работа которого появилась за пятнадцать лет до разработки метода позиционного анализа) отмечает, что «фонема ɲ в английском встречается только после гласных или между гласными и никогда — в начале слова»³. И в этом случае речь идет не только о дистрибутивных характеристиках фонемы, но и о позиционных. Л. Блумфилд в книге, вышедшей за год до статьи М. Сводеша, анализируя дистрибуцию звуков [i] и [u], пишет, что они «употребляются как неслоговые <в позиции> до и после гласных»⁴. Как видим, в фонологии (уже традиционно) не вполне четко различаются техники дистрибутивного и позиционного анализа.

¹ Swadesh M. The phonemic principle // *Readings in Linguistics* / Ed. E. P. Hamp. Univ. of Chicago Press, 1995. P. 15.

² Пеньковский А. Б. О некоторых закономерностях усвоения орфоэпич. норм (г смычное и ɣ фрикативное) // *Вопросы культуры речи*. Вып. 8. М., 1967. С. 61.

³ Swadesh M. The phonemic principle. P. 17.

⁴ Bloomfield L. *Language*. London, 1994 [1933]. P. 123.

З. Харрис, уже применительно к языку в целом, определяет дистрибуцию как «расположение (arrangement) одних единиц в потоке речи относительно других»¹. Эта нечеткость отражена и в современных трактовках, ср.: «Под дистрибуцией понимают *сумму всех окружений*, в которых встречается тот или иной языковой элемент (фонема, морфема, слово и т. д.), *т. е. сумму всех возможных позиций* [курсив наш. — В. М.] элемента относительно других элементов того же уровня, его сочетаемость»². Понятие окружения (т. е. дистрибуции) явно отождествляется с понятием позиции. Л. М. Васильев как вид *дистрибуции* трактует «порядок компонентов текста, т. е. *позицию* [курсив наш. — В. М.] языковой единицы в составе более сложной единицы»³. При таком подходе дистрибутивный анализ отождествляется с позиционным.

Здесь же заметим, что контрастная дистрибуция традиционно определяется как «характеризующая все нетождественные по своей функции единицы, выступающие в одной и той же позиции»; такую дистрибуцию имеют, в частности, «словоформы *берет, раскрывает, читает* и др. в синтаксическом окружении *Ученик ... книгу* и т. д.»⁴. Очевидно, однако, то, что в отношениях контраста находятся единицы, способные заменять друг друга в данном окружении, а не само окружение данных единиц (т. е. «при установлении контрастных дистрибуций имеются в виду не столько синтагматические, сколько парадигматические свойства элементов»⁵). В этой связи возникает вопрос о соотношении понятий субституции и дистрибутивного анализа. Как показано выше, дистрибутивное окружение для субституции — величина аналитически иррелевантная, поэтому относить данный прием к технике дистрибутивного анализа нецелесообразно. Думается, прав Н. Хомский, который (не вступая в дискуссию со своим учителем З. Харрисом, который придерживался иной точки зрения) использует субституцию как процедуру трансформационного анализа.

¹ Harris Z. S. <Methods in> Structural Linguistics. The Univ. of Chicago Press, 1963 [1951]. P. 5.

² Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике. М., 1991. С. 40.

³ Васильев Л. М. Методы современной лингвистики. Изд-во Башкир. ун-та, 1997. С. 30.

⁴ Васильев Л. М. Методы современной лингвистики. С. 28.

⁵ Шаховский В. И., Шейгал. Е. И. Методика лингвистических исследований. 2-е изд. Волгоград, 2010. С. 37.

Глава 5

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДИКИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Все аналитические процедуры в соответствии с их назначением и общим характером их механизма целесообразно подразделить на два типа:

1. Используемые для разработки новых классификаций и концепций или коррекции, доработки старых, уже существующих: а) АСПЕКТНЫЕ МЕТОДЫ (позиционный, количественный, уровневый, функциональный, тематический и мотивационный анализ); б) ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ (трансформационный и дистрибутивный анализ). Процедуры данного типа принадлежат к числу ЭВРИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ, которые «нацелены на открытие»¹, предполагают «творческое воображение» и направлены на «творческий поиск», т. е. на решение тех задач, «для которых формальный математический [в нашем случае — лингвистический. — В. М.] алгоритм, способ решения неизвестен»².

2. Используемые для описания изучаемого языкового объекта по апробированной аналитической схеме, приводящей к предсказуемому результату; таковыми являются, в частности, нормативный, коннотемный, интертекстуальный анализ, концепт-анализ и др. Приведем одну из предлагаемых схем интертекстуального анализа:

«1) выявление эстетических сигналов “чужого” в рассматриваемом тексте; 2) определение их статуса; 3) систематизация; 4) анализ многоаспектных связей с текстом-источником; 5) изучение возможных смысловых трансформаций и функций в исследуемом тексте»³.

¹ Trumbull M. Qualitative research methods // Integrating Quantitative and Qualitative Methods in Research / Ed. G. R. Taylor. Univ. Press of America, 2005. P. 110.

² Зиновкина М. М., Гареев Р. Т., Горев П. М., Утемов В. В. Научное творчество. Киров, 2013. С. 5.

³ Шаховский В. И., Шейгал. Е. И. Методика лингвистических исследований. 2-е изд. Волгоград, 2010. С. 107.

Степень адекватности процедур данного типа напрямую зависит от точности концепций, которые стоят за такими схемами: так, адекватность интертекстуального анализа зависит от того, сколько фигур интертекста учитывает данная схема: одну (цитирование в широком смысле) или ряд: а) различные виды и тактики цитирования; б) аппликацию; в) различные виды аллюзии; г) парафраз, в частности травестирирование¹.

Многие из таких схем (фонетический, морфемный, словообразовательный, морфологический, лексический, стилистический анализ, синтаксический разбор, лингвистический анализ текста и др.) используются в школьной и вузовской практике преподавания языка, т. е. в прикладной лингвистике, и к числу эвристических, а значит научно-исследовательских методов, не принадлежат. Возникает вопрос, как их квалифицировать.

Если под методом понимать систему эвристических приемов, а под методикой — алгоритм исследования, то все перечисленные выше схемы лингвистического анализа имеют характер методик². Ниже представлены, разобраны и теоретически доработаны некоторые из аналитических схем, применяемых в современной науке о языке.

5.1. Нормативный анализ

Как известно, по отношению к литературной норме национальный язык членится на следующие подсистемы, или формы существования: 1) литературный язык — часть национального языка, находящаяся в сфере действия норм; 2) нелитературные формы национального языка, находящиеся вне сферы действия норм: а) просторечие (т. е. речь малограмотного населения); б) речь определенных социальных групп: жаргоны, народная речь (т. е. речь социальных низов) и производный от нее фольклор, детская речь; в) территориальные диалекты.

Итак, сфера действия литературной нормы в национальном языке ограничена: 1) социально (т. е. охватывает не все социальные слои и

¹ См.: Москвин В. П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. 2-е изд. М., 2013.

² Так, В. И. Кодухов (Общее языкознание. М., 1974. С. 216) относит морфемный, словообразовательный и этимологический анализ к числу методик.

группы населения); 2) территориально (т. е. охватывает не все территории). Нормы литературного языка как один из объектов языковой политики сохраняются и охраняются государством и потому относительно стабильны, благодаря чему литературный язык сохраняет единство: 1) в социальном и территориальном пространстве; 2) во времени. Вместе с тем литературный язык постоянно развивается, его номинативные и выразительные ресурсы постоянно пополняются за счет следующих двух источников¹.

1. За счет возможностей самого литературного языка: И. Северянин образовал ныне общеизвестное слово *бездарь*, Н. М. Карамзин придумал слово *промышленность*, В. Хлебников — слово *летчик*; стали крылатыми, пополнив русскую фразеологию, многие выражения из басен И. А. Крылова: *а воз и ныне там*; *а Васька слушает да ест*. Имена создателей тысяч других удачных номинативно-выразительных нововведений (слов, фразеологизмов, синтаксических конструкций и т. д.) нам неизвестны.

2. За счет заимствований: а) внешних (из других языков): *спикер*, *брокер*, *маркетинг*; б) внутренних (из просторечия, жаргонов, диалектов — т. е. из нелитературных сфер собственного национального языка): прост. *крыша поехала*, *с приветом*, *дóбит* (еще полвека назад этот акцентный вариант, позволяющий развести омонимичные формы императива и изъявительного наклонения 2 л. мн., считался просторечным). Мощным источником грубо-экспрессивных заимствований литературного языка являются жаргоны: уголовный (*амба*, *беспредел*, *засыпаться*, *липовый*, *манатки*, *подначивать*, *темнить*, *слабо*), матросский (*дрейфить*), речь рыбаков (*сматывать удочки*, *сматываться*), извозчиков (*артачиться*). «Отрываясь от жаргона, такие единицы теряют свой экспрессивный аромат, т. е. мотив обращения к ним, и со временем могут стать просто принадлежностью литературного стандарта»². Этот путь прошли, к примеру, такие ныне стилистически нейтральные слова, как глагол *двурушничать* (первоначально: ‘собрать милостыню в обе руки’), заимствованный в XIX в. из жаргона нищих, а также прилагательное *закадычный*, «по происхождению, несо-

¹ Ср.: Крысин Л. П. Современная норма и ее кодификация // Рус. язык в шк. 2002. № 1. С. 84.

² Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой массмедиа. СПб., 1999. С. 79.

мненно, арготическое, из лексикона пропойц»¹, ср. жарг. *залить за кадык* 'выпить'.

Возникает вопрос о том, насколько открытую систему представляет собой литературный язык по отношению к внутренним заимствованиям, т. е. о степени проницаемости границ между литературной и нелитературными формами национального языка.

Как известно, не все выражения, появляющиеся в национальном языке, попадают в литературный язык. Одно из важнейших свойств литературной нормы — избирательность по отношению к появляющимся в речи номинативным и прочим новшествам, которые в этом случае оцениваются как достойные либо недостойные пополнить систему литературного языка (эту функцию нормы называют селективной).

Норма выполняет две основные функции: унифицирующую и селективную. Селективный характер нормы предполагает «оценочный (аксиологический) подход к языковым фактам»²: «одним она открывает свободный путь, другим дает ограниченные возможности действия, третьим решительно преграждает дорогу»³. Таким образом, норма «выполняет роль своеобразного языкового фильтра»⁴. Рассмотрим критерии оценки языковых фактов с точки зрения литературной нормы. Использование таких критериев составляет процедуру нормативного анализа⁵.

1. Соответствие с и с т е м е языка, т. е. «словарю и грамматике»⁶. Асистемные явления воспринимаются как противоречащие норме. Так,

¹ Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Изд-во Киев. ун-та, 1957. С. 393.

² Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. На материале современного русского языка. Л., 1978. С. 46.

³ Гельгардт Р. Р. О языковой норме // Вопросы культуры речи. Вып. № 3. М., 1961. С. 23.

⁴ Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. С. 26.

⁵ В. И. Кодухов (Общее языкознание. М., 1974. С. 218 и 226) использует громоздкие термины «нормативно-стилистический метод-аспект», «прием нормативно-стилевой характеристики», «методика нормативно-стилевого приема», сводя данную процедуру к «опоре на систему стилистических помет», т. е. ограничивая ее проверкой анализируемого материала на кодифицированность.

⁶ Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. С. 26.

выражение *нажать на курок* ‘нажать на спусковой крючок, выстрелить’ не соответствует месту слова *курок* (‘молоточек, наносящий удар по капсюлю’) в парциальной группе «Огнестрельное оружие».

2. Соответствие у з у с у [лат. *usus* ‘использование’], т. е. общепринятой современной речевой практике: *хочешь*, а не *хотишь*, *выборы*, а не *выборá*. Вместе с тем «языковая норма — не статистическое явление, ибо распространенной и часто повторяющейся в языке может быть и ошибка»¹: *недоумённый* вм. лит. *недоумённый*, *включит* вм. лит. *включит*. Ф. П. Филин пишет: «Большая употребительность того или иного варианта далеко не всегда может быть достаточным основанием для того, чтобы считать этот вариант образцовым, единственно правильным. Во времена Пушкина литературным языком владел ничтожный процент населения, подавляющее большинство народа говорило на диалектах... Нормы, которые были установлены и освящены гением Пушкина, дали бы низкие статистические показатели (в смысле их распространенности в пушкинское время среди широких слоев населения), а между тем многие из них выжили и являются образцовыми и в настоящее время»². Отсюда — следующий критерий.

3. Авторитетность носителя языка, «который в своей речи употребляет данный вариант, а не другой»³. Для решения вопросов нормы следует обращаться «к наиболее авторитетным источникам прошлого и настоящего»; таковыми считаются лучшие образцы «художественной литературы, публицистики и прессы, научной и деловой речи. Грамматики и словари строятся в основном на данных, собираемых из этих источников, и подтверждаются примерами — цитатами из них»⁴. Как видим, «опора нормы — лишь некоторая часть узуса», ограниченная определенными социальными рамками⁵, поэтому норма иногда определяется как «принятые в общественно-

¹ Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974. С. 259.

² Филин Ф. П. Несколько слов о языковой норме и культуре речи // Вопросы культуры речи. Вып. 7. М., 1966. С. 20.

³ Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М., 1996. С. 36.

⁴ Истрина Е. С. Нормы литературного языка и культура речи. М.-Л., 1948. С. 27.

⁵ Ср.: Семенюк Н. Н. Норма // Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. М., 1970. С. 574–575.

речевой практике (в художественной литературе, в речи образованных людей, в сценической речи, на радио и т. п.) правила произношения, грамматике и словоупотребления»¹. Таким образом, «факт широкой распространенности варианта сам по себе служит лишь важным симптомом, но не доказательство его нормативности»², поскольку «норма определяется степенью употребления при условии авторитетности источника»³.

4. Соответствие литературной традиции. По определению Э. Косериу, норма «соответствует не тому, что “можно сказать” [т. е. системе. — В. М.], а тому, что уже “сказано” и что по традиции “говорится” в рассматриваемом обществе»⁴. Система русского языка позволяет сказать: «*Шли в новых полях, Встретились около депá*. Норма [точнее, традиция и узус. — В. М.] накладывает ограничения и требует, чтобы формы слов *пальто, депо* оставались без изменений»⁵. С этой точки зрения норма определяется как «совокупность параметров, характеризующих границы речевых реализаций системы»⁶. Узус и традиция — два измерения речевой практики: синхронное (узус: «так сейчас говорят») и диахронное (традиция: «так говорили всегда»)⁷.

5. Кодифицированность. Одним из признаков нормативности языкового явления выступает «общественное одобрение и признание... Наиболее эксплицитной и “объективированной” формой такого одобрения является кодификация»⁸, поэтому нормой иногда называют «употребление, рекомендованное грамматикой, словарем, справочни-

¹ Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974. С. 287.

² Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978. С. 44.

³ Истрина Е. С. Нормы литературного языка и культура речи. С. 19.

⁴ Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 175.

⁵ Головин Б. Н. Как говорить правильно. Заметки о культуре рус. речи. М., 1988. С. 24.

⁶ Каспранский Р. Р. Понятие нормы и явление вариативности в теории реализации // Нормы реализации. Варьирование языковых средств. Горький, 1976. С. 7.

⁷ Филин Ф. П. Несколько слов о языковой норме и культуре речи. С. 17–18.

⁸ Семенюк Н. Н. Норма языковая // Лингвистич. энциклопедич. словарь. М., 1990. С. 338.

ком»¹. Норма консервативна: «Коль скоро она стоит на страже целостности и общепонятности литературного языка, то свойство консервативности ей совершенно необходимо»². Поэтому норма (а значит и кодификация) часто не совпадает с узусом:

«Консервативность языкового идеала неминуемо создает конфликты между грамматическим, произносительным или лексико-графическим сводом законодательных установлений и новыми явлениями, еще не узаконенными, но уже достаточно прочно укоренившимися в практике литературной речи. Поэтому в кодексах законов употребления литературного языка могут иметь место отдельные предписания и характеристики, настолько устарелые, что с ними почти никто не считается. Часто, несмотря на запреты и преграды, языковые факты могут получить столь широкое признание, что указания на их неправильность вызывают у многих носителей литературного языка только недоумение»³.

Л. П. Катлинская пишет: «Нам представляется не вполне оправданным упорство, с каким нормализаторы продолжают считать ошибкой *одеть* на месте *надеть*»⁴. Традиция сохраняет привычную сочетаемость этих глаголов (*одеть кого*, но *надеть что*), и именно традиция является здесь решающим фактором, т. е. фактором более важным, нежели бесспорная распространенность⁵ нелитературных употреблений типа *одел шапку*. В подобного рода случаях было бы «опротечиво целиком опираться лишь на степень употребляемости той или иной языковой формы. Ударение *кв́артал*, например, является весьма распространенным (статистически, возможно, и преобладающим).

¹ Ицкович В. А. Норма и ее кодификация // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970. С. 4.

² Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика. М., 2001. С. 40.

³ Гельгардт Р. Р. О языковой норме // Вопросы культуры речи. Вып. 3. М., 1961. С. 24.

⁴ Катлинская Л. П. Литературная норма и речевые ошибки // Рус. язык в нац. школе. 1976. № 6. С. 72.

⁵ См.: Цейтлин Р. М. Об одной старой ошибке в словоупотреблении (*надеть* и *одеть*) // Вопросы культуры речи. Вып. 4. М., 1963. С. 114–116; Еськова Н. А. На надоевшую тему о глаголах *одеть* и *надеть* // Русская речь. 2003. № 2. С. 42.

Однако литературная норма оберегает традиционный вариант *квартáл*»¹.

Считается, что традиция «составляет сердцевину литературной нормы»². Норма и кодификация часто отстают от узуса и потому носят преимущественно ретроспективный характер: «Включение в норму [т. е. в систему литературного языка. — В. М.] ненормированных явлений — дело времени, необходимого на преобразование стилистических традиций литературной речи», — справедливо полагает С. И. Ожегов³.

б. Коммуникативная целесообразность. Рассмотрим с точки зрения данного критерия заимствованные слова *спикер* и *эксцерпировать* (например, *примеры из текста*). Первое заимствование целесообразно, поскольку намного короче словосочетания *председатель нижней палаты парламента*, второе же не имеет никаких преимуществ по сравнению с глаголом *извлекать* и потому нецелесообразно.

Таковыми представляются основные критерии нормативности языковых фактов, т. е. их принадлежности к системе литературного языка. Факторами стабильности в этой системе выступают традиция и кодификация, двигателем изменений является признание коммуникативной целесообразности тех или иных новшеств.

Проанализируем по предложенному выше алгоритму несколько слов:

Анализируемое слово	Соответствие системе языка	Соответствие узусу	Авторитетность носителей	Соответствие литературной традиции	Кодифицированность	Коммуникативная целесообразность
<i>звóнит</i>	+	+	—	—	—	+
<i>огончаровать</i>	+	—	+	+	—	+
<i>приколоться</i>	+	+	—	—	—	+

¹ Горбачевич К. С. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971. С. 32.

² Граудина Л. К. Вопросы нормализации русского языка: Грамматика и варианты. М., 1980. С. 70.

³ Ожегов С. И. Лексика // Рус. язык и советское общество: Проспект. Алмата, 1967. С. 17.

Комментарий: акцентный вариант *звóнит* соответствует системе языка, поскольку существует немало глаголов на *-ить* с корневым ударением (*кúпит, нóсит* и др.), соответствует узусу (так говорят носители просторечия), он коммуникативно целесообразен, поскольку четко противопоставляет формы изъявительного (*звóните*) и повелительного (*звонíte*) наклонений. Вместе с тем этот акцентный вариант не используют авторитетные носители языка (а значит, он непрестижен), он не соответствует литературной традиции и не кодифицирован, а значит не соответствует литературной норме.

Глагол *огончаровать* не соответствует узусу, не кодифицирован, однако соответствует системе языка (ср. *очаровать, околдовать*) и коммуникативно целесообразен:

В далеком 1982 году профессор И. А. Дьяченко на конференции, проходившей в Киевском государственном институте иностранных языков, сказал доценту Киевского государственного педагогического института Наталье Николаевне Гончаровой: «*Я огончарован вашим докладом*».

Вспомним: *Я влюблен, я очарован, Словом, я огончарован* (А. С. Пушкин). Глагол соответствует литературной традиции, авторитетные носители языка знают это слово и даже, как видим, могут построить на нем интертекстуально насыщенную аллюзию.

Глагол *приколоться* соответствует системе языка (ср. жарг. *приблатниться*, прост. *придуриться* и др.), соответствует узусу (его активно используют в определенных кругах молодежи), ввиду своей выразительности он (в указанных кругах) коммуникативно целесообразен. Вместе с тем авторитетными носителями языка он не употребляется (дело в том, что данный глагол восходит к жаргону наркоманов, отсюда следует неутешительный вывод для лица, которое его использует), он не соответствует литературной традиции и не кодифицирован. Здесь заметим, что литературными могут быть признаны лишь те элементы жаргонной, просторечной и диалектной речи, которые прошли этап освоения литературным языком, в частности этап кодификации, например *ряшка* ‘лицо’ (от обл. *ряшка* ‘ведерко, шайка’), жарг. *бабки* ‘деньги’, прост. *нализаться*. В этой связи принято говорить, например, о литературном и нелитературном просторечии.

5.2. Лингвистический анализ текста

Существует немало методик анализа текста, разнообразие которых обусловлено варьированием не только целей анализа, но и подходов к трактовке понятия ‘текст’: ведь «даже такой простой вопрос: что есть текст? — не дает простого ответа, но немедленно ведет нас в чрезвычайное разнообразие теоретических подходов к лингвистике текста и к дискурс-анализу»¹. Как видим, разработка методики (т. е. системы параметров) лингвистического анализа текста затруднена отсутствием непротиворечивого определения термина *текст*. Такое определение, согласно правилам составления дефиниции, в качестве неперемennого условия его адекватности предполагает предварительное выявление двух понятий: ближайшего родового и ближайшего видового².

М. М. Бахтин подчеркивает: «Нужно уметь выделить предмет изучения и правильно его отграничить так, чтобы этим отграничением не оторвать его от существенных для него связей с другими объектами связей, вне которых и сам он становится непонятным»³. Между тем, как будет показано ниже, понятие текста изучается специалистами в отрыве от ближайших таксономически связанных с ним понятий, что нарушает правила анализа понятия (см. разделы «Оппозитивный анализ» и «Компонентный анализ»), тем самым делая попытки определения понятия ‘текст’ бесперспективными.

Как известно, в настоящее время «активно ведется поиск базовой единицы речи»⁴. Д. Хаймс в качестве таковой называет речевое событие (*speech event*), которое «может состоять из одного речевого акта, но часто включает несколько»⁵. Из этого определения следует, что простейшей единицей речевой коммуникации является речевой акт (РА) — фраза, используемая с определенной целью: констатиру-

¹ См. обзор: Titscher S., Jenner B. et al. *Methods of text and discourse analysis*. London, 2005. P. 3–52.

² См.: Москвин В. П. Понятие текста и критерии текстуальности // *Русская речь*. 2012. № 6. С. 37–48.

³ Медведев П. Н. *Формальный метод в литературоведении*. Georg Olms Verlag, 1928. С. 108.

⁴ Дементьев В. В. Изучение речевых жанров // *Вопросы языкознания*. 1997. № 1. С. 109.

⁵ Hymes D. *Foundations in Sociolinguistics*. London, 2003. P. 52.

вать факт, дать обещание, сделать предупреждение, задать вопрос, ответить на вопрос, отдать приказ (*Стой!* или *Смон!*) и т. д. По нашим наблюдениям, РА может являться единицей:

1. Несамостоятельной — как звено монолога или диалога, например:

— *Стой!* — закричал он кучеру, по колено в снегу подбегая к карете.

— Чего надо? — отозвался кучер. (*Л. Толстой. Два гусара.*)

Устная реплика адресанта *Стой!* вполне может быть замещена функционально эквивалентной ему надписью *STOP* на дорожном знаке, которая так же, как и устный директивный акт, предлагает адресату прекратить движение. Подобного рода надписи (*Выход*) и знаки (*Р* ‘Парковка’) бывают функционально эквивалентны ответам на актуальные для данной конситуации вопросы (*Где выход? Где парковка?*). Иногда такой ответ может быть полным:

Попадались почти смытые дождем вывески с кренделями и сапогами, кое-где с нарисованными синими брюками и подписью какого-то Аршавского портного; где магазин с картузами, фуражками и надписью: «Иностранец Василий Федоров»; где нарисован был бильярд с двумя игроками во фраках, в какие одеваются у нас на театрах гости, входящие в последнем акте на сцену. Игроки были изображены с прицелившимися киями, несколько вывороченными назад руками и косыми ногами, только что сделавшими на воздухе антраша. Под всем этим было написано: «*И вот заведение*». (Н. В. Гоголь.)

2. Самостоятельной, как, например, РА, лежащие в основе пословицы, поговорки, скороговорки, загадки, некоторых эпитафий, дразнилки, моностиха:

Большая хитрость в том, чтоб хитрость скрыть уметь.

Ив. Хемницер

Самостоятельный РА может быть развернут в более или менее обширный период, что наблюдаем на примере этого стихотворения М. Ю. Лермонтова:

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

Когда студень ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, —
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога.

Существует мнение, что текст способен состоять из одной фразы и даже одного слова. Думается, что статус текста приобретает лишь самостоятельный РА, вне зависимости от его протяженности. Если это так, то текст может быть определен как любое самостоятельное словесное произведение.

Невнимание к рассмотренной выше дихотомии приводит к отождествлению текста, в частности самостоятельного РА, либо с репликой (т. е. несамостоятельным РА), либо с ее функциональным эквивалентом. Так, Р. де Богранд и В. Дресслер пишут: «*STOP* — это текст, находящийся на дорожном знаке»¹; К. Уэйлз полагает, что «текст может состоять лишь из одного предложения или высказывания, как, например, надпись *Выход* или дорожный знак *STOP*»²; Г. Уиддоусон трактует дорожный знак «Р» ‘*Parking*’ как «однословный текст»³. В монографии В. Дресслера и Л. Барбарези читаем: «Дискурс может быть определен как ряд взаимосвязанных текстов. Размер текста не является критерием для его дефиниции, а значит он может варьировать от однословного восклицания до целой книги или от краткой реплики в разговоре до пространного высказывания. Разговор должен быть квалифицирован как дискурс, поскольку он состоит из двух или более взаимосвязанных *текстов* (т. е. *реплик*) [курсив наш. — В. М.]»⁴.

¹ De Beaugrande R., Dressler W. U. Introduction to text linguistics. London, 1981. P. 142.

² Wales K. A dictionary of stylistics. Ed. 2. Edinburgh, 2001. P. 390.

³ Widdowson H. G. Text, context, and pretext: critical issues in discourse analysis. Oxford, 2004. P. 7.

⁴ Dressler W. U., Barbaresi L. M. Morphopragmatics. Berlin & New York, 1994. P. 6.

Такое приравнивание имеет глубокие корни, ср.: «*Sensus enim verborum textus videtur esse hic: homines non pares sunt sustinendae irae divinae*» ‘Смысл сего **слов сплетенья** должно так разуметь: *Не все люди равно подвергнутся гневу Господнему*’¹. В этой же связи приведем следующее определение: «ТЕКСТ. 1. Рассуждение или сочинение, к которым написаны примечания либо комментариев. 2. Стих или выдержка из Писания, которые пастырь избирает как предмет рассуждения. 3. Любая выдержка из Писания, используемая как довод для доказательства какой-л. доктрины. 4. *Устар.* Евангелие»².

К пессимистическому выводу о «принципиальной неопределимости понятия ‘текст’»³ исследователей приводят не только неотделенность данного понятия от указанных выше смежных категорий, но и неясность категориального статуса признаков текста, относимых к разряду критериев текстуальности, а значит и параметров его анализа. В качестве таких критериев называют письменную форму, завершенность, связность, наличие заголовка, «целенаправленности и прагматической установки»⁴ и др. Е. С. Кубрякова, рассмотрев названные критерии текстуальности, отмечает: «Все выделенные здесь критериальные признаки текста (кроме последних) могут быть поставлены под сомнение и оспорены»⁵. Эти и некоторые иные свойства текста следует считать хотя и второстепенными по отношению к признаку ‘самостоятельность’, но тем не менее значимыми в классификационном отношении. Рассмотрим их с этой точки зрения.

1. Письменная форма: «Текст сам по себе — это слова на странице»⁶. С этим мнением связаны: а) трактовка текста как «основной части книги — без примечаний, комментария, глоссариев, указа-

¹ Prophetae majores ex recensione textus hebraei et versionum antiquarum latine versi notisque philologicis et criticis illustrati a Ioanne Augusto Dathio. Halae, 1831. P. 158.

² Webster N. An american dictionary of the English language. Ed. 3. New York, 1830. P. 833.

³ Halliday M. A. K. Language as social semiotic. London, 1978. P. 136.

⁴ Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистич. исследования. М., 1981. С. 17.

⁵ Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. М., 2001. С. 72.

⁶ Wimsatt W. K., Beardsley M. The Verbal Icon. Univ. Press of Kentucky, 1954. P. 18.

телей и приложений»¹; б) закрепление термина *текст* за письменной речью, термина *дискурс* — за устной²; в) вывод о том, что «текст — это запись дискурса»³. Получается (*ad absurdum*), что до появления письменности текстов не было. Однако в ту отдаленную эпоху тексты *устного* народного творчества («Илиада» и «Одиссея», «Калевала» и др.) по определению существовали только в *устной* форме. Вальтер Ong, критикуя трактовку текста как феномена исключительно письменной культуры, подчеркивает, что «формы устного творчества развивались на протяжении десятков тысяч лет до появления письменности и с письмом явно никак не связаны»⁴. С учетом данного факта все тексты по отношению к форме речи желательно подразделить на две категории: устные и письменные. Любой письменный текст может быть озвучен, любой устный — записан, в связи с чем Кэрл Пастернак предлагает различать текст письменный и записанный, ибо последний «наследует значимые элементы вокальности от своего устного прародителя», и «его читатель реконструирует голос автора»⁵, т. е. ритмику, интонации, паузы, темп, особенности произношения.

Более устойчивой представляется позиция ученых, полагающих, что «нельзя ограничивать идею грамотности печатаньем, а идею текста — письмом»⁶, что текст есть «артефакт из звуков или письменных знаков»⁷. Устный текст генетически первичен по отношению к письменному и, хотя в эпоху доминирования письменной речи этот факт

¹ Cuddon J. A., Preston C. A dictionary of literary terms & literary theory. Ed. 4. Oxford, 1998. P. 903.

² Например: Coulthard M. An Introduction to Discourse Analysis. London, 1985. P. 6; Titscher St., Jenner B. Methods of text and discourse analysis. London, 2000. P. 20.

³ Brown G., Yule G. Discourse analysis. Cambridge Univ. Press, 1983. P. 26.

⁴ Ong W. J. Orality and literacy: the technologizing of the word. London, 1982. P. 10.

⁵ Pasternack C. B. The textuality of Old English poetry. Cambridge Univ. Press, 1995. P. 2.

⁶ Searle L. Emerging questions: text and theory in contemporary criticism // Voice, text, hypertext: emerging practices in textual studies / Ed. R. Modiano, L. Searle & P. L. Shillingsburg. Univ. of Washington Press, 2004. P. 4.

⁷ De Beaugrande R. New foundations for a science of text and discourse. New Jersey, 1997. P. 13.

не выглядит очевидным, «литература произрастает именно из устного исполнения»¹.

2. Завершенность. Представление о трехчастной схеме и обязательной завершенности текста восходит к античной риторике, в которой вступление (*exordium*), основная часть (*narratio*) и концовка (*conclusio*) входили в число необходимых структурных частей ораторской речи. Вместе с тем еще В. М. Жирмунский отметил, что «одной художественной завершенностью еще не измеряются значительность и ценность поэтического произведения»². В некоторых случаях действительно можно говорить об эстетике, поэтике и риторике «намеренной незавершенности», ср.:

8 ВОЗРАЖЕНИЙ СВЕТЕ ЛИТВАК

[Набросок]

- 1)
- 2)
- 3)
- 4)
- 5)
- 6)
- 7)
- 8)

Г. Лукомников

3. Протяженность, в частности неоднофразовость: «Любой текст должен быть определен как последовательность предложений»³. Подобные трактовки: а) не согласуются с фактом существования малых жанров; б) приводят к осмыслению любого предложения как некой абстрактной (виртуальной) единицы, отвлеченной от реального (актуального) текста, ср.: «Текст есть АКТУАЛЬНАЯ СИСТЕМА, тогда как предложения являются элементами ВИРТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ»⁴. С этой точки зрения получается, что, к при-

¹ Ong W. J. The presence of the word. Yale Univ. Press, 1967. P. 19.

² Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. М., 1977. С. 133.

³ Adam J.-M. Éléments de linguistique textuelle. Liège, 1990. P. 123.

⁴ Beaugrande R. Text, discourse, and process. London, 1980. P. 11.

меру, моностих как текст актуален, а как предложение — виртуален. Поскольку данное утверждение противоречит логическому закону исключенного третьего, согласно которому истинно либо само утверждение, либо его отрицание, целесообразнее полагать, что по своему объему текст может «совпадать как с предложением, так и с целой книгой»¹.

4. Когерентность — смысловая согласованность (связность) частей, а значит наличие содержания, смысла и темы, отсюда определение когерентности как «темы, идеи, развязки, или смысла дискурса»². В трактате испанского теолога Св. Исидора Гиспалиса (570–636) читаем: «Речь произносимая подобна устам разума; говорить же означает беседовать и изрекать. Речь, однако, есть слов сплетенье со смыслом; текст же без смысла не есть речь, поскольку он не является гласом разума»³. Принято полагать, что текст представляет собою «схематическую модель мира», «мини-модель опыта»⁴. Однако все перечисленное (смысловую согласованность частей, смысл, содержание как «модель опыта») трудно найти в текстах, написанных в техниках нонсенса, зауми и гротеска, например в небылицах и перевертышах, ср.:

Рано утром, вечерком,	А за нею во всю прыть	Кто-то на небо взглянул —
Поздно на рассвете	Тихими шагами	Там землетрясенье,
Баба ехала верхом	Волк старался переплыть	Отчего-то кот чихнул, —
В нанковой карете.	Миску с пирогами.	Завтра воскресенье.

Ослабленная когерентность характерна для некоторых манипулятивных речевых стилей, в частности для тактики искусственной книжности, ср.:

«Числа» определяются с многочисленными повторами, в движении окольного пути. Благодаря чему они охватывают все речи, которые вы могли бы держать по их поводу. Избыточность подобных речей заранее потерпела бы поражение, была бы сведена на нет. Тем

¹ Ducrot O., Todorov Tz. Encyclopedic Dictionary of the Sciences of Language / Transl. C. Porter. John Hopkins Univ. Press, 1979. P. 294.

² Van Dijk T. A. Studies in the Pragmatics of Discourse. The Hague, 1981. P. 268.

³ S. Isidori Hispalensis episcopi hispaniarum doctoris opera omnia. Pomae, 1798. P. 12.

⁴ Köck W. Time and Text // Studies in text grammar. Dordrecht, 1973. P. 161 & 162.

самым «Числа» отмечают сами себя. 10 включает XI. Их имперфект выходит за пределы вашего будущего предшествующего.

Так что после этого долгого поворота циферблата вы снова вернулись к краеугольному камню, камню преткновения, дойдя до камня, который не является камнем, а чем-то, что будет заложено в форме граничного вопроса: почему это совсем иное перечисление, записанное с подобной отчетливостью, сохранится как нечто нерасшифровываемое? (*Ж. Деррида. Перебор*)

С учетом этих фактов нельзя принять без оговорок: а) определение текста как «ограниченной последовательности языковых элементов, обладающей когерентностью и определенной коммуникативной функцией»¹; б) позицию ученых, исходящих при построении модели понимания текста из постулата о том, что «смысловые элементы текста организованы в когерентное целое»². Получается, что тексты, написанные в инкогерентных стилевых техниках гротеска, нонсенса, зауми, искусственной книжности, текстами не являются.

Сложно бывает определить содержание и тему лирического стихотворения, а следовательно, и дать ему название. Соответственно дискуссионным становится и такой критерий текстуальности, как наличие заголовка.

5. Когезия, т. е. лексико-грамматическая связность, которая существует «там, где интерпретация одной единицы дискурса требует отсылки к другой его единице»³, и возникает за счет эксплуатации эллипсиса, замещений (например, местоименных: *Пошел снег. Касаясь земли, он таял*), союзов и союзных слов, лексических повторов, а также «коллокации» — взаимодействия синонимов или иных семантически, тематически или ассоциативно связанных наименований⁴. Вместе с тем идея межфразовой когезии, которую специалисты, в частности М. Холлидей и сторонники его концепции, кладут в

¹ Brinker K. *Linguistische Textanalyse: Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden*. Berlin, 1997. S. 15.

² Van Dijk T. A., Kintsch W. *Toward a Model of Text Comprehension and Production // Psychological Review*. Vol. 85. 1978. № 5. P. 363.

³ Halliday M. A. K., Hasan R. *Cohesion in English*. London, 1976. P. 11.

⁴ Halliday M. A. K. *An Introduction to Functional Grammar*. London, 1985. P. 288–289.

основу определения текста, противопоставляя «текст и собрание несвязанных предложений»¹, не может быть принята без трех существенных оговорок:

А. Данная идея неприменима к монофразовым текстам.

Б. Текст может быть нарочито бессвязен, как, например, знаменитое пятистишие кубофутуриста Алексея Крученых, написанное в технике зауми:

дыр бур щил
убещур
скум
вы со бу
р л эз

К данному произведению неприменимо понимание текста как «объединенной смысловой связью последовательности знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и целостность»². Пол де Мэн учит: «Не может быть текста без грамматики»³. В подтверждение тезиса о том, что к реальной речи и это утверждение не всегда приложимо, приведем стихотворение В. Шершеневича «Принцип поэтической грамматики» (1918):

Лечь — улицы. Сесть — палисадник.
Вскочить — небоскребы до звезд...
Отдираю леса и доски
С памятника завтрашних жить...

На этой же нарочито аграмматичной стилевой технике ломки синтаксиса основано стихотворение в прозе Б. Лившица «Люди в пейзаже» (1911):

1. Долгие о грусти ступаем стрелой. 2. Желудеют по канаусовым яблоням, в пепел оливковых запятых, узкие совы. 3. Черным об опочивших поцелуях медом пуст осьмигранник и коричневыми газетные астры. 4. Но тихие. 5. Ах, милый поэт, здесь любятя не безвременно, а к развеванным облакам! 6. Это правда: я уже сказал. 7. И еще более долгие, опеленные былым, гиацинтофоры декабря.

¹ Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. London, 1976. P. 26.

² Николаева Т. М. Текст // Языкознание. Большой энцикл. словарь. М., 1998. С. 507.

³ De Man P. Allegories of Reading. Yale Univ. Press, 1979. P. 269.

В. Наличие когезии не приводит к связности текста при отсутствии когерентности, на что указывает Бетти Бамберг, приводя в качестве довода следующий пример: «Я купила эту пишущую машинку в Нью-Йорке. Нью-Йорк — это большой город в США. Большие города часто имеют серьезные финансовые проблемы...»¹. Поэтому когезию следует считать формальным следствием когерентности, ее «языковым проявлением»².

6. Информативность, т. е. наличие новой для адресата информации. Этот параметр выводит за пределы текстуальности учебные тексты и народные песни как неинформативные или общеизвестные. Оценка таких песен как источника информации может иметь иронический оттенок, ср.:

— Держите себя в руках! Перестаньте петь! — обратился доктор к секретарю.

По всему было видно, что секретарь и сам бы отдал что угодно, чтобы перестать петь, да перестать-то он не мог и вместе с хором *дones до слуха прохожих в переулке весть о том, что в дебрях его не тронул прожорливый зверь и пуля стрелков не догнала!* (М. А. Булгаков).

Давно замечено, что тривиальность содержания текста бывает нарочитой:

Вот однажды один человек пошел на службу, да по дороге встретил другого человека, который, купив польский батон, направлялся к себе восвояси. Вот, собственно, и все. (Д. Хармс. Встреча.)

7. Принадлежность к определенному стилю и согласованность содержания с формой (стилем). Однако эти два требования нарушаются в бурлеске — конфликте между стилем текста и его темой.

8. Стереотипность — подчиненность определенной схеме, или, по Т. А. Ван Дейку, макроструктуре: «Только те последовательности

¹ Bamberg B. Assessing Coherence // Research in the Teaching of English. Vol. 18. 1984. № 3. P. 307.

² Morgan J., Sellner M. Discourse and Linguistic Theory // Theoretical Issues in Reading Comprehension. New Jersey, 1980. P. 25.

предложений, которые имеют макроструктуру, могут быть обозначены как тексты»¹. Данное определение представляется уязвимым по двум причинам: а) оно неприменимо к монофразовым жанрам; б) тексты, написанные в инкогерентных стилях, не всегда подчиняются стереотипам. Вместе с тем в большинстве случаев наша речь строится по определенным логико-тематическим схемам. Среди таких схем, или стереотипов, могут быть названы следующие: 1) речевой жанр — текстовый стереотип, «относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказывания»²; 2) композиция — порядок следования фрагментов речи либо речевого произведения. Здесь следует различать: а) план информационной трансмиссии; б) план информационной интеракции, который может быть назван речевым сценарием. Немецкий лингвист Зигфрид Шмидт предложил сходное понятие «коммуникативного гейма» — сложного речевого события, включающего не менее двух РА, охватывающего не менее двух коммуникантов и подчиняющегося определенной «программе» или «правилам игры»³. Речевой сценарий представляет собой схему организации ряда речевых событий, взаимосвязь которых обусловлена правилами двух типов: 1) этикетными: так, на вопрос *Как дела?* полагается дать ответ *Хорошо*, задать аналогичный вопрос и дождаться ответа; 2) процедурными, вводящими речевое поведение в рамки, необходимые для наиболее эффективного проведения сложного речевого события: а) официального: заседания суда, защиты диссертации, дипломатических переговоров; б) неофициального: свадебного застолья, теледебатов, ток-шоу. Для реализации таких сценариев необходимы распорядители, роль которых играют председатель собрания, спикер парламента, судья, тамада.

9. Наличие интертекстуальных связей. Так, Ю. Кристева определяет текст как «транслингвистический аппарат, перераспределяющий порядок языка путем соотношения речи, нацеленной на прямое информирование, с различными видами высказываний прошлого и современности», а значит текст «есть пермутация текстов, интер-

¹ Van Dijk T. A. Macrostructures: an interdisciplinary study of global structures in discourse, interaction & cognition. New York, 1980. P. 41.

² Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. С. 164.

³ Schmidt S. J. Texttheorie. Aufl. 2. München, 1976. S. 43–48.

текстуальность»¹, т. е. «любой текст строится как мозаика цитаций»². Однако среди таких «высказываний прошлого и современности» («цитаций») следует различать два типа: а) ассоциативно живые, т. е. сопряженные хотя бы у части носителей языка с именами конкретных авторов и конкретными текстами (коммемораты, крылатые слова, афоризмы, сентенции); б) ассоциативно мертвые, вошедшие в фонд «безымянной фразеологии»; в греко-латинской традиции такие выражения именуются *adespota* [греч. *αδελφότης*, букв. ‘без хозяина’]. Второй тип не способен создавать интертекстуальные связи, поэтому прав М. Риффатер, подчеркивая, что «интертекст есть корпус текстов, которые читатель может обоснованно соединить с находящимся перед его глазами»³. С этой точки зрения определение Ю. Кристевой не воспринимается как точное.

Аргументируя мысль об обязательной интертекстуальной подоплеке любого текста, Генрик Маркевич приводит слова римского комедиографа Публия Теренция Афры (195–159 до н. э.): «Nullum est iam dictum est, quod non dictum sit prius»⁴. Приведем контекст, из которого извлечены эти слова:

Явились власти. Пьеса начинается.
Кричит: «Да это кража! Не поэт, а вор.
Обманщик! Нас, однако, не обманет он.
У Невия и Плавта есть уж пьеса “Льстец”:
Украдены оттуда парасита роль
И воина хвастливого». Но если есть
Ошибка тут, поэт лишь по неведению
Ошибся, а не то чтобы украсть хотел.
Судите сами: есть и у Менандра «Льстец»,
В нем те же лица — лстивый парасит и с ним
Хвастливый воин. Спорить не приходится,
Оттуда перенес поэт их в «Евнуха»,
Из греческой комедии; но чтоб он знал,
Что это уж в латинских пьесах сделано
Другими, отрицает он решительно.
Но если те же роли брать ему нельзя,

¹ Kristeva J. Le texte du roman: approche sémiologique d'une structure discursive transformationnelle. Éd. 3-ième. La Haye, 1979. P. 12.

² Kristeva J. Σημειωτική. Recherches pour une sémanalyse. Paris, 1969. P. 85.

³ Riffaterre M. Syllepsis // Critical inquiry. Vol. 6. 1980. № 4. P. 626.

⁴ Markiewicz H. Odmiany intertekstualności // Ruch Literacki. Vol. XXIX. 1988. № 4–5. S. 246.

Так почему же более дозволено
На сцене выводить раба бегущего,
Матрону честную, гетер бессовестных,
Обжору-паразита рядом с воином
Хвастливым, или о детях подкинутых
Писать, о том, как старика хозяина
Обманывает раб, или описывать
Любовь и подозрения и ненависть?
В конце концов не скажешь ничего уж,
Что не было б другими раньше сказано.
И справедливость требует поэтому,
Чтоб дело рассмотрели вы старательно
И дали снисхожденье, если новые
Поэты то же делают, что прежние.

Теренций. Евнух.

Известны три источника межтекстовых связей: а) нарочитая отсылка к чужим текстам, реализуемая посредством специальных фигур (цитирования, аллюзии, аппликации, травестирования и др.); б) плагиат; в) случайные совпадения в сферах формы и содержания. Первый принадлежит ведению стилистики и риторики, второй — сфере авторского права, третий — сфере структурных, сюжетных и иных стереотипов. В пьесе Теренция речь идет о втором и третьем источниках, для текста же как предмета стилистики и риторики значим только первый. Поскольку не все тексты содержат сознательно примененные автором стилистически и риторически значимые межтекстовые отсылки, критерий интертекстуальности класть в основу определения текста нельзя.

10. Наличие речевого замысла, или коммуникативной функции: «Тексты возникают в специфических социальных ситуациях и конструируются со специфическими целями»¹. Функциональная классификация текстов как аргументирующих, информирующих и др. вполне возможна, но замысел лежит и в основе реплики: «В каждом высказывании — от однословной бытовой реплики до больших, сложных произведений науки или литературы — мы охватываем, понимаем, ощущаем речевой замысел или речевую волю говорящего, определяющую целое высказывание, его объем и его границы»².

¹ Kress G. *Linguistics Processes in Sociocultural Practice*. Oxford Univ. Press, 1985. P. 18.

² Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // *Собр. соч.*: в 7 т. Т. 5. М., 1996. С. 179.

11. Конситуативность, ситуативная обусловленность, или контекстуальность. Согласно этому критерию, «любой текст — т. е. все, что сказано или записано — разворачивается в определенном контексте его использования»¹. Еще одна конситуативная трактовка текста гласит: «Текст есть видимое свидетельство целенаправленной интеракции между писателем и читателем. Так, университетский учебник есть видимое свидетельство целенаправленной интеракции между преподавателем и студентом, в процессе которой преподаватель стремится представить состояние знаний в определенной науке таким образом, чтобы студент смог получить о ней связанное представление»². Однако конситуативен, в частности адресатоцентричен, и любой РА, так что и по этому критерию противопоставить текст и РА затруднительно.

Текст нередко определяется как дискурс, отвлеченный от конситуации, дискурс — как текст, погруженный в конситуацию³. Думается, что и дискурс, и текст конситуативны, но конситуативность текста отличается от конситуативности дискурса. В этой связи целесообразно различать два аспекта конситуативности текста.

А. Генетическую конситуативность, связанную с той коммуникативной ситуацией, которая вызвала создание текста. Рассмотрим с данной точки зрения следующее четверостишие:

Странник, мы жили когда-то в обильном водою Коринфе,
Ныне же нас Саламин, остров Аянта, хранит;
Здесь победили мы персов, мидян и суда финикийцев
И от неволи спасли земли Эллады святой.

Адресант этой эпитафии — греческий поэт Симонид Кеосский, адресаты — его соотечественники, предмет текста — Саламинская битва, интенция — увековечение памяти героев этого сражения, время создания эпитафии — греко-персидские войны (500—449 до н. э). Как видим, конситуативное комментирование текста способствует более адекватному его осмыслению. Именно в этом аспекте текст представляет собой не просто «последовательность написанных или произне-

¹ Halliday M. A. K. An Introduction to Functional Grammar. London, 1985. P. XIII.

² Hoey M. Textual interaction: an introduction to written discourse analysis. London, 2001 P. 11.

³ Hoey M. Patterns of lexis in text. Oxford Univ. Press, 1991. P. 211–212; Widdowson H. G. Text, context & pretext. P. 8, 13.

сенных слов», а «коммуникативное событие, в котором взаимодействуют языковое, когнитивное и социальное действия»¹.

Б. Актуальную конситуативность текста, связанную с ситуациями, в которых уместно его употребление (исполнение: чтение, декламация, пение, цитирование). Так, погружение текста приведенной эпитафии в актуальную ситуацию (например, в учебную ситуацию выразительного чтения или дискуссии о Саламинском сражении) превращает его в дискурс — «поведенческую единицу»², т. е. живое, конситуативно обусловленное и конситуативно зависимое речевое событие. Очевидно то, что любой дискурс, к примеру телефонный разговор, актуально конситуативен, однако далеко не всякий дискурс имеет перспективу генетической конситуативности.

Наборы критериев текстуальности варьируются от автора к автору. Так, Томас Хакин, еще раз подчеркивая то, что модель анализа текста обязательно должна включать конситуативный параметр, упрекает своих предшественников в том, что они не учитывают такой важный, с его точки зрения, критерий текстуальности, как «риторическая эффективность»³. Данный параметр трудно признать релевантным, в частности, в отношении официально-делового текста, например медицинской справки.

Робер де Богранд и Вольфганг Дресслер предлагают семь критериев текстуальности⁴: 1. Когезия — формальная взаимосвязь частей. 2. Когерентность — смысловая согласованность частей. Эти два критерия характеризуются авторами как «текстоцентрические (text-oriented)» (с. 21); их обычно объединяют в рамках категории связности текста. 3. Информативность — наличие новой для адресата информации. Данный критерий «связан с мерой, в которой события данного текста являются ожидаемыми / неожиданными или известными / неизвестными» (с. 8—9). 4. Интенциональность — наличие замысла. 5. Приемлемость (acceptability) — «признание данной словесной последова-

¹ Beaugrande R.-A. New foundations for a science of text and discourse. New Jersey, 1997. P. 10.

² Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. Oxford, 2003. P. 141.

³ Huckin Th. Context-sensitive text analysis // Methods & methodology in composition research. Southern Illinois Univ. Press, 1992. P. 85.

⁴ Beaugrande R.-A., Dressler W. Introduction to text linguistics. London & New York, 1981. P. 3—10.

тельности (given language configuration) ее адресатом как грамматически и семантически связного (cohesive and coherent) текста, способного к употреблению» (с. 7). Нидерландский филолог Ян Ренкема, анализируя эти три критерия текстуальности, отмечает, что «признание текста как интенционального, приемлемого и информативного зависит от адресата»¹; иначе говоря, данные три критерия субъективны, «адресатоцентричны (user-centered)». 6. Ситуативность — критерий, «связанный с факторами, которые делают текст уместным (relevant) по отношению к ситуации его использования» (с. 9). 7. Интертекстуальность. Последние два критерия трактуются как «социальные».

Авторы полагают, что «если хотя бы один из этих семи критериев не реализован, то текст не является коммуникативным, а значит не является текстом»². Однако, как было показано выше, нарушение критериев 1—3 и 7 не лишает словесное произведение статуса текста, критерии 4 и 6 не дают возможности отграничить текст от реплики. Пятый же критерий, по справедливому мнению Я. Ренкемы, имеет оттенок некоторого волюнтаризма. Так что если следовать схеме Р. де Богранда и В. Дресслера, то идея текста, по оценке Дж. Куллера, становится «столь радикальной и разрушительной, что этой идее не сможет соответствовать ни один реальный дискурс»³.

Анализ научной литературы приводит к заключению, что предметом теории текста является некий идеальный текст («*texte idéal*»⁴), «хорошо оформленный текст»⁵, «хорошо организованный текст»⁶ — письменное по форме, завершенное, неоднофразовое, логически и грамматически связное, осмысленное и семантически когерентное, информативное, озаглавленное, стилистически однородное речевое произведение, форма которого согласуется с содержанием. Этим крите-

¹ Renkema J. Introduction to discourse studies. Amsterdam, 2004. P. 51.

² Beaugrande R.-A., Dressler W. Introduction to text linguistics. London; New York, 1981. P. 5.

³ Culler J. D. The literary in theory. Stanford Univ. Press, 2007. P. 109.

⁴ Delcroix M., Hallyn F., Angelet Ch. Introduction aux études littéraires: méthodes du texte. Paris, 1987. P. 346.

⁵ Van Dijk T. A. Text grammar and Text logic // Studies in Text Grammar. Dordrecht, 1973. P. 20.

⁶ Eco U. The role of the reader: explorations in the semiotics of texts. Indiana Univ. Press, 1984. P. 8.

риям удовлетворяют лишь так называемые престижные тексты — «официальные, юридические, ритуальные, сакральные или поэтические»; престижный текст «высоко ценится как мощный социальный инструмент выражения и передачи важных культурных знаний»¹. Критерии текстуальности определяются через понятие идеального текста как некоей нормы; в результате за пределами «идеальной текстуальности» остаются как не соответствующие идеалу, «прототипу», «текстовой норме», «стандартам текстуальности» все тексты устные (т. е. весь фольклор), нарочито незавершенные, однофразовые, незаглавленные, а также написанные в стилевых техниках нонсенса, зауми, гротеска, бурлеска и др.

Думается, что адекватное осмысление текста диктует необходимость выделения среди его признаков: 1) одного системообразующего, обладающего статусом критерия текстуальности («самостоятельность»); 2) ряда характеризующих, которые представляются не критериями текстового статуса речевых событий, а параметрами их подразделения на устные и письменные, завершенные и незавершенные, краткие и пространные, монофразовые и полифразовые, интертекстуально обогащенные и не обладающие интертекстуальным потенциалом, стилистически единые и стилистически рассогласованные, связные и бессвязные, информативные и неинформативные, согласующие содержание с формой и не согласующие и др.

5.3. Стилистический анализ

Типовыми объектами стилистического анализа являются: 1) номинативные единицы (т. е. слова и устойчивые выражения); 2) тексты.

Стилистический анализ номинативной единицы связан с определением ее стилистической окраски, т. е. тех дополнительных к ее значению свойств, которые ограничивают возможности использования данной единицы в литературном языке «определенными сферами и условиями общения»². Существует две разновидности такой окраски.

¹ De Beaugrande R. New foundations for a science of text and discourse. New Jersey, 1997. P. 21.

² Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М., 1983. С. 33.

1. ЭКСПРЕССИВНАЯ ОКРАСКА, связанная с выражением эмоционально-оценочного отношения к предмету, ср.: а) нейтр. *лицо* ↑ высок. *лик* ↓ сниж. *физиономия*, шутол. *физиомордия*, прост. *рожа*, вульг. пренебр. *морда*, презр. *ряшка*, бран. *мурло*; б) нейтр. *умереть* ↑ высок. *угаснуть*, *уйти (от нас, в мир иной и т. д.)* ↓ сниж. *отдать концы*, прост. *окочуриться*, *сыграть в ящик*, вульг. прост. *сдохнуть (как собака)* и др. Во всех подобных случаях наблюдаем либо повышение, либо снижение стиля, зачастую черпающее выразительные средства из просторечия, диалектов, жаргонов, народной речи, фольклора (см. раздел «Нормативный анализ»). Экспрессивная окраска лексико-фразеологических единиц определяется в координатах трех тематических стилей, описанных нами выше (см. теорию трех стилей в разделе «Тематический анализ»¹).

2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ОКРАСКА связана с закрепленностью единицы за определенным функциональным стилем (см. раздел «Функциональный анализ»), ср.: офиц. *завизировать* (канцеляризм), спец. *дефиниция* (научный термин), книжн. *ланиты*, *очи*, *легкокрылые мечты* (поэтизмы художественной речи), публ. *астрономическая сумма*, *шоковая терапия* (газетные метафоры), разг. *маршрутка*, *зачетка*.

Экспрессивная и функциональная окраски могут совмещаться: так, просторечное выражение *сыграть в ящик* в экспрессивном отношении является, по сравнению со стилистически нейтральным словом *умереть*, грубовато-сниженным, а в функциональном — разговорным. Стилистическая окраска языковой единицы выявляется путем сопоставления с ее стилистически нейтральным (межстилевым) коррелятом, а также путем соотнесения с теми тематическими и функциональными стилями, в которых данная единица регулярно используется, не нарушая закон уместности. Стилистически нейтральное слово и его экспрессивно и функционально окрашенные корреляты образуют синонимический ряд, в котором доминантой является нейтральное слово.

Если соотнести системы функциональных и тематических стилей, то окажется, что языки для специальных целей, т. е. официально-деловая и научная речь, принадлежат сфере эмоционально

¹ Подробнее см.: Москвин В. П. К истокам теории трех стилей // Русская речь. 2012. № 2. С. 39–45.

нейтрального среднего стиля, публицистическая и художественная охватывают высокий, средний и сниженный стили, разговорная же речь, чуждаясь высокого, остается в пределах сниженного и нейтрального стилей:

Функциональные стили	Тематические стили		
	высокий	средний	сниженный
Официально-деловой	–	+	–
Научный	–	+	–
Публицистический	+	+	+
Художественный	+	+	+
Разговорный	–	+	+

Стилистический анализ текста включает следующие этапы:

1. Определение функционального стиля или подстиля, которому принадлежит текст.
2. Выявление стилевых доминант, получивших реализацию в данном тексте.
3. Выявление средств и приемов, которые служат выражению данных доминант¹.
4. Жанровая, в частности композиционная, характеристика текста.
5. Форма речи (письменная / устная), отношение данного текста к противоположной форме (например, для письменной формы — возможность трансформации в устную, т. е. произнесения: декламации, пения, зачитывания, сценической постановки и т. д.).

Справка 1. Речевой жанр [франц. *genre* ‘род’] — тип текста, характеризующийся определенными правилами: а) построения, а значит каждый жанр имеет свое композиционное устройство; б) словесного оформления, а значит каждый жанр имеет свой набор номинативно-выразительных средств и приемов, т. е. стилистическое устройство. Давно замечено, что каждый речевой жанр обладает определенной тематической и функциональной направленностью: так, басня связана с неким поучительным сюжетом, сонет — с изображением пере-

¹ См.: Москвин В. П. Стилистика русского языка. Ростов н/Д., 2006, раздел «Функциональные стили» (с. 557–623). Здесь исчислены доминанты каждого функционального стиля, каждой доминанте поставлены в соответствие приемы и средства ее выражения.

живаний лирического героя и т. д.; именно поэтому М. М. Бахтин определяет жанры как «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний»¹. Жанр представляет собой *абстрактный* образец, по которому строится конкретный текст, т. е. жанр виртуален, текст же реален. Наличие системы речевых жанров облегчает речевую деятельность носителя языка, укладывая ее в определенный ряд шаблонов говорения и таким образом как бы «подчиняя себе субъективную волю автора»². Жанры подразделяются на два типа: 1) первичные, основу которых составляет одна независимая речевая единица; такие жанры на правах автономных компонентов (подобно письму Татьяны Онегиной) могут быть вплетены в состав сложного речевого единства, например повести или романа; 2) вторичные, основу которых составляет ряд потенциально независимых речевых единиц.

Справка 2. Композиция [лат. *compositio verborum et orationis* ‘составление слов и речи’, калька греч. *σύνθεσις*] — членение речи и порядок следования выделенных частей. Квинтилиан относил к сфере композиции сочетаемость и порядок следования: а) звуков как источник благозвучия и неблагозвучия; б) ударных и безударных слогов как источник изотонического ритма; в) колонов в составе периода как источник синтаксического ритма, ибо «аритмия — знак невежества или варварства, ритмичность же поэтична и служит композиции»³. По Цицерону, «слова должны так сочетаться (*collocabuntur*), чтобы концовки предыдущих лучшим образом подходили к началу следующих инаиболее сладостные (*suavissimis*) созвучия создавали; чтобы форма и аранжировка (*concinnitas*) слов оптимально соответствовали их течению (*orbem*, букв. круговращению. — *В. М.*); и чтобы весь период (“оборот”) был ритмичен»⁴. Порядок следования звуков, сло-

¹ Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собр. соч.: в 7 т. М., 1996. Т. 5. С. 164.

² Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Михайлов А. В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика: Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 4.

³ М. Fabii Quintiliani Institutionis oratoriae libri duodecim. Vol. II. Lipsiae, 1854. P. 134.

⁴ М. Tullii Ciceronis opera. Vol. II. Ad Quintum fratrem dialogi tres De oratore. Biponti, 1780. P. 459.

гов, слов и колонов в составе периода образует микрокомпозицию речи (*collocatio, iunctura verborum, compositio verborum*), порядок следования более крупных, тематически релевантных текстовых блоков — ее макрокомпозицию (*compositio orationis*). Композиция и композиционный стиль речи определяются: 1) избранным текстообразующим приемом: так, текст может быть построен на антитезе (этот жанр в классической риторике именуется антитетон), на вопросно-ответном ходе (жанр катехизиса), на звуковой анафоре, ср.: *Четыре черненьких чумазеньких чертенка...* (жанр тавтограммы) и др.; 2) точкой зрения на предмет; отсюда два типа композиции: а) «естественная», т. е. отвечающая естественному ходу событий и используемая тогда, когда «ничто не мешает предмету» (композиционный стиль *ab ovo* ‘от яйца’); б) «искусственная» (композиционный стиль *in medias res* ‘с середины’, вспомним завязку романа Л. Толстого «Анна Каренина»: *Все смешалось в доме Облонских*). В повествовании композиция представляет собой определенную схему изложения событий (сюжет), ибо «всякий рассказ — это структура, навязанная событиям и определенным образом их группирующая»². Аристид, рассматривая феномен речевой экономии, отмечает, что с ней «связаны композиция (*τάξις*) и предсказуемость речи»³.

Рассмотрим механизм стилистического анализа на примере следующего текста:

Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучали, и я с той поры все мечтаю о вас да о небе. Престолы природы, с которых как дым улетают громовые тучи, кто раз лишь на ваших вершинах творцу помолился, тот жизнь презирает, хотя в то мгновенье гордился он ею!..

М. Ю. Лермонтов. Синие горы Кавказа, приветствую вас!

Данный текст принадлежит художественному стилю. Стилевыми доминантами данного стиля являются изобразительность содержания

¹ Curii Fortunatiani Consulti Artis rhetoricae scholicae // Antiqui rhetores latini. Argentorati, 1756. P. 89.

² Danto A. C. Analytical philosophy of history. Cambridge, 1965. P. 132.

³ Αριστείδου Τεχνων ρητορικων // Rhet. graeci / Em. Ch. Walz. Vol. 9. Stuttgartiae, 1836. P. 443.

и эстетичность формы. Обе доминанты получили реализацию в данном тексте. Поставим в соответствие каждой доминанте приемы и средства ее выражения¹:

1. Изобразительность содержания достигается, в частности, за счет использования:

- а) дескрипции, тип созданного данной фигурой художественного образа — пейзаж, средства выражения — тематическая цепочка *горы, хребты, облака, небо, престолы природы, тучи и вершины*; а также эпитеты сенсорного содержания *синие* и *громовые*;
- б) сравнений и метафор («словесных образов»), в частности олицетворения:

Синие горы Кавказа, *приветствую вас!* [приветствовать, в прямом смысле этого слова, можно только человека] вы *взлелеяли* [олицетворение] детство мое; вы *носили* меня на своих *одичалых хребтах* [метафора, основанная на сравнении с конем], облаками меня *одевали* [олицетворение], вы к небу меня *приучали* [олицетворение], и я с той поры все мечтаю *о вас да о небе* [синойкиозис]. *Престолы* природы [метафора, основанная на сравнении природы с царем], с которых *как дым* [сравнение] улетают *громовые тучи*, кто раз лишь на ваших вершинах творцу помолился, тот жизнь презирает, хотя в то мгновенье гордился он ею!..

Справка: синойкиозис [греч. *συνοικείωσις* ‘связывание’] — неожиданное сравнение, реализуемое в сочинительной конструкции; «соединение разнородных понятий, противоречащее общему мнению и здравому смыслу»²: ***Мот и скупец друг другу сродни: что имеют, не ценят*** (Стихи о фигурах красноречия). Синойкиозис может выражать сарказм: ***Еще один великий слепой выискался — Паниковский! Гомер, Мильтон и Паниковский! Теплая компания!*** (И. Ильф, Е. Петров). Эта фигура усиливается при использовании параллелизма: ***Церковь построена при Алексее Михайловиче, перестроена при Анне Иоанновне, разграблена при Владимире Ильиче и взорвана***

¹ Такие средства и приемы описаны и систематизированы в кн.: Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Терминологический словарь. 3-е изд. Ростов н/Д., 2007. 944 с.

² Rutilii Lupi P. De figuris sententiarum et elocutionis libri duo. Leiden, 1768. P. 115.

при *Иосифе Виссарионовиче* (В. Шендерович). Синойкиозис использует склонность человеческого сознания к сравнению смежных предметов: «Два каких-либо куска, поставленные рядом, неминуемо соединяются в новое представление, возникающее из этого сопоставления как новое качество»¹.

2. Эстетичность формы достигается, в частности, использованием:
 - а) изоколона (в нашем случае — симметричного синтаксического членения речевой единицы), придающего тексту форму трех ритмических периодов, первый из которых состоит из двух, второй и третий — из пяти колонов;
 - б) изотонической ритмизации (т. е. симметричного чередования ударных и безударных слогов), что придает анализируемому тексту форму, а значит и звучание так называемой ритмической прозы [греч. *ρυθμιζόμενον*, англ. *metrical prose*]:

Синие горы Кавказа, | приветствую вас! || вы взлелеяли детство мое; | вы носили меня на своих одичалых хребтах, | облаками меня одевали, | вы к небу меня приучали, | и я с той поры все мечтаю о вас да о небе. || Престолы природы, | с которых как дым улетают громовые тучи, | кто раз лишь на ваших вершинах творцу помолился, | тот жизнь презирает, | хотя в то мгновенье гордился он ею!..

Ритмические структуры принято делить на нисходящие (дактиль, хорей) и восходящие (анapest, ямб, амфибрахий); первые минорны, вторые мажорны по эмоциональной окраске. Нисходящий метр (дактиль) придает тексту эмоциональную минорность.

По своей жанровой принадлежности данный текст представляет собой энкомий, т. е. хвалебную речь [греч. *εγκώμιον* ‘восхваление’]. Жанровыми средствами энкомия являются преувеличение и гипербла, гротескно-гиперболические метафоры (*вы носили меня на своих одичалых хребтах; престолы природы, кто раз лишь на ваших вершинах творцу помолился, тот жизнь презирает*) и сравнения (*мечтаю о вас да о небе*), риторические обращения (*Синие горы Кавказа, приветствую вас!*) вопросы и восклицания (*...хотя в то мгновенье гордился он ею!..*), хвалебные эпитеты, а также возвышенность и торжественность речи, отсюда особенности микрокомпозиции: а) пространность периодов, т. е. монументальность стиля (см. раздел «Количественный ана-

¹ Эйзенштейн С. М. Избр. статьи. М., 1956. С. 253.

лиз»); б) гипозевксис (лексико-синтаксический повтор как фигура пространной речи): *вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах*, [третье «вы» пропущено явно из ритмических соображений. — В. М.] *облаками меня одевали, вы к небу меня приучали* (замена перечислением ведет к снижению стиля), ср.: *вы взлелеяли детство мое, носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, к небу меня приучали*; в) использование долгого метра — дактиля, который, в отличие от быстрых хорей и ямба, трехсложен, а потому гораздо более приспособлен для торжественно-замедленного темпа речи. Еще Деметрий Фалерский отметил, что пространность периодов и долгий метр — примета высокого, торжественного стиля, ср.:

Видит Зевс, я хотел бы у женщин спросить и сначала ответа добиться:
Для чего же Акрополь вы взяли тогда и закрыли засовами входы?

(Аристофан. Лисистрата)

Макрокомпозиция текста соответствует его жанровой принадлежности:

Синие горы Кавказа, приветствую вас! [*обращение*] вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучали, и я с той поры все мечтаю о вас да о небе. [*перечисление заслуг*] Престолы природы, с которых как дым улетают громовые тучи, кто раз лишь на ваших вершинах творцу помолился, тот жизнь презирает, хотя в то мгновенье гордился он ею!.. [*похвала*]

Как видим, интенция похвалы образует замысел текста, а значит является его стратегической, системообразующей, текстообразующей доминантой; все остальные приемы функционально подчинены этой стратегии, т. е. играют роль тактических шагов.

По своей форме текст является письменным, однако риторическая направленность жанра предполагает возможность декламации, выразительного чтения данного текста, а значит необходимость предварительного продумывания системы пауз, интонаций, тембра и других средств вокалики, которая «включает все несловесные сигналы, передаваемые посредством голоса»¹ и создающие особый паравербальный стиль.

¹ 21st century communication: a reference handbook / Ed. W. F. Eadie. Vol. 1. London, 2009. P. 245.

5.4. Коннотемный анализ

Коннотация [лат. *connotatio* ‘добавочное значение’], в одном из значений данного термина, может быть определена как ассоциативный признак оценочно-характеризующего (т. е. «эмотивного или аффективного») типа, «добавочный к прямому значению слова»¹. На основе коннотаций «слово регулярно метафоризируется, включается в сравнения, участвует в словообразовании»². Рассмотрим с этой точки зрения коннотации слова *осел*:

Анализируемое слово	Коннотация	Проявления коннотации		
		Дериваты		Сравнения
		Аффиксальные	Метафорические	
<i>осел</i>	‘глупый’	<i>ослить</i>	<i>Он настоящий осел</i>	<i>глуп, как осел</i>
	‘упрямый’	—	—	<i>упрям, как осел</i>
<i>лиса</i>	‘хитрая’	<i>лисить</i>	<i>Она настоящая лиса</i>	<i>хитра, как лиса</i>
<i>пух</i>	‘легкий’	<i>пушистые (волосы)</i>	—	<i>легкий, как пух</i>

По нашим наблюдениям, типовые коннотации закреплены также:

- 1) в фольклоре: пословицах, поговорках, дразнилках, частушках, сказках, загадках:

Учитель вызывает меня. Он говорит:

— Ответь, только быстро: *что тяжелей — пуд пуха или пуд железа?*

Не видя в этом подвоха, я, не подумав, отвечаю:

— Пуд железа.

Кругом хохот. (М. Зощенко. Пуд железа.)

- 2) в литературных текстах: *Осел останется ослом, Хотя осыпь его звездами; Где должно действовать умом, Он только хлопает ушами* (Г. Р. Державин. Вельможа). Ср.: *Осел мой глупостью в пословицу вошел* (И. А. Крылов. Осел) и др.

¹ Lyons J. Semantics. Vol. 1. Cambridge Univ. Press, 1977. P. 176.

² Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1995. С. 67–68.

Наличием сравнений, аффиксальных и метафорических дериватов, а также текстов, которые реализуют данную коннотацию, подтверждается ее языковая реальность. Коннотемный анализ слова состоит в выявлении языковых средств и текстов, реализующих коннотацию слова. Коннотемный анализ не следует отождествлять с компонентным анализом. Дело в том, что коннотации не входят в структуру значения слова, а «лежат за пределами смыслового ядра»¹, «окружая его подобно силовому полю» и образуя импликационал, т. е. ассоциативный потенциал первичного значения слова². Поскольку коннотация не является частью лексического значения, а значит не обладает статусом дифференциальной семы, разводящей близлежащие видовые понятия, она не может быть выявлена в процессе компонентного анализа. Если сема является обязательным и логически существенным признаком содержания слова, то коннотация представляет собой факультативный и таксономически несущественный признак, т. е. относится к «ненаучной семиотике»³, в силу чего в логических дефинициях коннотации не фиксируются, ср.: «Осел. Животное из семейства лошадиных, невысокого роста с большой мордой и длинными ушами» (Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1994. Т. 2. С. 861).

Коннотации, являясь «смутными (*vaguer*) ассоциациями слова для <отдельных> групп и индивидуумов»⁴, отражают отношение представителей определенного народа или культурного ареала (европейского, христианского, мусульманского и др.) к данному предмету, отсюда распространенная трактовка коннотации как «культурной единицы»⁵.

История развития понятия «коннотация» включает два этапа:

1. В средневековой схоластической философии данное понятие использовалось для противопоставления наименований разной семантики. Так, согласно концепции английского философа Уильяма Оккама

¹ Backhouse A. Connotation // The international encyclopedia of linguistics. Oxford Univ. Press, 1992. P. 297.

² Никитин М. В. О семантике метафоры // Вопросы языкознания. 1979. № 1. С. 92–102.

³ Hjelmslev L. Prolegomena to a Theory of Language. Univ. of Wisconsin Press, 1969 [1943]. P. 120.

⁴ Cook G. The Discourse of Advertising. Psychology Press, 2001. P. 12.

⁵ Eco U. A Theory of Semiotics. Indiana Univ. Press, 1976. P. 86; cf.: Leech G. N. Semantics. Harmondsworth, 1974. P. 15.

(1285–1349), одни слова (например, абстрактное имя *белизна*) обозначают качество, другие же (например, прилагательное *белый*) не только обозначают качество, но и «коннотируют» его носителей (например, «некто, обладающее белизной»: *белый ~ цветок, парус...*)¹.

2. Позже это соотношение было «перевернуто». В трактате британского философа Дж. С. Милля (1805–1863) читаем: «Неконнотативное имя обозначает только предмет или только признак. Коннотативное же имя обозначает предмет, а имплицитует (*implies*) признак». Так, имя существительное *человек* обозначает живое существо («предмет»), а коннотирует качества этого существа (*человек ~ разумный* и др.)²; отсюда современная традиция рассмотрения некоторых слов как носителей определенных коннотаций.

Л. Блумфилд (1887–1949), определив коннотации как «дополнительные <к значению> значимости (*values*)», например социальную или диалектную окраску, оттенок устарелости, научности, иноязычности, жаргонности и т. д., пришел к пессимистическому выводу о том, что «разновидности коннотаций бесчисленны и неопределимы (*indefinable*)»³. Тем не менее спустя десятилетие эту концепцию принял Л. Ельмслев, именовавший «коннотаторами»: а) окраску местного говора, диалекта, жаргона, сленга; б) определенного стиля: художественного, разговорного, научного, публицистического, религиозного, судебного; в) «тоны» и индивидуальные особенности произношения («*physiognomies*») ⁴. В русле этой парадигмы к числу коннотаций в отечественной научной литературе относят стилистические оттенки слов, дающие информацию о том, «какое место занимают соответствующие единицы в общей системе языка»⁵, в частности «отнесенность лексики к тому или иному функциональному стилю»⁶. Такие трактовки нецелесообразны, поскольку они полностью отождествляют понятие коннотации с понятием стилистической окраски.

¹ Оккам У. Избранное. М., 2002. С. 15.

² Mill J. S. A System of logic ratiocinative and inductive. Vol. 1. London, 1872. P. 31–32.

³ Bloomfield L. Language. London, 1973 [1933]. P. 151–155.

⁴ Hjelmslev L. Prolegomena to a Theory of Language. Univ. of Wisconsin Press, 1969 [1943]. P. 115–119.

⁵ Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975. С. 20.

⁶ Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. М., 2002. С. 86.

5.5. Полевая методика

При систематизации средств выражения абстрактных семантических категорий (таких, как время, пространство, причина, аспектуальность и др.) традиционно используется уровневый анализ. Рассмотрим с применением данной процедуры категорию «Количество»¹. Ее выражению служат, в частности, следующие средства:

1. Единицы морфемного уровня: а) флексии (ед. ч. *нога* — мн. ч. *но́ги* и т. д.), б) аффиксы, выражающие разные виды однократности (*подпрыгнуть*, *сигануть*) и повторяемости действия (*подпрыгивать*, *подскакивать*; *поглядывать*, *посвистывать*).

2. Единицы лексического уровня: а) счетные слова, выражающие субкатегорию единичности: *коробок спичек*, *тарелка супа*, *бутылка молока*, *пять голов скота*, *вязанка дров*, *булка хлеба*; б) имена существительные, обозначающие группы животных: *табун лошадей*, *стадо коров*, *свора собак*, *караван журавлей*, *стая уток*; людей: *группа студентов*, *отряд казаков*, *ватага бурлаков*, *шайка жуликов*; в) имена существительные, выражающие неопределенно большое количество: *море цветов*, *реки крови*, *армия муравьев*; г) имена существительные, выражающие неопределенно малое количество: *капля вина*, *щепотка соли*, *горстка храбрецов*; д) количественные числительные (т. е. средства обозначения точного количества): *один*, *два*, *три*, *сорок*, *двести*, *двести пятьдесят три*, *тысяча*, *миллион*, *миллиард* и др.

3. Единицы синтаксического уровня: структуры типа *Что (возраст, ширина чего-л.) насчитывает (составляет) сколько чего, У кого имеется (есть, насчитывается) сколько чего, Кому исполнилось (минуло, стукнуло) сколько лет* и др. Как видим, каждая позиция такой структуры лексически охарактеризована, т. е. открыта для слов определенной семантической микросистемы. Чем шире состав таких микросистем, тем продуктивнее фразообразующий потенциал конструкции и тем она активнее.

Мотивационный анализ говорит о том, что пополнению лексических средств выражения категории количества служит ряд моделей вторичной номинации, в частности:

¹ См.: Категория количества в современных европейских языках / отв. ред. В. В. Акуленко. Киев, 1990.

- 1) метафорические переносы, например: а) «водное пространство → неопределенно большое множество»: *людской океан, лужа крови, море цветов*; б) «водный поток → неопределенно большое множество»: *река слез, потоки беженцев, фонтаны искр*; в) «объект, состоящий из ряда частей → неопределенно большое множество»: *частокол вопросов, лес рук*; г) «воинское подразделение → неопределенно большое множество»: *армия муравьев, полчища тараканов*;
- 2) переносы с вида на вид, производимые по формуле «точное количество → неопределенно большое множество» (*finitus numerus pro infinito*): *миллион алых роз, миллиард комаров, тысяча вопросов*; *А срока было сорок сороков* (Вл. Высоцкий); *Не надо-ело тебе сорок раз повторять одно и то же?* (Н. В. Гоголь); *Я двести раз говорил об этом* или, с претензией на мнимую точность: *двести пятьдесят три раза*.

Подобные системы разноуровневых и гетеронимативных средств выражения абстрактных семантических категорий образуют функционально-семантические поля. Поскольку средства морфемного и синтаксического уровней принадлежат грамматике, а средства лексического уровня — лексике, такие поля именуют, вслед за Е. В. Гулыгой и Е. И. Шендельс, грамматико-лексическими. С этой точки зрения поле трактуется как двустороннее единство, которое образовано «разнообразными средствами грамматического и лексического уровня, призванными выражать и называть общие значения»¹.

Основными признаками функционально-семантического поля считаются:

1. Наличие лежащей в основе такого поля определенной семантической категории².

2. Семантическая сложность плана содержания, которое (как некий смысловой инвариант) должно быть представлено как минимум двумя субкатегориальными значениями («вариантами») ³, образующими

¹ Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969. С. 8.

² Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л., 1984. С. 23.

³ Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. С. 9.

«семантическую парадигму» данного функционально-семантического поля¹.

3. Разноуровневый характер средств выражения, которыми являются «грамматические (морфологические и синтаксические) средства данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне»².

4. Членение поля на «семантические участки», или «микрополя», отражающее семантическую сложность плана содержания³.

5. Наличие доминанты, под которой понимается одно из средств поля, «наиболее специализированное для выражения данного значения», «передающее его наиболее однозначно» и «систематически используемое»⁴. Так, доминантой и, соответственно, именем рассмотренного выше поля является слово *количество*.

6. Организация средств выражения в виде ядра (центра), околоядерной зоны и периферии в зависимости от однозначности / неоднозначности средства, регулярности его использования для выражения данного значения, широты охвата данным средством лексического материала (если это, к примеру, синтаксическая конструкция или грамматическая форма) и т. д.⁵, причем допускается существование не только моноцентрических, но и полицентрических полей⁶.

7. Переходы периферийных зон поля в периферийные зоны других полей, что демонстрирует смысловые и формальные связи, существующие между полями, их взаимодействие и «пересечение»⁷: так, некоторые из указанных выше средств выражения количества (*подпрыг-*

¹ Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л., 1984. С. 99.

² Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983. С. 40.

³ Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. С. 9.

⁴ Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. С. 10; ср.: Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983. С. 78.

⁵ Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976. С. 213–223.

⁶ Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л., 1984. С. 61–62.

⁷ Бондарко А. В. Принципы функц. грамматики и вопросы аспектологии. С. 45; Бондарко А. В. Функциональная грамматика. С. 25.

нуть, глянуть, поглядывать, посвистывать) демонстрируют связь с понятиями мгновенности и длительности, т. е. с категорией глагольного вида, а значит и с функционально-семантическим полем аспектуальности в части так называемой «количественной аспектуальности»¹.

Методика анализа функционально-семантического поля, разработанная Е. В. Гулыгой и Е. И. Шендельс и в дальнейшем существенно дополненная в трудах А. В. Бондарко, а также (в части приемов систематизации средств вторичной номинации поля) в работах группы филологов, работавших под руководством В. В. Акуленко, получила самое широкое распространение в семантических исследованиях.

Подчеркнем, что категории, составляющие основу функционально-семантических полей, носят предельно абстрактный характер. Смысловые же категории, насыщенные дескриптивными, т. е. сенсорно воспринимаемыми компонентами, такие как «Цвет» (*красный, желтый, краснеть, желтеть* и т. д.), «Движение» (*бежать, идти, бег, ход*), «Форма» (*круглый, квадратный, круг, квадрат*), «Запах» (*запах, дух, вонь, аромат, пахнуть, вонять, благоухать*) и др., слишком конкретны по значению, поэтому остаются в пределах лексического уровня, будучи неспособны охватывать средства морфемного и синтаксического уровней, а значит внедряться в сферу грамматики. Такие объединения лексических средств разной частеречной принадлежности, служащие обозначению смысловых категорий дескриптивного типа, именуются лексическими, лексико-семантическими, лексико-фразеологическими, СЕМАНТИЧЕСКИМИ ПОЛЯМИ.

Мысль о существовании таких полей впервые высказал российский филолог М. М. Покровский (1868—1942) в статье «Семасиологические исследования в области древних языков» (1895): «Слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются (в нашей душе), независимо от нашего сознания, в различные группы, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению»². Дальнейшее развитие этой идеи происходило в недрах немецкой лингвистики XX века.

¹ Маслов Ю. С. Избр. труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. С. 313.

² Покровский М. М. Избр. работы по языкознанию. М., 1959. С. 82.

Термин *поле* применительно к подобным объединениям слов впервые использовал Гюнтер Ипсен (1899—1984) в статье «Древний Восток и индоевропейцы» (1924), обосновывая (как видим, далеко не новое) мнение о том, что слова в языке не «стоят отдельно», но объединяются в «понятийные группы»; далее понятийная группа была обозначена им как «понятийное поле (bedeutungsfeld)»¹.

Позже Йост Трир (1894—1970) указал на то, что каждое семантическое поле «обслуживает более или менее закрытый понятийный комплекс, подразделение которого определяет членение поля <словесных> знаков (des Zeichenfeldes)», характеризуется «числом и <взаимо>расположением (Zahl und Lagerung)» слов, их «взаимозависимостью друг от друга»², т. е. имеет определенное членение, объем и структуру.

Идея объединения лексической семантики с грамматической в пределах абстрактной семантической категории и осмысления лексического поля (Wortfeld) как составной части «языкового поля (sprachliche Feld)», включающего, помимо лексики, и синтаксические структуры (Satzbaupläne), объединенные в «синтаксические поля (syntaktischen Felde)»³, была выдвинута в 1951 г. Лео Вайсгербером (1899—1985). Языковое поле в таком (несколько упрощенном, с точки зрения нынешнего состояния отечественной науки о языке) понимании послужило прототипом и отправной точкой для развития современного сложного и разветвленного понятия функционально-семантического поля.

5.6. Интертекстуальный анализ

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ направлен на выявление межтекстовых ассоциативных связей, а также приемов, служащих созданию таких связей. Этапы анализа:

¹ Ipsen G. Der alte Orient und die Indogermanen // Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft. Heidelberg, 1924. S. 225.

² Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Heidelberg, 1931. S. 1–2.

³ Weisgerber L. Das Gesetz der Sprache als Grundlage des Sprachstudiums. Heidelberg, 1964. Aufl. 2. S. 58.

1. Выявление: а) инотекстовых вкраплений («инотекстем», «гетеротекстем») в анализируемом тексте; б) прецедентного текста, которому эти вкрапления принадлежат. В роли прецедентного текста обычно выступает широко известное произведение; если же адресат его все-таки в силу определенных причин не знает, он может, ориентируясь на «след чужого текста»¹: резкую смену стиля, прозиметрический характер текста (т. е. чередование прозаической и стихотворной речи) и т. д., вычленив инотекстем и далее путем поиска в Интернете найти прецедентный текст, которому она принадлежит.

2. Определение фигуры, вводящей инотекстем. К числу таких фигур относятся:

- а) ЦИТИРОВАНИЕ — дословное воспроизведение фрагмента какого-л. текста, сопровождаемое ссылкой на источник²: «Тит Ливий (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.), римский историк, говорил: “Исход крупных дел часто зависит от мелочей”. Считаю, что, к большому сожалению, следствие и сторона обвинения не установили все обстоятельства, подлежащие доказыванию» (Адвокат Ж. Е. Туяков, начало речи).
- б) АППЛИКАЦИЯ — цитирование без ссылки на источник: *У частного поверенного Зельтерского слипались глаза. Природа погрузилась в потемки. Затихли ветерки, замолкли птичек хоры и прилегли стада.* А. П. Чеховым использована «вставка» из басни И. А. Крылова «Осел и соловей», что придало тексту характер прозиметрии.
- в) ТЕКСТОВАЯ АЛЛЮЗИЯ — ассоциативная отсылка к определенному произведению. Особенностью такой аллюзии, отличающей ее от цитаты, является отсутствие ссылки. Средствами выражения текстовой аллюзии являются: 1) Отдельное слово или вариант слова, способные обеспечить ассоциативную «привязку» к конкретному прецедентному тексту, в частности: а) авторские неологизмы: *анофегей* (*анофез* + *аногей*) ~ повесть Ю. М. Полякова

¹ Riffaterre M. La trace de l'intertexte // La Pensée: Revue du rationalisme moderne. 1980. Vol. 215. P. 4–5.

² Подробнее см.: Москвин В. П. О цитировании, его видах и функциях // Русский язык в школе. 2013. № 10. С. 25–29.

«Апофегей» → *Апофегеем «бунта Первой Конной» стали события в Рогачеве* (А. Ю. Щербаков. Гражданская война); б) редкие фонетические, орфографические или иные варианты слов: *Революционный держите шаг!*. (А. Блок. Двенадцать) → *Гордость свою пролетарскую вспомни, тысячи ждущих рабочих мест. Звоном набат революционный: «Кто не работает — тот не ест!»* (К. Санрин. Прохожему, обдумывающему житье); в) имена собственные мифологических и литературных героев (*Геракл, Ромео, Плюшкин* и др.), лежащие в основе ономастической аллюзии. 2) Ряд однословных единиц, не отражающих компонентной, позиционной и грамматической структуры исходного текстового фрагмента: *Криница. До самого донца наполнено солнцем* (Реклама подсолнечного масла «Криница»), ср.: *Светить всегда, светить везде, до дней последних донца, светить — и никаких звезд! Вот лозунг мой и солнца!* (В. Маяковский). Сравним название кинофильма «Ирония судьбы» и первую строку в эпиграмме В. Гафта: *Не будь «иронии» в судьбе, Мы б не узнали о тебе* (А. Мягкову). Такая аллюзия именуется развернутой [англ. *extended allusion*]. Слова-носители текстовой аллюзии называют ее маркерами, репрезентантами. По номинативной технике текстовая аллюзия, в отличие от аппликации, представляет собой неточное, фрагментарное воспроизведение части какого-л. текста: «Аллюзия не предполагает формальной идентичности. Примеры маркеров — искаженная цитата или одиночное существительное в новом падеже»¹. Таким образом, текстовая аллюзия представляет собой интертекстуально осложненную номинацию, «особый вид текстовой импликации»², и имеет строго определенную номинативную технику. Необходимо различать аллюзии текстовые и нетекстовые (бытовые, исторические); последние к интертекстуальности отношения не имеют³.

¹ Ben-Porat Z. The Poetics of Literary Allusion // A Journ. for Descriptive Poetics & Theory of Language. 1976. Vol. 1. P. 110.

² Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. М., 1990. С. 103, 104.

³ Подробнее см.: Москвин В. П. К уточнению понятия «аллюзия» // Русская речь. 2014. № 1. С. 37–43.

г) ПАРАФРАЗ [Греч. *παράφρασις* ‘пересказ’] — прием, состоящий в изменении лексического состава устойчивого выражения или текста: *В ряду бюстов великих сынов трех Америк вслед за президентом США Линкольном можно увидеть А. Сомосу, основателя клана никарагуанских диктаторов. Два года в парламенте идут дебаты о его упразднении, но бюст и ныне там* (Вокруг света). Парафраз основан здесь на переделке крылатых слов *а воз и ныне там* (И. А. Крылов. Лебедь, Щука и Рак). В исходную фразу вместо слова *воз* введено тематически ключевое слово *бюст*; в результате произошла тематическая переориентация исходной единицы на текст, в который она вводится. Выразительный эффект парафраза состоит: а) в «неожиданном разрушении определенной модели непредсказуемым элементом»¹; б) в том, что он «придает двойное звучание всему контексту»². Замена не должна нарушать ритмико-синтаксическую структуру исходной фразы, т. е. должна быть незаметна. Наиболее удачны в этом плане замены словом: а) равносложным (*бюст* вм. *воз*), *Все дороги ведут к нам* (Реклама), ср. в *Рим*; б) близкозвучным: *Вольному* — *Volvo* (Реклама), ср. *воля*; в) созвучным: «гениальный секретарь» (В. Войнович), ср. *генеральный*. Объектами парафраза выступают: 1) «безымянные фразеологизмы» (С. И. Ожегов), пословицы, поговорки: *Неча на иго пенять* (Заголовок) < *Неча на зеркало пенять коли рожка крива* (этот тип парафраза к сфере интертекстуальности не относятся); 2) фрагменты текста: а) цитаты: *Много у Ленина сказано в масть, многие мысли частично верны, и коммунизм есть советская власть плюс эмиграция всей страны* (И. Губерман) < *Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны* (В. И. Ленин); *Гастал. В желудке все спокойно* (Реклама) < *В Багдаде все спокойно* (Кинофильм «Волшебная лампа Алладина»); б) крылатые слова: *Граждане России имеют «Bravo» на отдых и «Bravo» на труд* (Реклама); 3) тексты; парафраз текста имену-

¹ Riffaterre M. Criteria for Stile Analysis // Word. 1959. Vol. 15. № 1. P. 471.

² Земская Е. А. Речевые приемы комического // Исследования по языку совет. писателей. М., 1959. С. 254.

ется ТРАВЕСТИРОВАНИЕМ. Сила этого приема состоит «в обманутом ожидании»¹. Сравним два стихотворения:

Исходный текст:

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

М. Ю. Лермонтов

Производный текст:

Пьяные уланы
Спят перед столом;
Мягкие диваны
Залиты вином.
Лишь не спит влюбленный,
Погружен в мечты...
Подожди немного:
Захрапишь и ты!

А. Н. Апухтин

Поскольку травестиrowание регулярно используется как прием комической стилизации и бурлеска, данная фигура традиционно определяется как бурлескный парафраз (имитация, «перевод») текста «с сохранением его сюжета»².

3. Определение функций выявленных фигур интертекста — цитирования, аппликации, аллюзии, парафраза (см. раздел «Функциональный анализ»).

4. Определение типа прецедентного текста. ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ [лат. *textus praecedens* ‘предшествующий текст’] представляет собой текст, послуживший ассоциативной базой для фигур интертекста. Существует два типа прецедентных текстов: 1) текст-источник (донор), служащий ассоциативной опорой для таких извлечений из него, как цитаты, крылатые слова и аллюзии, и связанный с ними парциальными ассоциациями («часть ~ целое»); 2) производящий текст, служащий ассоциативной опорой для травестированного текста и связанный с ним деривационными ассоциациями («производящее ~ производное»), что позволяет говорить о внутренней форме травестийного текста. Понятие прецедентного текста традиционно используется в христианской экзегезе, один из постулатов которой гласит: «*Scriptura Sacra sui ipsius interpres*» ‘Священное Писание интерпретируется через себя’, т. е. через собственный предтекст, контекст, ранние изда-

¹ Ερμούγενοῦς Περί μεθόδου δεινότητος // *Rhetores graeci* / Em. Ch. Walz. Vol. VII. Stuttgartiae & al., 1834. P. 1338.

² Woodhouselee A. *Essay on the principles of translation*. Edinburgh, 1813. P. 361, 362.

ния и оригинал. Термин *прецедентный текст* используется здесь в двух значениях: 1) ‘предтекст’; так, в трактате М. Лютера читаем: «Sed refragatur huic interpretationi textus praecedens» ‘Но противится такому истолкованию предтекст’¹; 2) ‘исходный текст’: так, Ф. Меланхтон именует оригинал греческого текста, переведенного на латынь, «прецедентным греческим текстом (textus graecus praecedens)»². Давно замечено, что «интертекстуальность разворачивается во времени и социальном пространстве»³. Соответственно, сфера действия прецедентного текста определяется: а) по времени, в течение которого его помнят; б) по числу коммуникантов, которым он известен. По данным двум параметрам прецедентные тексты членятся на три типа: 1) известные узкому кругу лиц, например только отправителю и получателю сообщения (личное письмо); 2) известные широкому кругу носителей языка в течение непродолжительного времени: газетные тексты, тексты выступлений политиков, реклама; 3) известные широкому кругу носителей языка в течение длительного времени: Библия, произведения классической литературы, фольклорные тексты. Интертекстуальность, основанную на взаимодействии текстов первого типа, в англо-американской традиции именуют интерперсональной [*interpersonal intertextuality*], основанную на взаимодействии текстов второго и третьего типов — культурной [*cultural intertextuality*]⁴.

* * *

Существует зависимость между степенью сложности метода (методики) и возможностью их практического применения: чем сложнее метод (методика), «тем меньше поддержки они встретят у практиков»⁵, упрощение же ведет к утрате точности.

¹ Marthini Lutheri Exegetica opera Latina. T. IX. Erlangae, 1841. P. 208.

² Philippi Melancthonis opera quae supersunt omnia. Vol. XVII. Halis Saxonum, 1851. P. 688.

³ Brin C., Charron J., de Bonville J. Nature et transformation du journalisme. Presses Université Laval, 2004. P. 199.

⁴ Cutting J. Pragmatics & Discourse: A Resource Book for Students. London; New York, 2002. P. 8.

⁵ Wälchli B. Indirect measurement in morphological typology // Methods in Contemporary Linguistics. Berlin; Boston, 2012. P. 70.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что все процедуры лингвистического анализа по своему назначению и характеру поддаются подразделению на два типа:

- 1) ЭВРИСТИЧЕСКИЕ методы, направленные на «решение проблем в условиях неопределенности»¹, т. е. используемые для разработки новых концепций и классификаций:
 - а) АСПЕКТНЫЕ методы (функциональный, позиционный, уровневый, тематический мотивационный, количественный и контекстуальный анализ), образующие набор типовых точек зрения на изучаемый объект, т. е. его АНАЛИТИЧЕСКУЮ ТОПИКУ;
 - б) ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ методы (трансформационный и дистрибутивный анализ);
- 2) МЕТОДИКИ анализа, используемые для описания изучаемого языкового объекта по определенной апробированной алгоритмической схеме (нормативный, коннотемный анализ, полевая методика, интертекстуальный анализ, концепт-анализ и др.). Многие из таких схем (фонетический, морфемный, словообразовательный, морфологический, лексический, стилистический анализ, синтаксический разбор, лингвистический анализ текста и др.) используются в школьной и вузовской практике преподавания языка, и к числу научно-исследовательских, а тем более эвристических методов, не принадлежат. Каждый из подобных алгоритмов упорядочивает знания учащихся, обладает определенной объяснительной и мнемонической силой, а значит может быть «хорошим методом преподавания», однако такой алгоритм «не является методом открытия»². Метод нацелен на открытие, методика же «предназначена для решения определенного класса задач, как правило, часто повторяющихся»³. Так, применение

¹ Гончар Л. Ф. Философия. Ч. 1. М., 2000. С. 405.

² Бройль Л. По тропам науки. М., 1962. С. 179.

³ Гаврилова М. В. Методы и методики исследования политич. коммуникации. СПб., 2008. С. 5.

уровневого анализа привело к открытию функционально-семантического поля, однако полевая методика (как атрибут типовой квалификационной работы 70-х — начала 90-х годов XX в.) использовалась лишь для описания все новых функционально-семантических полей, к открытиям же не могла привести по определению, поскольку цель любой методики ограничивается «выявлением нового материала»¹ (с этой точки зрения трудно принять трактовку методики как «совокупности средств, приемов для получения новых знаний»²).

Методика может включать элементы целого ряда методов, а потому в данном отношении бывает гетерогенна. Так, полевая методика включает: 1) уровневый анализ; 2) мотивационный анализ (а значит и приемы экспериментальных методов). Как методику следует трактовать контрастивный анализ, применяемый при сопоставлении, как правило, двух языков и использующий, в частности, трансформационный, дистрибутивный, позиционный, количественный, мотивационный, а также полевой анализ, когда «сравниваются средства разных уровней (фонетика, лексика, грамматика), способные выражать одно и то же значение»³. С этой точки зрения неприемлемо определение методики как исключительно гомогенной структуры, представляющей собою «конкретный вариант того или иного метода [курсив наш. — В. М.], направленный на решение определенного класса исследовательских задач»⁴.

Как известно, описательный метод и его приемы (наблюдение и эксперимент как прием наблюдения, сопоставление, анализ и синтез, индукция и дедукция) представляют собой общенаучные аналитические процедуры. Частнонаучными реализациями данного метода, приспособленными к исследованию языковых единиц, следует счи-

¹ Степанов Ю. С. Принципы и методы современной лингвистики. М., 1975. С. 5.

² Шаховский В. И., Шейгал. Е. И. Методика лингвистич. исследований. 2-е изд. Волгоград, 2010. С. 5.

³ Гак В. Г. Сравнительная типология франц. и рус. языков. Л., 1976. С. 18. См. § 6 «Методика сопоставительно-типологического исследования» и § 7 «Методика описания материала при сравнительно-типологических исследованиях».

⁴ Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М., 1997. С. 75.

тать оппозитивный и компонентный, а также трансформационный и дистрибутивный анализ.

Функциональный, позиционный, количественный, уровневый, тематический, контекстуальный (т. е. анализ окружения, в частности конситуации, ситуации) и мотивационный анализ (т. е. анализ происхождения, или генетический анализ) применяются при исследовании самых различных (а значит, не только языковых) систем: так, позиционный анализ используется в математике, геоморфологии, политологии, конфликтологии, юриспруденции, в теории шахматной игры; уровневый анализ (например, компетенции учащихся) — в педагогике; функциональный — в математике, социологии, экономике, психологии; тематический — в социологии, экономике; генетический анализ объекта используется в геологии, ботанике, биологии, зоологии, палеонтологии, генетике, психиатрии и т. д.; анализ окружения изучаемого объекта — в архитектуре, иконографии, а также (как «ситуационный анализ») в экономике, маркетинге, конфликтологии, политологии, психологии; трудно указать ту сферу научной деятельности, в которой не применяются количественный анализ. С учетом данного факта аспектные методы, т. е. аналитическую топикку как набор типовых точек зрения на объект изучения, никак нельзя считать исключительной принадлежностью лингвистики. Виды аспектного анализа используются при наблюдении, сопоставлении, индукции и дедукции (т. е. при составлении классификаций), а значит подчинены описательному методу.

Если эвристические методы представляют собой компактную парадигму, то количество методик лингвистического анализа и разнообразных их вариантов, а также методик целого ряда смежных с лингвистикой научных дисциплин, например социолингвистики (включающей такие методики, как включенное наблюдение, устное интервьюирование, анкетирование, тестирование и др.¹), практически необозримо, и было бы чрезвычайно наивно пытаться рассмотреть их и критически проанализировать стоящие за ними концепции и классификации в пределах одной монографии. Выполнение этой задачи под силу лишь большому коллективу специалистов.

¹ См. гл. 5 «Методы социолингвистики» в кн.: Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. М., 2001. С. 266–327.

Научное издание

Москвин Василий Павлович

**МЕТОДЫ И ПРИЕМЫ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

Монография

Подписано в печать 15.07.2015.

Электронное издание для распространения через Интернет.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 324.

Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФЛИНТА»
представляет новинки в разделе
РЕЧЬ, ЯЗЫК, ОБЩЕНИЕ**

- Бабайцева В.В. **Синтаксис русского языка**: монография
- Бринев К.И. **Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика**: монография
- Ганиев Ж.В. **Контрастивная фонетика русского языка (В сопоставлении с узбекским и таджикским языками)**: учеб. пособие
- Гребенщикова А.В. **Основы квантитативной лингвистики и новых информационных технологий**: учеб. пособие
- Жилякова Н.В. **Рецепция русской классики в томской дореволюционной журналистике**: монография
- Кормилицына М.А., Сиротина О.Б. **Язык СМИ**: учеб. пособие
- Леонтьева Т.В. **Обычай в русском языке: слово и понятие**: монография
- Москвин В.П. **Методы и приемы лингвистического анализа**: монография
- Ольховская А.И. **Полисемия как проблема общей и словарной лексикологии**: монография
- Подготовка и редактирование научного текста**: учеб.-метод. пособие / сост. Н.П. Перфильева
- Тошович Б. **Интернет-стилистика**: монография
- Хроленко А.Т. **Введение в филологию**: учеб. пособие
- Хутыз И.П. **Академический дискурс: культурно-специфическая система конструирования и трансляции знаний**: монография
- Чудинов А.П., Нахимова Е.А. **Деловое общение**: учеб. пособие
- Яцук Н.Д. **Культура речи**: практикум
-

Заказы направлять по адресу:

*117342, Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, офис 324
Тел./факс: (495) 334-82-65, тел.: (495) 336-03-11
E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФЛИНТА»

существует на книжном рынке с 1996 г. Во «ФЛИНТЕ» ежегодно выходит более 200 книг. Издательство специализируется на выпуске литературы для вузов в основном гуманитарного профиля: учебники, учебные и методические пособия, хрестоматии, современные словари и справочники. Вся учебная литература подготовлена в соответствии с государственными образовательными стандартами. Среди авторов – ведущие ученые и преподаватели из Москвы, других городов России и зарубежья. Большинство учебников и учебных пособий проходят экспертизу и имеют грифы Министерства образования и науки РФ или соответствующих учебно-методических объединений.

ВЕДУЩИЕ ТЕМАТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ:

- РЕЧЬ, ЯЗЫК, ОБЩЕНИЕ
- РИТОРИКА
- РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
- ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА
- РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ
- ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ
- ЛАТИНСКИЙ И ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫКИ
- ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК
- ПСИХОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА
- ВАЛЕОЛОГИЯ, МЕДИЦИНА
- ПОЛИТОЛОГИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ЭКОНОМИКА, БИЗНЕС
- ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
- МАТЕМАТИКА, ФИЗИКА, ИНФОРМАТИКА, ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ
- НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Предлагаем вузам и библиотекам

электронные версии книг для использования в собственных ЭБС

Приглашаем к сотрудничеству

библиотеки, книготорговые организации, авторов учебной литературы

Выполняем заказы

по изданию монографий, научных трудов и других печатных работ
на договорных началах

НАШИ КООРДИНАТЫ:

Тел./факс: (495) 334-82-65, тел.: (495) 336-03-11

E-mail: flinta@mail.ru, WebSite: www.flinta.ru